

«Путь к Пути»

БЛАГОУХАЮЩИЙ СКОРПИОН

ИДРИС ШАХ

Скорпион, хоть и надушенный, жалит смертельно

Шах Хадрат Бахауддин Накшбанд

Перевод Юлиана Аранова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭННЕАГОН»

МОСКВА 2006

УДК 141.33

ББК 86.4

ШЗ1

Translated from "A perfumed Scorpion" by Idries Shah
The Octagon Press Ltd., London © Idries Shah

Издательство «Эннеагон» обладает исключительными правами, полученными от «Октагон Пресс», на издание этой книги. Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения Закона будут преследоваться в судебном порядке.

Шах Идрис

Ш 31 Благоухающий скорпион. / Пер. с англ. Ю. Аранов. — М.:
Эннеагон, 2006. — 281 с. (Серия «Суфизм на Западе»)
ISBN 5-91051-005-3 ББК 86.4

Выражение «надушить скорпиона», которое употреблял великий суфийский учитель Бахауддин, символизирует лицемерие и самообман как отдельного индивидуума, так и целых общественных институтов.

Идрис Шах в этих лекциях и размышлениях направляет внимание на благоухание и на скорпиона — на покров и реальность в психологии, в человеческом поведении и в обучающем процессе.

Наполненная иллюстративными анекдотами из современной жизни, книга эта выращена из учебных структур, которыми пользовались Руми, Хафиз, Джамии и другие великие мудрецы.

Книга содержит основные материалы лекций, прочитанных Идрисом Шахом в университетах США под эгидой институтов The Institute for the Study of Human Knowledge (Института Изучения Человеческого Знания) и The Graduate Institute of International Studies (Высшей Школы Международных Исследований), Fairleigh Dickinson University.

© Юлиан Аранов, перевод, 2006

© А. Сухарева, обложка, дизайн, 2006

I. СУФИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Согласно суфийскому учению, существует ряд переживаний, составляющих процесс созревания ученика как в образовательном, так и в духовно развивающем аспектах. Люди, думающие, что каждое достижение и есть сама цель, застрянут на любой из таких стадий и не смогут учиться с помощью последовательных, друг друга сменяющих уроков.

Джалаледдин Руми в XIII веке выразил это в таких прекрасных стихах:

Ман Гхулам и ан ки дар хар рабат
Кхвишра уасил на данад бар самат
Бас рабейт ки бабайат тарк кард
Та ба маскан дар расид йак руз мард

(Я раб того, кто не станет на каждой стадии воображать, что прибыл к концу своего пути. Множество стадий должно остаться позади, прежде чем путешественник достигнет места назначения).

Давайте бегло коснемся ряда утверждений об образовании, как оно понимается суфиями, как оно представлено в их литературе, историях и в их традиционных методах передачи материалов и побуждения людей к переживаниям, чтобы таким образом отметить одновременно и то, что является новым и неизвестным, и то, что может заполнить некоторые пробелы в современном образовании.

ОТСЛЕЖИВАНИЕ УЧИТЕЛЕМ РЕАКЦИИ УЧЕНИКА

Пауза между получением импульсов и их усвоением, а также склонность сводить на нет воздействие истории остроумной ремаркой или находчивым замечанием, возможно, благоприятствуют социально приемлемому поведению, но в обсуждаемых обстоятельствах эти факторы могут привести к понижению человеческой чувствительности. Внимание к ним составляет часть суфийского мастерства и попечения. Необходимость отслеживать собственные реакции и видеть, почему ты ведешь себя определенным образом, — самонаблюдение без неврастеничного самоуничтожения — представляет собой другую важную особенность суфийского обучения. Даже в самом начале упомянутого временного промежутка — на стадии острословия и самоизучения — мы можем заметить, как трудно подчас некоторым людям воспользоваться правильным критерием для определения того, что они делают, насколько человек не знает особенностей собственного временного промежутка, насколько автоматически он может острить, будучи не в состоянии контролировать свою реакцию, и как легко предается оргии самоанализа. Таким образом, отслеживание учителем реакций ученика имеет такую важность, что уже одно это оправдывает существование института учительства.

Приверженность к внешности, почитание сосуда, а не его содержимого, составляет еще одну из основных человеческих тенденций, что также объясняет необходимость присутствия или, по крайней мере, воздействия учителя.

ПРЕПЯТСТВИЯ В ИЗУЧЕНИИ

Препятствия в изучении можно обнаружить с помощью иллюстративных историй или пронаблюдать в самом себе; кроме того, через привычку они могут настолько глубоко укорениться в человеке, что для их преодоления понадобятся специальные процедуры,

особого рода взаимодействия. Как мы уже заметили, с этими препятствиями невозможно бороться с помощью механических структур, например, повторяя человеку, чтобы он не был субъективным. Подобными методами мы добьемся лишь того, что решимость не быть субъективным настолько укоренится в нем, что превратится в самостоятельную черту его характера, а это отнюдь не наделяет человека способностью делать то, что он считает необходимым.

КОСВЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ

Косвенное обучение и накопление определенного количества импульсов или учений, которые должны сложиться в нечто единое, составляет еще одну характеристику суфийской учебы. То, что в некоторых системах называется просветлением, в суфийском образовательном процессе представляет собой результат концентрации большого количества слабых импульсов и восприятий, и когда индивидуум готов, это приводит его к прозрениям. Уже сама идея, что человек здесь учится шаг за шагом и собирает по частичкам информацию и опыт, которые позднее должны почти неощутимо соединиться во что-то целое, неспособна, естественно, привлечь тех, кому в другом месте предлагают предположительные способы мгновенного просветления. Поэтому-то люди и пытаются ухватиться за всеобъемлющие категории учения, считая это всегда разумным. Соответственно суфийские занятия не конкурируют с системами, предлагающими мгновенное озарение, — высокопревозносимое снадобье, называемое «змеиным маслом», всегда будет пользоваться значительно большим спросом, чем менее броские средства.

Постепенная, капля за каплей, суфийская деятельность испытывает терпение даже тех людей, которые принимают вышеупомянутые постулаты.

Нередко можно услышать жалобы суфийских студентов на то, что их занятия идут не в том направлении, в котором должны были бы идти. Примером тому может послужить история под названием «Татуировка, изображающая льва».

Историю эту Руми приводит в первой книге своего произведения *Маснави*.

Человек пришел к татуировщику и попросил выколоть ему на спине изображение льва. Но, почувствовав укол иглы, он вскричал от боли и спросил художника, с какой части львиного тела тот начал рисунок. «С хвоста», — ответил художник.

«Оставь хвост, — заорал трус, — начни с другой части».

Когда же художник попытался приступить к выкалыванию другой части, клиент обнаружил, что чувствует такую же боль, и попросил опустить и эту часть.

В конце концов художник бросил на землю свои иглы и краски, отказавшись продолжать процедуру. Так мастер пожелал не утруждать себя работой, а его клиент пожелал не испытывать боли. В результате ничего и не произошло...

Вопросы в сфере образования тесно связаны с проблемой внимания. Люди, внимание которых частично занято чем-то другим помимо объекта изучения, по мнению суфиев, фактически неспособны усвоить урок. Это утверждение, само собой, было искажено: от учеников требуют выстроить и сфокусировать каждую йоту внимания, прежде чем они приступят к учебе. Здесь мы, конечно, видим иллюстрацию доктрины: «Одна таблетка аспирина снимает головную боль, следовательно, тысяча таблеток приведет к достижению высшего сознания». Но, как полагают суфии, качество и уровень внимания так же важны, как и другой, легче поддающийся количественному исчислению вклад ученика в учебную ситуацию.

Следы доктрины о психологической середине как позиции между двумя крайностями во мнениях, между верой и деланием, можно и в самом деле обнаружить то тут, то там в западной литературе, но следы эти редко связывают с ситуацией обучения.

Люди объявляют войну нескромности и заканчивают тем, что впадают в самоуничижение, которое в неумеренных дозах становится хуже нескромности.

Как сказал Шекспир: «Самолюбие... не так отвратительно, как пренебрежение к себе»¹.

ПЕРЕБОР МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ОТРАВЛЕНИЮ

Тема тысячи таблеток аспирина всплывает в огромном количестве случаев, которые могут служить ее аналогиями (если не непреднамеренными уроками), стоит нам только перенести эту тему как принцип, необязательно в качестве точного эквивалента, в более знакомые области. Только что я наткнулся на отчет, представленный Британскому Колледжу врачей о работе, которую проделал доктор Элвин Хьюз, биолог Уэльского университета. Считается, что витамин С в больших дозах может защитить от обычной простуды. Доктор Хьюз собрал 350 человек и стал давать каждому из них по 80 миллиграмм витамина, что примерно в 2,5 раза больше установленной ежедневной дозы в 30 миллиграмм. Эти люди в самый пик инфекционного периода оказались на 18% менее подвержены простуде, чем контрольная группа, которой давали по 30 миллиграмм. Была и еще одна группа, получавшая дозу, превышавшую 80 миллиграмм в день. И что же, люди в этой группе оказались еще меньше подвержены простуде? Вовсе нет! Принимавшие более 80 миллиграмм заболели ничуть не реже тех, кто принимал по 80 миллиграмм. Но, как сообщил доктор Хьюз, кое-какие изменения с ними все-таки произошли: в их организме появилась тенденция к образованию некоторых ядовитых веществ, таких как щавелевая кислота².

Те, кому довелось наблюдать случайное применение так называемых эзотерических практик искателями просветления и то, как механически эти практики дозируются, несомненно, увидят в вышеприведенном отрывке поистине ужасающую параллель.

НАХОЖДЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ УРОВНЕЙ В ШУТКАХ

Но даже когда все прочие условия соблюдены, необходимо уравновешенное выполнение дополнительных требований. Например, люди, привыкшие обращаться к историям только для того, чтобы посмеяться, получить моральное наставление или проиллюстрировать какой-то пункт доктрины, часто оказываются неспособными увидеть или услышать в рассказе какие-либо другие уровни смысла. Такие люди, *по* мнению суфиев, вообще ничему не обучаются, по крайней мере, на этой стадии и в подобном состоянии. Суфии считают, что эти люди настроены на морализм, шутки или догмы. Вот почему создается впечатление, будто суфийские учителя бесконечно допрашивают своих учеников, у кого те в действительности учатся — у суфиев или у кого-то или чего-то еще?

Суфии требуют от своих учеников внимания к объекту изучения именно в том духе, в котором обучают, что вполне соответствует требованиям инструкторов в других, более обычных областях знания. И подобным же образом не могут быть студентами те, кто приходят в учение как потребители — за эмоциональными стимулами (от присутствия ли учителя или от незнакомых и странных материалов).

НЕГАТИВНЫЕ И ПОЗИТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Можно сказать, что люди всегда стараются испытать подлинность учителя. Правда, мне подалось больше псевдоучеников, чем лжеучителей!

¹ Henry V (Король Генрих V), II. Ч.74/5 (1598-9 г.)

² The Times, London, 24 September 1976, p. 14, cols. 5—6; "Doses as high as 1000 mg a day have been suggested for cold" («Дозы, превышающие 1000 миллиграмм в день, предложены для борьбы с простудой...»).

Кроме того, найдутся люди, которые, услышав это заявление, скажут, что мы то и дело твердим о негативных моментах вместо того, чтобы утверждать позитивное. Говоря так, они уподобляются тем, кто неосознанно сообщает о собственных проблемах через свои реакции. Чтобы наполнить сосуд, гласит пословица, сначала, возможно, придется опустошить его. Настаивать же на том, что сосуд должен быть наполнен, независимо от того, что в нем уже находится (а ведь там может быть и что-то непотребное), — значит говорить отнюдь не об учении и учебных процедурах, а об отсутствии собственной проницательности.

ДОСТИЖЕНИЕ ЗАВЕРШЕННОСТИ ИЛИ ПСИХОТЕРАПИЯ

Суфийское образование направлено на решение проблемы, связанной, как утверждают суфии, с фундаментальной и всеобщей незавершенностью человеческого рода. Это означает, что нужно заниматься самой проблемой, а не ее симптомами. Таким образом, суфийское образование может иметь (и на самом деле имеет целью) решение этой основополагающей задачи, тогда как студент (то есть человек, воображающий себя студентом) может желать психотерапии, тайн, подтверждений тому, что он не зря тратит время, и т.п. Именно потому, что сосуд уже наполовину полон, суфиям приходится расчищать путь к пониманию подобных базисных положений, с тем чтобы могло начаться обучение, а не переполнение сосуда. Мы отнюдь не имеем в виду, что суфии требуют от людей отречения от всякого прежнего знания, хотя это, конечно же, означает, что суфии, как все учителя в любой области образования, вправе ожидать наличия условий, необходимых для обучения. Если желание быть в оппозиции к учению или, напротив, желание употребить его слишком сильно в ученике, то обучение вряд ли возможно.

СУФИЗМ ИЗУЧАЕТСЯ ПОСРЕДСТВОМ САМОГО СЕБЯ

Суфийская наука изучается посредством самой себя, и очень редко даже к отдельным ее фрагментам можно подойти, используя индивидуальные положения других учебных форматов. Она основывается на собственных постулатах, и, по крайней мере, некоторые из них не считаются основополагающими или даже уместными в иных системах. Поэтому крайне важно, чтобы тот, кто изучает или наблюдает суфийский феномен, осознал, что суфии не учат в свете других систем, какими бы традиционными или же современными они ни были. Суфийская работа может подтвердить или *просветить*, скажем, психологию. Но вряд ли, например, психология способна предложить лучший способ для изучения или понимания суфизма и его обучающих методов.

ОБРАЗОВАНИЕ КУЛЬТОВ КАК АНОМАЛИЯ

Пренебрежение суфийскими критериями при изучении суфизма чаще всего заканчивается свехупрощением или банальной рутинной, причем первое порождает культ, а второе — некую туманную религиозность, а иногда это выливается в интеллектуализм, доходящий до совершенно комичной вьедливости. Гипертрофии такого рода весьма характерны для культов и организаций, групп и книг, встречающихся на каждом шагу. Я уже много раз публично приглашал людей ознакомиться с подобными явлениями и материалами, чтобы они сами могли обнаружить, видят ли они все это в том же свете, что и мы, или предпочитают другие, фрагментарные подходы.

ФУНКЦИИ ПОЛУШАРИЙ ГОЛОВНОГО МОЗГА

Восточная позиция в отношении функций полушарий головного мозга (левого и правого) состоит в том, что, сколь бы важной ни была специализация каждого полушария и сколь бы полезным ни было определение их функций, существует еще один способ познания, при котором взаимодействуют оба.

Возможно, именно об этих двух способах мышления писал Омар Хайям (умерший восемь с половиной веков назад) в своих стихах, посвященных логике и вере, где он заявляет, что как тот, так и другой способ мышления Производят одинаково ошибочные предположения:

Куаме мутаффакар энд дар мазхаб уа дин.
Фама'и мутахаййаранд шакк уа йакин
Нагах манади бар ауад зи камин:
Ки'еайи би-кхабаран-рах на ан аст на ин!

Люди размышляют над доктриной и верой,
Мечутся между сомнением и уверенностью,
Как вдруг голос свыше глаголет:
«О невежды! Путь не в том и не в этом!»

ПЕРЕСТАНОВКА КОНЦЕПЦИЙ

Продолжая вместе с нами исследовать примеры суфийской мысли в контексте образования, вы можете заметить, как часто буквальное здесь преднамеренно заменяется фигуральным, а последовательное мышление — холистическим (целостным). Хочу подчеркнуть слово «преднамеренно», потому что не следует путать этот метод с обычным явлением, когда одно становится другим в результате непонимания или культурной деградации. У суфиев подобная перестановка осуществляется умышленно, но не как следование системе, а только в тех ситуациях, когда необходимо расшевелить «застывшую» мысль...

Суфийский учитель обычно руководствуется в таких случаях внутренним восприятием, так что мы приводим здесь только самые грубые примеры — содержащие аспекты, проявляющиеся при физическом контакте и вербальном взаимодействии людей.

И еще следует помнить, что свое восприятие суфий считает связанным с космической интуицией, которая и побуждает его работать в сфере образования суфийского толка. Мотивируясь этим чувством, суфий фактически разделяет убеждения Эйнштейна, что «космическое религиозное переживание — самое мощное и благородное побуждение, движущее научным исследованием»³.

ОСОЗНАНИЕ МОТИВАЦИИ

При выборе учеников суфий, как и учителя в более традиционных областях знания, принимает во внимание следующее: серьезен ли кандидат на обучение в своем желании

³ Цитата из его некролога, 19 апреля 1955 г. Побуждением это и в самом деле может быть, но только необсуждаемым побуждением: речь и переживание имеют противоположные характеристики. Как сказал Худжвири 1000 лет назад, цитируя одного суфийского руководителя: «Спрашивать о переживании (хал) абсурдно, потому что переживание — это уничтожение речи» (Кашф-аль-Махджуб, Nicholson's version, p. 370, 1959 reprint., London: Luzac).

учиться, чего он хочет на самом деле — работать или развлекаться. Сам студент может и не осознавать собственных мотивов.

ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ УЧИТЕЛЯ

Люди часто спрашивают, как отличить истинного мудреца от ложного среди огромного множества восточных учителей, конкурирующих за внимание последователей.

Вот одна из самых изящных и поучительных бесед на эту тему, которые я когда-либо слышал:

Некто спросил суфия: «Чем отличается истинный учитель от ложного?»

Суфий ответил: «Я дам тебе признаки ложного».

«Вот и прекрасно, — ответил вопрошающий. — Моим учителем станет тот, кто не подойдет под твоё описание».

«Все не так просто, как тебе кажется, — сказал суфий, — потому что сначала тебе надо будет найти потенциального учителя, который согласится принять *тебя* в ученики таким, каков ты есть сейчас. Вот этот-то учитель и будет невеждой и обманщиком».

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В последние годы возник большой интерес к установлению связи суфийского знания с современными образовательными и психологическими теориями, и он не угасает по сей день.

Положительным здесь является то, что благодаря этому методу образованная публика может получить некое подтверждение истинности суфийского учения, так как оно основано на положениях, доступных проверке принятыми способами. Если кому-то покажется, что суфийские истории демонстрируют знание подсознательной функции головного мозга, ну что ж — это поможет ему сконцентрироваться. Он почувствует: «Суфизм, должно быть, истинное учение». Более того, это предоставит формат, в рамках которого нуждающиеся в подобном заверении смогут подойти к определенным аспектам суфизма.

Для суфия же необходимость такого подхода минимальна.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД К ЗНАНИЮ

Перенесем эту проблему в более знакомую область: представим себе, что ряд людей сомневается в преимуществах некоего нового товара. Тем не менее в свете их коммерческой практики, обычаев и занятий они видят, какое место этот товар может занять в их жизни, в результате чего и потребители, и продавцы товара останутся довольны. Но как далеко каждой из сторон следует зайти в этом деле? Должны ли «потенциальные потребители» представляемого товара концентрироваться лишь на тех его сторонах, которые им нравятся или подтверждают их вкусы и привычки? Должны ли те, кто представляют новый продукт, чрезмерно рекламировать именно эти его качества, если в результате данная вещь будет представлена неадекватно или же на ее внедрение уйдет слишком много сил и времени? Мы опять сталкиваемся с вопросом баланса: кто направляет внимание и куда? Пожалуй, нам повезло, что в нашем случае подобная проблема неактуальна, потому что, как показывает опыт, суфийское обучение и изучение не нуждаются в рекламе, ни в прямой, ни в косвенной, и так привлекая к себе достаточное количество и разнообразие человеческих типов. Вопрос этот, однако, следует предать гласности, поскольку масса людей настаивает на «потребительском» подходе к

суфийским занятиям, о чем я уже упоминал выше.

ОГРАНИЧЕНИЯ В РАБОТЕ С ПРОИЗВОДНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ

Работа с материалами, производными от суфийских учений, обладает весьма специфической ценностью. Некоторые истории и другие вторичные материалы вызывают сегодня огромный интерес у тех, кто связан с психологией и образованием. Они чувствуют, что материалы эти полезны в их специфических дисциплинах, и, несомненно, так оно и есть. Однако необходимо разъяснить, в какой степени нашими производными материалами можно воспользоваться для подобных вторичных, а то и вовсе неадекватных целей. Мы никоим образом не хотим сказать, что западные люди воображают, будто суфизм — это алмазная шахта, где драгоценные камни скрыты в грудях бесполезной породы, которую необходимо отсеять. Не стоит также предполагать, что современные суфии культивируют элитарный подход по отношению к суфизму. Истина, однако, в том, что для суфия суфийская цель — фундаментальна, а традиция и методология — целостны и в полной мере действенны. Место для экспериментов и «изобретения велосипеда» здесь есть, но весьма ограниченное и ограничивающее. К примеру, вы же не обратитесь в Массачусетский технологический институт, чтобы приобрести устройство для изгнания злых духов. Несоответствующее приложение идей никому еще не помогало.

Маловероятно, что среди тех, к кому обращено это послание, найдутся люди, воспринимающие суфизм как нагромождение всевозможного хлама, откуда можно выудить кое-какие детали и с пользой встроить в существующий механизм образования или психологии, чтобы сообщить им новый импульс, поэтому не стоит долго говорить о столь примитивном подходе к тому, что, в конечном итоге, является одной из наиболее всеобъемлющих, продолжительных и гибких традиций, зарегистрированных в истории человечества.

Желание ознакомиться с разнообразием и изощренностью суфийского подхода через исследование отдельных *частей* суфийских обучающих методов — не то же самое, что выискивание фрагментов, которые можно было бы украсть и использовать для ремонта влачащих свое существование структур, возможно, экспериментальных.

Суфии всегда приветствуют интерес к своей работе, если речь идет об объективном или альтруистическом интересе, то есть в целях образования или науки.

Но, чтобы узнать, как устроен слон, не стоит дергать его за уши или за хвост, потому что в сравнении с затраченной на это энергией вы узнаете о слонах очень мало.

Таким образом, в суфийском образовании сфокусированность, баланс, значение, придаваемое различным импульсам и переживаниям, настроенность ученика — имеют первостепенную важность, и суфийские учителя служат связующим звеном со всеми этими элементами.

КАК НЕ НАДО УЧИТЬСЯ

Когда та или иная форма познания становится доступной, люди, словно повинувшись какому-то неодолимому инстинкту, начинают выхватывать из учения различные фрагменты, близкие им по профессиональным или психологическим причинам (довольно-таки стандартное поведение в человеческом обществе), и, будто Дон-Кихоты, разбредаются по свету с этими обрывками, разрабатывая их, упрощая и объявляя, что они представляют собой нечто целое, то, чем необходимо срочно оделить всех и каждого. Такая судьба постигла и суфийские учения. Если вы на минуту задумаетесь о том, что происходит в известных областях знания (скажем, в медицине, философии, в социальной или даже политической сферах), вы поймете, что я имею в виду. Схема действий одна и та

же. Как правило, в большинстве таких случаев отдельные личности или группы людей пытаются остановить этот процесс или урегулировать ситуацию, для чего учреждают единый авторитетный орган, через который можно было бы управлять распространением подлинных материалов, знания и/или практических процедур.

ЦИРКОВОЙ БАЛАГАН

Но в суфийской сфере все не так просто. В нашей области для публики более заметны культы, нежели подлинное учение; больше рекламируются гуру, чем суть учения; промежуточная, замещающая литература значительно доступней взвешенного руководства. Причина в том, что суфизм, в сущности, в своем наиболее эффективном и истинном виде слишком деликатен, слишком зависит от восприятия, чтобы его можно было выразить в грубых внешних формах, упаковать в систему — но именно этого требуют люди при первом знакомстве с чем бы то ни было, а поверхностные популяризаторы удовлетворяют их спрос. Вот такое последовательное вырождение тонкого в грубое и характеризует безальтернативный подход человека к вещам, и здесь мало что можно изменить. Едва ли можно отрицать, что разные клоунады и балаганы представляют суфизм, пока нечто являющееся суфизмом, но суфизмом подлинным, не будет продемонстрировано *В ТАКИХ ЖЕ ТЕРМИНАХ*. Оценка суфизма основана на его восприятии. А восприятие суфизма — это не то же самое, что грубые тени от суфизма, привлекающие интеллектуальные и эмоциональные натуры. Если тонкой реальности необходимо найти форму гармонических отношений с какой-либо культурой, то и воспринимающая культура обязана воспитать достаточное число людей с соответствующим интересом на должном уровне. Это почти тот случай (хотя и не совсем тот), когда люди получают таких «суфиев», которых они заслуживают. Приведу одно из самых ценных замечаний, услышанных мною в юности, когда я сам проходил обучение; чем больше я размышлял о нем, тем больше узнавал.

УЧИТЕЛЬСТВО ЕСТЬ ФУНКЦИЯ, А НЕ ВИДИМОСТЬ

«Видимый институт учителей существует в нашем измерении отнюдь не для нужд просветленных. Напротив, он здесь именно потому, что обычные люди нечувствительны и не способны воспринять что бы то ни было, пока этому не будет придана внешняя форма. Первостепенная обязанность подобного института — исчезнуть из сферы видимого и появиться в сфере реального действия».

Мне кажется, что новому знанию о работе двух мозговых полушарий может в конце концов понадобиться создание такого же тонкого института⁴.

ПРИМЕР ХРИСТИАНСТВА

Недавно я отметил интересный пример деградации человеческих верований, причем в такой области, где обучение определенным доктринам длится уже почти 2000 лет.

Исследование, проведенное в Британии, показало, что среди опрошенных христиан 70% верят в существование личного Бога и только 30% верят в существование дьявола. Далее, лишь меньшинство — в среднем 44% — придерживается мнения, что христианская

⁴ См. *Robert E. Ornstein*. *Psychology of Consciousness* («Психология сознания»), London — New York; W.H. Freeman and Company, 1972; и (второе издание) Harcourt Brace Yavanovich Inc., и Academic Press; London - New York, 1977.

религия лучше буддизма. Среди католиков, принявших участие в опросе, 50% верили в существование дьявола, тогда как целых 92% верили, что существует вечное наказание в аду. И в том же исследовании, когда людей спросили, как они относятся к фактам, которые возможно доказать, выяснилось, что они больше верят в недоказуемые вещи, чем в то, что может быть доказано⁵. Из общего количества опрошенных христиан лишь один из трех верил в эволюцию человеческой расы...

Даже опуская другие вопросы, затронутые в этом отчете, опубликованном в 1962 году и ставшем уже довольно известным, интересно отметить, что «религия» огромного количества людей не стыкуется с догматами исповедуемой ими веры, несмотря на то что целые поколения находились под воздействием ее специфического учения, практически не встречавшего противодействия, на протяжении многих веков, а точнее, почти 2000 лет. Что тут скажешь об эффективности образования?

Если буддизм лучше христианства, зачем же оставаться христианином? Если Бога нет, зачем называться христианином? Если нет дьявола, то кто осуществляет вечное наказание в аду и как вообще в таком случае можно верить в ад?

На основании каких свидетельств или под воздействием какого процесса одни христианские верования принимаются, а другие отвергаются?

Люди любят цитировать фразу: «Я мыслю, следовательно, существую»⁶; но фактически они, конечно, подразумевают: «Я верю в это, значит, так оно и есть».

Суфии утверждают, что истину невозможно ни открыть, ни утвердить с помощью непрестанного заучивания. Понимание истины сохраняется только в результате постоянно повторяющегося опытного ее познания. Суфии всегда настаивали только на опытном познании истины. Поэтому суфизм — это не «Делай, как я говорю, а не так, как я делаю» и даже не «Делай, как я», но «Испытай это, и узнаешь».

МОДИФИКАЦИИ, ПРОИЗВОДИМЫЕ ВООБРАЖЕНИЕМ

Приоритет, разумеется, необходимо отдавать знанию. Полагаться на вторичную передачу, может быть, и неплохо, но, как сказал Руми, «из сыра молока не получишь».

«Говори с каждым согласно его пониманию».

Этот девиз, используемый суфиями, должен быть изучен. Суфий может учить только там, где возникает общественный спрос на его обучение, а также внешняя цель. Общество же способно воспринять цель, только когда оно к этому готово.

Девиз работает в обучающей ситуации, где есть возможность измерить понимание ученика.

Но понимание среди широких слоев любого общества претерпело столько искажений, вызванных насаждаемыми предубеждениями, программированием и воспалением умов, спровоцированным многими видами прессинга, что кажется, когда мы имеем дело с обществом в целом, упомянутый девиз надо бы заменить на другой: «Говорите со всеми, а уж они изменят ваши слова сообразно своему воображению».

Часто говорят, что тупость надо игнорировать и никогда не противостоять ей напрямую, поскольку изменить ее все равно по определению невозможно.

Как было бы удобно, если бы все было так просто! Опыт показывает, что, по крайней мере в некоторых случаях, в отношении тупости необходимо что-то делать, иначе, чего доброго, она сделает что-нибудь с нами...

⁵ *Brown, L.B.* A Study of Religious Beliefs («Изучение религиозного верования»); *Brit. Journ. Psychol.* 1962, V. 53, No 3, p. 259-272.

⁶ *Cogito ergo sum* Декарта (1596—1650). Хаксли показал, что, если это высказывание проанализировать с помощью картезианских методов, оно сводится лишь к следующему: «Нечто, называемое мыслью, — существует» (Хаксли. «Декартовское рассуждение о Методе»).

Если бы вам описали общество, в котором часть людей, будучи христианами, верит, что буддизм как религия лучше христианства, что есть Бог, но нет дьявола, что конкретные факты заслуживают меньше доверия, чем верования, не поддающиеся доказательствам, и что, хотя нет никакого дьявола, существует вечное наказание в аду, — могли бы вы предположить, что речь идет о Британии?

СУФИЙСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВАНИЯ

Промчавшись галопом по странной, но знакомой стране, мы теперь можем вернуться к суфийскому подходу к образованию, которое осуществляется путем концентрации определенных импульсов. Но прежде я хочу подвести итог тому, что называют образованием западные люди. Согласно недавнему исследованию, опубликованному в Соединенных Штатах, западное образование можно разделить на три основные категории:⁷

1. Система идеологической *обработки* — ее обычно называют передачей культурных ценностей и знаний от одного поколения к другому;

2. *Идеалистическая* система, согласно которой мы должны позволить тому, что внутри нас, выйти наружу; это называют романтизмом;

3. *Взаимодействие* — наиболее современный метод, стимулирующий студента и развивающий его (или ее) в результате обратной связи с учением⁸.

Суфийское отношение к этим трем системам можно выразить следующим образом: идеологическая обработка, если пользоваться только ею, приводит к нежелательным последствиям; идеализм склонен игнорировать тот факт, что вкладывать нечто в человека так же важно, как и выводить что-то наружу; успех взаимодействия зависит от знания того, к чему, когда и как должна применяться обратная связь, чтобы обеспечить развитие, овладение знанием и просвещение. Ближе всего к суфийскому подходу метод взаимодействия, при условии, что оно обеспечено прохождением через разнообразный опыт, который, в свою очередь, должен быть продуктом подлинного понимания.

Поэтому, работая со своими учениками, суфии используют в процессе обучения метод, порой мистифицирующий наблюдателей, так как он основан на определенных возможностях ситуации. Теоретический подход к образованию, предполагающий, что людей надо побуждать делать что-то или чему-то учить только потому, что, как считается, это, подобно некоему заклинанию, само по себе принесет им пользу, — кажется, оставлен нами далеко позади. Однако не могу удержаться, чтобы не привести здесь результаты недавнего расследования одной авиакатастрофы, случившейся вследствие применения «народной» системы образования.

Аэробус с 300 пассажирами на борту шел на посадку в аэропорту Найроби, в Кении. Самолетом управлял капитан, в послужном списке которого значилось 18000 часов летного времени. Диспетчеры отметили начавшуюся посадку, только когда самолет, пролетая над скалистой местностью, покрытой кустарником, находился уже в 70 футах от земли. Дело в том, что он пытался лететь ниже уровня посадочной полосы. Капитан проработал в авиакомпании, одной из самых больших в мире, целых 30 лет. Как было заявлено, тринадцать процентов капитанов этой компании после окончания тренировочного курса провалили экзамен по управлению аэробусами: самый большой процент провалов в мире. В других авиакомпаниях количество провалов не превышало 3,5%. Из расследования, проведенного Ассоциацией Пилотов, стало ясно, что в курсе обучения пилотированию фактически даже *не тестируется* умение курсантов *управлять* самолетом. Но что ободряет, так это чтение отчета Ассоциации, где сказано: «Рабочая

⁷ Kohelberg, L. and Mayer, R. Development as the Aim of Education («Развитие как цель обучения»). Harvard Educational Review, Vol. 42, No. 4, November 1972, pp. 449-496.

⁸ Метод, основанный на учёте индивидуальных особенностей ученика — Прим. переводчика.

Партия собирается заменить существующий экзамен другим, который будет проводиться самой авиакомпанией, и в его основу ляжет то, что необходимо знать пилоту, чтобы управлять самолетом». Далее для сравнения приводятся показатели американской авиакомпании United, где из 250 человек экзамен провалил только один⁹.

Всегда ли современное образование построено на взаимодействии? Из чего оно исходит и к чему стремится?

Суфийское образование построено на суфийском знании. Меня всегда забавляло, что люди посторонние интересуются не тем, что такое суфийское знание, а тем, откуда у суфиев знание тех вещей, которыми так интересуются все остальные. Недавно было отмечено, что в суфийской классической литературе содержатся упоминания космических полетов, атомной энергии, эволюции, теории пространства и времени, управляемых аэростатов, шарообразности Земли и т.п. Как я уже говорил, суфии по этому поводу утверждают, что знание всего вышеперечисленного не является для них основным, и получают они его в виде побочного продукта того, что современные исследователи, несомненно, назвали бы холистическим, или всеобъемлющим, мышлением. В любом случае для нас эти знания побочные, сколь бы полезными в практическом отношении они ни были.

Таким образом, говоря об образовании, мы должны признать, что суфии фундаментально вовлечены в свой собственный вид знания. Они питают глубокий интерес к тому, что другие люди называют образованием, но это сопряжено в основном со следующим фактором: коль скоро в нашем мире передача информации и способностей по культурным каналам — метод наиболее предпочтительный, стало быть, чем ближе люди подойдут к истине об обычных вещах, тем ближе они окажутся к суфийскому опыту Объективной Реальности, лежащей за пределами опыта, передаваемого культурой.

КТО ПРИЗНАЕТСЯ В НЕВЕЖЕСТВЕ

Саади, классический суфийский поэт, в своем произведении *Розовый сад* затрагивает этот вопрос. Человеческие представления о знании, как он заявляет, настолько ложны, что даже если бы в нашем мире все обычное знание было изъято из обращения, не нашлось бы никого, кто признал бы себя невеждой. Указывая на проблемы образования, связанные с тем, что учение перегружено оценками, Саади приводит небольшой анекдот.

«Меня позабавило, — говорит Саади, — как спорили еврей и мусульманин. Мусульманин сказал: "Если я лгу, да умереть мне еврею". А еврей с такой же страстностью поклялся, что, если он нарушит свое обязательство, пусть его считают мусульманином, как и его презренного оппонента».

Вот на таком зыбком фундаменте, сплошь изъеденном предположениями и вдолбленной предубежденностью, люди героически пытаются возводить образовательные структуры. С их помощью они также попытаются создать или выпестовать, произвести на свет путем дрессировки или заклинаний более сбалансированных, более реализованных и более социально приемлемых мужчин и женщин. Суфиям не слишком добавляет популярности их утверждение о том, что каждой человеческой личности соответствует свой круг верований, куда входят убеждения, которых придерживается окружающее общество, и те, что познаются путем прямого восприятия. Столь же непопулярно их высказывание о том, что образование должно быть основано на знании, а не на теории.

⁹ См. Sunday Times, London, 15 August 1976, p. 13. cols. 6-8.

ЦЕЛЬ

Способствовать обеспечению людей средствами, помогающими им придерживаться принятых общественных норм и в то же время приобретать понимание более глубокой истины, не нарушая при этом собственного равновесия и равновесия своего общества, — это и есть цель суфийского образования. Как сказал один суфий: «Если даже обычные люди, признающие несовершенство своих познаний, способны поддерживать общество, насколько же эффективнее может сохранять равновесие суфий, учитывающий и законы окружающей среды, и то, как эта среда сочетается с Абсолютной Реальностью».

ГИБКОСТЬ

То, что, по мнению суфиев, можно было бы назвать предварительным образованием, подготавливающим людей к получению более глубокого опыта и в то же время наделяющим их способностью к единению с существующим обществом, связано прежде всего с приобретением более гибкого подхода к вещам, который многие люди считают несовместимым с требованиями обычной жизни. Они, конечно же, неправы, о чем многократно свидетельствует на протяжении по крайней мере тысячелетия единая суфийская история на Среднем и Ближнем Востоке, в Центральной Азии, Индии и на Дальнем Востоке, а временами даже в некоторых районах Европы. Так что прежде всего полезно упомянуть, в чем состоит суфийский эффект знакомства людей с концепциями, которые они прежде не рассматривали. Речь идет о вещах, не проявляющихся в повседневной жизни с такой отчетливостью, какую им придают суфии в своих историях, поэзии и учениях. Очевидным примером служит суфийское осознание того, что обстоятельства изменяют факты и что одно и то же может считаться абсолютным для одних целей и относительным — для других. Это многократно иллюстрируется в опубликованных мной историях.

Один западный мыслитель отметил эту проблему и необходимость ее решения.

«Среди происходящего вокруг люди совершенно не обращают внимания на то, что им знакомо, — говорит Альфред Норд Уайтхед, — и лишь весьма неординарный ум способен проанализировать очевидное»¹⁰.

Такой ум представляется нам неординарным только потому, что человеческое мышление не может свернуть с проторенной дороги.

Вот одна история, до сих пор не публиковавшаяся:

Верблюда и мышь объединяла лютая неприязнь к тому, что бездумные, глупые люди называют сегодня элитарностью. Каждый из них утверждал, что должен иметь то же, что и другой, а не то, что отмерено ему в соответствии со взвешенной оценкой его потребностей.

Но когда единомышленники захотели пить, им дали воду, и в результате оба они погибли. Верблюд умер от жажды, получив порцию мыши, а мышь утонула, упав в порцию верблюда.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ И ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Наш вид изучения предполагает также способность видеть вещи более чем с одной точки зрения. Мы опубликовали немало материалов на эту тему.

Третий существенный подход состоит в том, чтобы поставить под вопрос и

¹⁰ *Alfred North Whitehead. Science and the Modern World («Наука и современный мир»), 1926, p. 6.*

исследовать свои предположения, не попадая, однако, в зависимость от подобной практики. В некоторых районах Востока люди пользуются похожими техниками в отрыве от всего остального и, разумеется, так углубились в них, что в конце концов пришли к ощущению бесполезности каких бы то ни было действий вообще, разве что только для исследования собственных предположений. Подобное злоупотребление, как и многие другие, возникает, когда человек использует как священную заповедь или магическую формулу то, что предназначено служить инструментом, — как, скажем, если бы кто-то повторял таблицу умножения, ожидая от этого какого-то волшебного умножения тех или иных вещей. Суфии всегда указывали на инструментальную функцию, заключенную в тотемах и формулах. Конечно, некоторые мыслители на Западе (и даже на Востоке) довели эту идею до такой крайности, что регулярно собирают многочисленных слушателей и подолгу вдалбливают им, как важно не слушать никаких учителей. Урок из этого следующий: любой инструмент может стать тотемом, но далеко не каждый тотем, если подобное вообще возможно, способен стать полезным инструментом, да и то только если другие сопутствующие обстоятельства согласованы.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ (ЛОГИЧЕСКОЕ) И ХОЛИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Опираясь на понятия полушарной специализации мозга, мы можем увидеть интересную иллюстрацию. Объект линейного мышления, скажем, фраза, первоначально составленная из семантически значимых слов, становится псалмом или магической мантрой и уже в другой форме, лишенной логической структуры, переходит в полушарие, отвечающее преимущественно за холистическое мышление. Слово становится формой. Ключ к тому, что должно происходить в этой ситуации, по-видимому, содержится в следующем суфийском изречении: «Слову необходимо иметь звучание, форму и смысл, и они должны восприниматься совместно».

Несомненно, суфийский опыт проявляется как творящий нечто такое, что становится воспринимаемым, когда идеи переходят в сферу действий, а действия мгновенно рожают идеи. То же самое может являться и одним из источников суфийского делания — начинаясь с «вдохновения», но не будучи выраженным в словах, оно воплощено в физической форме, не поддаваясь словесному объяснению. Можно даже утверждать, что цель суфийского образования — заставить работать оба мозговых полушария и способствовать тому, чтобы они порой могли действовать совместно, а не поочередно.

Следовательно, мы можем сказать, что, если бы методы суфийского изучения были выражены на бумаге, теория стала бы проще — но, тогда как теория в результате этого метода становится доступной для понимания, сам *суфизм* в подобных обстоятельствах изучению не поддается.

РАССКАЗЫ

Все же большое количество примеров суфийского «обучения в действии» можно проследить или вывести из рассказов. И хотя многие из этих историй поддаются анализу, они, к счастью, почти всегда содержат в себе разные измерения, а это означает, что не все их многочисленные аспекты можно выразить в банальных терминах и таким образом исчерпать. Для выявления недостатков афористичной мудрости можно воспользоваться некоторыми утверждениями из арсенала доморощенных философов, вытолкнув номинальный смысл афоризма за пределы плоской морали. Возьмите, к примеру, прекрасное и захватывающее высказывание, которое в ходу сегодня и на Востоке, и на Западе: «Путешествие в тысячу миль начинается с одного шага».

Когда эту фразу без конца повторяют с характерным для мудреца покачиванием

головой или хитрым подмигиванием, большинство воображает, что высказывание исчерпало себя и стало банальностью. Но, подвергнув его дополнительному исследованию, мы можем добавить к нему нечто, почерпнутое из суфийского учебного и психологического опыта. То есть вам предлагается пронаблюдать, что до тех пор, пока не ясно, как, когда и где следует этот шаг сделать, утверждение лишено глубины, на которую претендуют люди, пользующиеся им бездумно, для красного словца.

Другая мысль, проистекающая из состояния глубокого созерцания, может быть возвращена в терминологию последовательного линейного мышления, и она уже зарекомендовала себя как эффективное средство развития весьма полезной способности учиться тому, что стоит за пределами очевидного:

«Знай он меньше или больше, он был бы мудрым.

Правда, тогда он должен был бы знать это несколько по-другому».

СДВИГ ВНИМАНИЯ

Сдвиг внимания от ожидаемого к неожиданному представляет собой технику, обладающую определенной ценностью. В суфийских кругах она использует привычки человеческого мышления, нарушая их, что связано с намерением указать человеку на его предположения относительно концовки рассказа и предоставить возможность подумать о каких-то иных, оригинальных версиях развития сюжета.

Нашел как-то человек кольцо и сразу догадался, что оно волшебное.

Он надел его на палец и произнес подобающее случаю заклинание: «Кольцо, кольцо, делай свою работу!»

Во мгновение ока он снова превратился в существо, которым являлся перед тем, как нашел кольцо и возжелал быть — человеком.

А вот еще одна шутка, которая иногда, как при вспышке, помогает на мгновение увидеть отсутствие контакта между людьми, хотя и не в том смысле, в каком они сами считают себя разобщенными.

Министр здравоохранения некоей страны послал телеграмму губернатору удаленной провинции. Послание гласило: «Не прислать ли вам еще докторов?»

Из далекой глуши последовал ответ: «Поменьше шлите ваших проклятых заклинаний, наводящих болезни, тогда и ваши доктора нам не понадобятся».

Другая юмористическая история, помимо ее остальных смыслов, ставит акцент еще и на привычке людей думать и действовать в отрыве *от* контекста — они не сознают, что рано или поздно это может создать им трудности как в обычном мире, так и в духовных изучениях:

Один сельский житель продал свои часы потому, что, как объяснил он гостю, его дом стоит рядом с железной дорогой и по движению поездов, которые ходят строго по расписанию, можно определять, который час.

— Но как же ты определяешь время по ночам, когда поезда не ходят? — спросил гость.

— Очень просто, — ответил человек. — Рядом с моей кроватью лежит охотничий рожок. Чтобы ночью узнать, который час, я высовываюсь из окна и изо всех сил трублю в рожок. И кто-нибудь обязательно крикнет: «Десять минут четвертого! Что за идиот дудит в такое время?!»

ОСНОВА СУФИЙСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Суфийское знание — это знание потустороннего, находящегося за пределами обычных человеческих восприятий, но постигаемого через тот самый мир, качества которого часто препятствуют высшему восприятию. Такого, можно сказать, краткое определение теории

и практики суфиев. С этой точки зрения можно сконструировать некоторую логику подхода к знанию. Я говорю «сконструировать» потому, конечно, что с суфийской точки зрения не нужны никакие аргументы, никакие рациональные объяснения, никакая общая теория о том, как и почему человек из точки А попадает в точку Б, — ведь суфий знает и А, и Б. Рациональные объяснения существуют для тех, кто желает приблизиться к пути, но нуждается для этого в теории как в формате.

Здесь уместно отметить, что отнюдь не все люди требуют такой теории. Но большинство ее *требует*, а другие поймут, о ком идет речь.

АКТИВНОЕ ВНИМАНИЕ

И все же последовательный, линейно мыслящий человек, для которого мы фактически работаем, должен поднапрячь свое активное внимание, чтобы совершить энергичный прыжок и ухватить то, что лежит вне досягаемости его последовательного безальтернативного мышления. Он должен сделать, когда будет готов, новый виток в своем образовании. Этот момент, между прочим, наступает на стадии, указанной в следующем разговоре:

Претендент в искатели спросил суфия: «Сколько времени мне понадобится, чтобы прийти к истинному пониманию?»

Суфий ответил: «Столько времени, сколько потребуется, чтобы добраться до стадии, когда ты не будешь спрашивать, сколько времени тебе понадобится».

Это не головоломка. Суфий — надеюсь, вы понимаете — просто говорит в запоминающейся форме, что, если ваше внимание направлено на одно, вы не можете сконцентрироваться на другом.

Обучение, в понимании суфиев, требует, чтобы внимание было направлено не на то, «сколько времени понадобится», а на нечто иное.

Подобные идеи отнюдь не новы для Запада. Но существует тенденция применять их только в отношении таких вещей, как сосредоточенная молитва, выполнение социальных обязанностей или поднятие эмоционального тонуса. Традицию же сверхфизического восприятия, развиваемого с помощью специальной техники, не связанной с моральными и религиозными системами (какими бы ценными они ни были), очень трудно обнаружить (в западной культуре).

ПРАКТИКА ЗАМЕЩЕНИЯ

Поэтому условность западного мышления мы видим в таких словах Джона Донна (XVII век):

«Я пренебрегаю Богом и Его ангелами ради жужжания мухи, ради шума проезжающей кареты, ради жалобного скрипа открывающейся двери».

На этом маленьком примере видно, как можно использовать вещи материального мира — тюрьмы, созданной из измерений, — для того, чтобы выйти за пределы самих измерений. Довольно странно, что некоторые не согласны с подобным подходом и считают абсурдом использовать именно то, за пределы чего они хотят выйти. И тем не менее даже мельчайшие эпизоды нашей жизни со всей очевидностью показывают, что именно этим мы все время и занимаемся. В суфийской среде, однако, верность приведенного здесь принципа подчеркивается еще настойчивее. Например, если вы учите кого-то считать, начав со счетных палочек и заканчивая относительно абстрактными арабскими цифрами, то вы, можно сказать, используете конкретное, чтобы перейти к абстрактному; вы пользуетесь палочками, с *тем* чтобы их впоследствии заменить.

Если же вы не делаете этого, удерживая свое сознание на временном факторе, вашей

системе обучения грозит окостенение. Вы будете обусловлены *счетными палочками*. Точно так же образовательная миссия суфийского учителя состоит в том, чтобы сделать себя ненужным для учеников.

Тут мы подходим к кажущемуся парадоксу суфийской организации, философии или идеологии, который возбуждает в людях огромное любопытство. Цель суфийской обучающей структуры, будь *то* школа, серия литературных произведений или набор идей, состоит одновременно в том, чтобы направлять человека, и в том, чтобы стать излишней, не превратившись в самоцель. Видимые культы, известные на Западе, являют собой *выродившиеся* системы обучения, не сумевшие осуществить эту фундаментальную теорию на практике. Вот почему они столь гротескны.

АНОНИМНОСТЬ СУФИЕВ

Теперь мы можем объяснить, почему суфий вряд ли когда-нибудь назовет себя суфием: *слово* не должно подменять собой *опыт*. На протяжении всей истории суфии были известны под столькими именами и в столь разных обликах, что для внешних наблюдателей это может даже выглядеть преднамеренным. Существует невероятное множество самых различных названий суфийских обучающих центров, упражнений, учителей и учеников. Одни суфийские книги написаны в поэтической форме, другие говорят о любви, о религии, а иные полны историй или посвящены теологии, или содержат одни только жития святых. Как же в таком случае суфии узнают друг друга? Просто узнают: их связывает некая невидимая нить, которая не нуждается ни в каких внешних объектах, даже в словах. Некоторые вполне уместно спросят, а как же тогда мы, люди со стороны, можем знать, что все эти личности, все эти предметы материальной культуры, литература и т.п. принадлежат именно суфийской и никакой другой традиции. Почти всегда это можно определить благодаря тому, что суфии в своих книгах обеспечивают нас достаточным контекстом, ссылками на других суфиев, подтверждением суфийского опыта и тому подобным. Однако есть исключения. Например, хотя основные классические произведения без тени сомнения опознаваемы как суфийские, и их очень много, существуют и другие книги, но только суфии понимают, что они суфийские по содержанию и смыслу.

Вот классический пример из истории: великий учитель Ибн Араби, живший в Испании в XIII веке, написал книгу «Толкователь желаний». Он подвергся беспощадной критике за то, что под видом духовного произведения изощрялся в любовной поэзии. В полных драматизма исторических обстоятельствах (с разбирательством в религиозном суде) Ибн Араби сам дал толкование на свою книгу «Толкователь», объяснив ее строчку за строчкой, и таким образом, к великому смущению своих обвинителей, показал в религиозном контексте ее тайные смыслы, сокрытые под покрывалом аллегорий. Это одно из самых знаменитых публичных проявлений суфийского обучения. С тех пор информированные люди никогда не спешили обвинять суфиев в богохульстве или даже в иррациональности.

Стало быть, суфийский организм — это не организация вроде тех, что существуют в сфере обычного образования.

Он не может даже пытаться конкурировать с мощными зданиями законодательной власти. Организм этот не претендует на то, что его литература, независимо от состояния окружающей культурной среды, остается неизменной и буквальной истиной, — скорее, утверждается обратное. Он не вешает ярлыки, по крайней мере, такие, которые нельзя содрать. Институт суфизма существует, но, как сказал бы суфий, сила, поддерживающая его монолитность, — это находящееся в нем знание, что и обеспечивает такому строению бытие значительно более долговечное, чем кирпичи, камни, теории или другие внешние материалы.

ГАРМОНИЗАЦИЯ

Чтобы учиться в таком институте, необходимо гармонизировать себя с этой концепцией. Гармонизация означает вхождение человека в обучающую ситуацию.

Идея обучения и изучения среди суфиев не всегда в точности совпадает с тем, как ее понимают в других системах. Например, вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что если вы учите студента или пытаетесь установить с ним (или с ней) контакт, а его внимание направлено на что-то другое, то в реальном смысле ни обучение, ни изучение не имеют места в данный момент. В реальности студент отсутствует, хотя физически присутствует. В обычных школах это известно каждому, на деле же отслеживается ретроспективно, благодаря экзаменам, контрольным работам и выполнению заданий. Но для суфия ситуация важнее всего. Если вы не учитесь, вы не его ученик, и в тот период времени, когда вы не находитесь с ним в контакте, он не несет за вас никакой ответственности. Разумеется, он попытается обратить ваше внимание на этот недостаток или вернуть ваше внимание к объекту изучения. Он попытается, потому что способен это сделать, а способен он потому, что (выражаясь современным языком) поддерживает с вами интерактивную связь. Суфийский учитель всегда осознает, находит ли учение отклик в ученике, потому что ощущает себя проводником того, чему он учит. Стало быть, здесь мы встречаемся с еще одной особенностью суфийского обучения. Концепция, что эффективность человеческого внимания или восприимчивости непостоянна, — это гораздо больше, чем наблюдение; она столь отлична от трюизма, что ее весьма трудно выразить, не пользуясь словами, которые считаются сегодня нежелательной терминологией: учитель, будь то мужчина или женщина, должен находиться с вами в *духовном* контакте, чтобы знать, как помочь вам в развитии ваших восприятий и, прежде всего, вашего понимания.

ВООБРАЖЕНИЕ

Важность духовного контакта совершенно справедливо подчеркивается во многих *случаях*. Это, естественно, привело к тому, что люди стали воображать, будто здесь есть какой-то секрет, уникальный путь, нечто требующее от человека упорства и самоотдачи, вплоть до исключения любой другой активности. Поэтому во всех странах множество людей и организаций пытаются установить и сохранить подобный контакт. Такие односторонние усилия, конечно же, плодят эмоциональные натуры и даже откровенных лицемеров, *воображающих*, что они испытывают всевозможные переживания. Обычно этих типов легко распознать, обратив внимание на следующий момент: не вызывают ли они у *обычных* людей, не интересующихся духовными и эзотерическими вопросами, легкого «содрогания»? Если подобные люди производят впечатление странных, то, скорее всего, они и есть странные, а вовсе не духовные личности. Способность к духовному контакту нельзя привить к неподходящей основе.

Суфийское знание передается также посредством воздействия на тех, у кого уже есть необходимый потенциал. А если подробнее, то учение осуществляется при помощи техник, называемых одновременно и физическими, и «электронными» процедурами. Этих методов так много, и они столь разнообразны, и одно только упоминание о них способно настолько взбудоражить эмоциональные и нетерпеливые натуры, что их лучше оставить не для гипотетических, а для вполне реальных учебных ситуаций. Среди истинных суфиев изучение оперативных методик традиционно проводится как составная часть продвинутой и тщательно разработанной программы обучения, хотя некоторые более видимые и всем знакомые формы зрелищного суфизма пытаются представлять те или иные технические приемы как вечные и универсальные, применимые во все времена к любому человеку.

ОБРЯДЫ, ВЕРОВАНИЯ, ПРАКТИКИ

С точки зрения общих вопросов образования, суфию могут быть весьма интересны обряды, верования и практики многих метафизических систем: рассматривая их, он способен определить стадию, на которой эти системы закоснели. Как, например, происходит, что определенный набор слов или звуков, совершенно очевидно выполнявших некогда инструментальную функцию, вдруг наделяется каким-то сакральным или почти тотемическим значением? Как определенные верования и даже рабочие гипотезы кристаллизуются в то, что сегодня считается легендами или, более того, — буквальным описанием исторических событий? Появляется искушение говорить или писать на эту тему. Последствия, однако, могут быть самые неблагоприятные. Многие школы или культы представляют собой социальный феномен; люди, следующие их учениям, всецело полагаются на них, очень часто сама жизнь и психологическое равновесие последователей зависят от буквальной или аллегорической интерпретации исповедуемой ими истины, даже если кто-то другой способен увидеть, что вся их деятельность не более чем след или даже окаменевший реликт некогда обучавшей, но уже не существующей школы. Вторжение в их ситуацию редко приводит к положительным результатам, на которые надеются некоторые оптимисты. Помимо враждебности, вы вызовете у многих таких людей безысходную депрессию. А часто бывает, что в результате подобного вмешательства и вовсе ничего не происходит, чему я сам был свидетелем однажды в Марокко...

ДУРНОЙ ГЛАЗ

Когда моя жена ждала ребенка, мы отправились с ней в Марокко. Там в одной лавке ей приглянулся кафтан. Но за него заломили такую высокую цену, что мы покинули магазин. Владелец догнал нас на улице и, увязавшись за нами, пытался всучить нам кафтан бесплатно.

Я спросил его, почему он хочет отдать товар даром.

«Будто вы сами не понимаете! — заорал он. — Что вы за люди?! Когда женщина в положении и ей вдруг захотелось чего-то, она может сглазить любого, кто откажет ей! А мне это вовсе ни к чему!»

Тогда я сказал: «Полная чепуха, и вы сами прекрасно знаете это!»

«Да знаю я, знаю, — ответил он, — но ничего не могу поделать. Видите ли, я верю в это!»

Да, он знал, и знал, что знает, но был беспомощен.

Я вовсе не хочу сказать, что люди, подверженные подобным заблуждениям, совершенно непробиваемы. Когда *истинные* факты, касающиеся тех или иных вещей, представляются и становятся широкодоступными, всегда появляется шанс и даже уверенность, что *некоторые* смогут их принять. Но осознав, насколько ценно не принимать одну вещь за другую, человечество, конечно же, совершило поистине величайшее открытие. А одно из самых больших зол цивилизации, я думаю, состоит в том, что в некоторых областях этим открытием пренебрегают.

Как бы то ни было, я не уверен, что, если вы склонили убийцу заниматься отныне только грабежом, вы добились успеха во всех перспективных направлениях.

* * *

Суфийское усилие к обретению сверхчувственного познания (вопреки всем оговоркам, которые я здесь вынужденно делал, чтобы застраховать от искажений подход к такому познанию) может быть обнаружено в специализированном применении соответствующих

позиций.

Я имею в виду, что если вы что-то смыслите в деле, за которое беретесь, то, намечая подход к осуществлению задуманного, находитесь в лучшем положении, чем теоретик.

ЖЕЛАНИЕ, СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВОЗМОЖНОСТЯМ

Люди на Западе добились огромных успехов в самых разных направлениях (нет нужды перечислять эти достижения, потому что их плодами мы постоянно пользуемся) благодаря применению определенных принципов. То же самое можно сказать и о суфиях. Принципиальное, легко обнаруживаемое различие этих двух систем познания состоит в разнице подходов. *Желание* чего-либо — это основа, но каким бы сильным ни было само желание, оно в обеих системах познания должно быть дополнено *средствами* для достижения или приобретения желаемого. Именно таким образом и происходят великие завоевания в прикладной науке или в физике. Однако если вы попытаетесь подступиться к сверхчувственному знанию суфийского толка с позиции потребителя или переполнены слишком многими предположениями, позаимствованными из неприменимых здесь областей, то в лучшем случае вы заново изобретете колесо. И на это у вас могут уйти века. Итак, существуют три подхода.

ТРИ ПОДХОДА

Чтобы выбрать один из них, надо знать, что они собой представляют. На основании своего опыта я могу сказать, что большинство людей не имеют об этом представления. Во-первых, вы можете попытаться взять свою цель *приступом*, с помощью только усилия. Опыт вашей собственной жизни, так же как и наш опыт, доказывает, что при достижении более тонких целей подобный подход не срабатывает. Во-вторых, вы можете вообразить, что учитесь, тогда как на самом деле лишь потребляете внимание, восторгаетесь им или ищете его: так ведут себя приверженцы культов и невежды. В-третьих, вы можете воспользоваться принципами, предлагаемыми теми, кто предположительно уже разбирается в интересующем вас вопросе. Путь состоит именно в этом. И тем не менее люди, стремящиеся к «самопознанию», на самом деле не готовы воспользоваться предлагаемыми принципами. Одна замечательная леди, моя знакомая, сказала во время недавнего посещения: «Если я не успею до своей смерти добиться высшего сознания, я **ТАК РАЗОЗЛЮСЬ...**»

Поэтому «учиться тому, как учиться», — вот суфийский ответ, и, чтобы следовать содержащемуся в нем принципу, необходимо внимательно присматриваться к тому, как подходят к тем или иным вещам суфии.

ДВА СПОСОБА...

В суфийской деятельности один из подобных способов представлен тем, что мозг индивидуума побуждается к достижению равновесия, и это наделяет его способностью мыслить о нелинейных вещах так же эффективно, с какой он мыслит о разных других явлениях. Для иллюстрации приведу историю, в которой учитель в весьма плодотворной форме предлагает ученику ментальное упражнение, направляя внимание последнего на слова, кажущиеся необъяснимыми:

Ученик приходит к суфию и спрашивает: «Какие пути приводят к высшему сознанию?» «Путь Судьбы и Путь Великого Личного Усилия», — отвечает учитель.

«И как же следовать Пути Великого Личного Усилия?» — спрашивает ученик.

«Ответ на этот вопрос приходит на Пути Судьбы». Способность учиться суфийскому образу мыслей связана еще с одним условием: ученик должен находиться в соответствующем *состоянии*. Если, например, он подвержен агрессивным или мазохистским реакциям, то эти барьеры встанут на пути его продвижения вперед. Вот случай, которому я был свидетелем.

ЛЖЕУЧЕНИК УЗНАЕТ О СВОЕЙ ЛЖИВОСТИ

Однажды в юности я сидел у входа в дом собраний дервишей, в котором тогда жил. Ко мне подошел, устало волоча ноги, человек, похожий на странствующего факира, и сказал:

«Я хочу повидать твоего мастера».

Я вошел в дом и сообщил о его приходе нашему учителю, но тот сказал только:

«Я не желаю с ним видеться».

Немного нервничая от того, что мне придется передавать такое послание, я тем не менее объявил слова учителя страннику.

Пришелец ответил мне:

«Суфий, конечно, не может не принять настоящего Путника, шествующего по Пути Истины. И все же твой мастер отказал мне в приеме. Ради того, чтобы помочь мне узнать, что я еще не стал настоящим Искателем, учителю понадобилось отказать мне в такой резкой манере. Хотя внешне его поведение выглядело жестоким, на самом деле он оказал мне честь этим уроком. Если бы он проявил по отношению ко мне внешнюю учтивость, радушно принял меня, чем польстил бы моему тщеславию, то тем самым поспособствовал бы укреплению во мне невежества и самолюбия. Желаю, чтобы и ты, как я сегодня, многому научился у этого великого человека».

Надо очень много учиться, чтобы быть способным различать, когда ты упиваешься своим самоуничижением, а когда проявляешь бескорыстное смирение, наделяющее своего обладателя способностью учиться.

В обществе, где в отказе принять визитера видят либо занятость, либо нанесение личного оскорбления, человеку предстоит большая работа над собой. И в то же время, говоря, что человеку еще многому предстоит учиться, я не могу не обратить вашего внимания на один немаловажный момент: здесь обязательно надо знать, к чему прикладывать усилия. Всем нам встречались люди, которые, повинаясь желанию сорвать джек-пот в игре с «одноруким бандитом», вкладывают в суфийские занятия больше усилий, чем это необходимо.

ПРИХОДИТЕ ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА

В другой раз я научился тому, что человек должен говорить и поступать так, чтобы в самом деле помочь другому, а не повторять стереотипы, взятые из книг или из репертуара прописных истин.

Однажды я сидел с одним мудрецом, когда он, приняв гостя, жаждущего узнать истину, предложил ему прийти через три года.

Я спросил: «Почему вы сказали ему прийти через три года?»

Суфий ответил: «Мой мальчик, худший ответ он мог получить где угодно, а лучший — он бы и вовсе не принял».

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ

У меня вошло в привычку исследовать свои предположения, не превращая подобное

занятие в манию, и случилось это благодаря одной фразе — я услышал ее, когда мне было лет двенадцать. Некий суфий сказал своему посетителю:

«Если тебе необходимо задать этот вопрос, то ты не поймешь ответа». Со временем я научился формулировать вопросы, ответы на которые могли быть для меня полезными.

Другая хорошо знакомая характеристика суфийского воспитания состоит в формировании позиции, на первый взгляд слишком запутанной, но тренирующей гибкость ума без того, чтобы развить в человеке цинизм. Один из моих учителей выразил это для меня в весьма запоминающейся форме, в результате чего я мог применять его высказывание в виде рабочего формата, и таким образом определять свой подход ко многому, в том числе и к всевозможным переменам в жизни и обстоятельствах, через которые мне довелось пройти.

НЕВЕЖЕСТВЕННЫЙ И НЕВЕЖЕСТВЕННО ОБУЧЕННЫЙ

«Человеческая непредусмотрительность, — сказал мне учитель, — преподает нам урок: она показывает, как часто вчерашняя так называемая истина впоследствии может стать абсурдом. Реальное умение состоит в том, чтобы уважать относительную истину, *не вредя* себе отказом признать, что рано или поздно она будет заменена на другую. Когда ты пронаблюдаешь, что сегодняшняя полемика выявляет отнюдь не суть того или иного вопроса, а скорее, столкновение невежественного с невежественно обученным, и когда ты сможешь жить с этим знанием, не становясь циником и руководствуясь любовью к человечеству, твоей наградой станет нечто значительно большее, чем чувство собственной важности или удовлетворение, которое человек испытывает при мысли о ненадежности других».

Установление относительной важности или ценности людей и ситуаций, а также компонентов ситуации, в связи с их обучающей функцией, представляет собой еще одну суфийскую специализацию. Иными словами, события, происходящие в повседневной жизни, способствуют или, наоборот, не способствуют познанию человечества и Высшей Реальности. Имея в своем распоряжении снова и снова возникающие в уме, восстанавливаемые в памяти и формулирующие руководство аллегории или парадигмы, человек начинает осознавать, какие из тех или иных событий будут ему полезны. Следующая история служит тому примером.

МУДРЫЙ ЧЕЛОВЕК И ГЛУПОСТЬ

Двое дрались и вдруг увидели проходившего мимо мудрого человека.

Один из них в ярости убежал, а другой обратился к мудрецу:

«Уже много лет я культивирую внутреннее спокойствие и безмятежность, и все считают меня религиозным. А тот человек, разозлившись, обозвал меня глупцом, ну какая ему от этого польза?» Мудрый человек вздохнул и сказал: «Если ты глупец, то завтра, когда его гнев пройдет, он осознает, что с дураками спорить бесполезно. Но если ты и в самом деле глупец, то и завтра останешься таким же глупцом, несмотря на все твои эксперименты с безмятежностью. А он в этом случае все равно кое-чему научится».

От вашего внимания, конечно, не ускользнул тот факт, что я перехожу от одной иллюстрации к другой, не обязательно связывая их друг с другом; чередую аргументы и словесные формулировки со сказками и метафорами; акцентирую аллегории и образы, вкрапленные в последовательное изложение, которое лишь от случая к случаю выражено в категориях исторических событий, личного опыта или логики. Я избрал подобный подход к предмету с целью побудить внимание читателя переключаться с одного на другое, что характеризует суфийскую литературную технику применения стимулов, в

особой терминологии именуемую «разбрасыванием», и таким образом на языке XX века даю вам проблеск атмосферы и методов суфийских классических произведений прошлого. Разумеется, я заменил ссылки локального характера, актуальные для Персии XIII века или для Центральной Азии X—XI веков, и включил в свое изложение вопросы, представляющие интерес для современного человека, а также сделал некоторые другие поправки, чтобы дать людям одни стимулы и не давать других, которых они ждут, — в соответствии с принципами написания трактатов тех древнейших времен. Средневековые суфии развили эту технику, адаптируя структуры, существовавшие за века до них, — ведь постоянное обновление литературы и нахождение подходов к различным аудиториям как раз и представляет характерную особенность суфийской деятельности. В подобной практике, как вы сами увидите, задействован весьма любопытный подход к литературным источникам, не лишенный личной заинтересованности со стороны автора и, разумеется, предполагающий определенную избирательность при подборе материалов. Но наш подход *отличается* от привычной вам избирательности, ориентированной, скажем, на искусство или нравоучительность. В основе такого метода лежит намерение предложить читателю калейдоскоп импульсов, одни из которых будут ему знакомы, другие возбудят его интерес, а третьи — спровоцируют несогласие. Основная же цель подобных материалов состоит в том, чтобы дать читателю или слушателю возможность пронаблюдать свои реакции, равно как и просто откликнуться на материалы и запомнить их.

Занимательности ради хочется отметить, что эта техника, совершенно очевидная для человека наблюдательного, вызвала бурю смятения и раздражения среди академических и, конечно же, «линейных» аналитиков, которые обрушились на нее с жесточайшими нападениями.

«ХАОТИЧЕСКАЯ» ЛИТЕРАТУРА

Что касается произведения Джалаледдина Руми — *Маснави*, написанного в XIII веке, то литературоведы и востоковеды с наслаждением характеризуют эту работу как литературу хаотическую, где автор, не закончив одной темы, переключается на другую, что делает его писания скорее эмоциональными, чем логически последовательными, — избыточными информацией вперемежку со сказками и историями; далее, его писания называют производными, поскольку они переполнены цитатами из других источников. И хотя не все понимают эту книгу, ее называют одним из шедевров мировой литературы, а суфии пользуются ею как учебным пособием для своих школ. Ценность произведения Руми для современного мира, естественно, несколько снизилась, поскольку читатели сегодня не разделяют всех его постулатов, к тому же для того, чтобы оценить все аспекты этого труда, необходимо быть воспитанным в персидской культуре.

Даже меня, выросшего в атмосфере, пронизанной *Маснави*, мои учителя должны были проинструктировать в отношении используемых в нем аналогий XIII века, прежде чем я сумел связать их с центральноазиатской ментальностью моей юности. Разумеется, только великий поэт мог бы создать сегодня нечто столь же неотразимое по форме и содержанию; тем не менее лежащую в основе *Маснави* суфийскую структуру «разбрасывания» можно отчетливо проследить и, с целью продолжения его образовательной миссии, адекватно воспроизвести для других культур.

ПРЕРЫВИСТОСТЬ

Обозревая литературу и практические методы суфийской школы, мы видим, в чем, пожалуй, состояло величайшее наследие суфийской мысли, — установление и соблюдение в литературных произведениях и в самой деятельности принципов гибкости и

прерывистости, которые должны применяться в жизни, но никак не в ущерб адекватной ясности и способности к непрерывному мышлению.

По-видимому, тут совершенно очевидно прослеживается попытка предложить людям дополнительный механизм «переключения», помимо тех, что в них уже прижились. То есть я имею в виду знакомый всем процесс, когда наше мышление, так сказать, *переключается* под воздействием других людей или внешних импульсов.

Этот эффект мы приписываем или эмоциям, или движущей силе логического мышления, в зависимости от того, мышление какого типа становится преобладающим. Всем нам также известно, что такое *deliberate thought* — *преднамеренное* мышление, как его называют, — когда мы собираемся обдумать что-то либо последовательно, либо холистически. Исходя из этой концепции, мы склонны предполагать, что под нашим контролем находится *весь* мыслительный процесс, а если и не находится, то такая бесконтрольность только на пользу. Кто бы, например, захотел совершать добрые дела по собственному обдуманному решению? Мы считаем добродетель подлинной, когда делаем добро из каких-то «иных» побуждений, вне нашего контроля.

Но относительная слабость обычного нетренированного сознания, неспособного включаться и выключаться, погружаться в себя или временно поддерживать некоторые идеи в состоянии неопределенности, может быть обнаружена, если взглянуть на то, как поддаются манипуляции отдельные люди и целые группы, как легко улавливается их внимание и как другие заставляют их мыслить и действовать в каком-нибудь уготованном для них русле, иногда конструктивном, иногда нет. Среди суфиев этот факт считается свидетельством недостатка концентрации и несовершенства мышления. Я думаю, что только те, у кого отсутствует соответствующий опыт, делают поспешные выводы, будто контролируемая мысль, подвластная человеку в значительно большей степени, чем обычно, может лишить его «чего-то ценного». Идею эту нельзя проповедовать в виде доктрины, потому что, выражаясь в механистических терминах, необходимых для сохранения формы письменного изложения или относительной связности вербальных категорий, как я это делаю сейчас, — мы жертвуем элементом, который придает подобному опыту присущую ему возвышенность и состояние свободы.

Увы, на нынешнем этапе, когда нам дано лишь весьма приблизительно касаться того, что находится за пределами речи, мы можем осознать, почему большинство восточных мудрецов, к ярости и недоумению многих, довольствуются высказываниями такого рода:

«Владеющий ювелирным искусством, владеет и мастерством надежно прятать драгоценности от воров».

А еще более резкое высказывание гласит, что момент истины бесполезен для того, кто нуждается в целом ее получасе.

Но, на будущее, мы можем найти утешение в высказывании одного суфийского учителя, на первый взгляд несколько негативном, но содержащем в себе совет, что надо человеку делать, чтобы узнать больше:

«Не будь тем, кто, кинув в котел одну рисинку, надеется вытащить *пригоршню* плова».

ПРИШЕЛЕЦ ИЗ КОСМОСА

Я вполне убежден, что сегодня на Западе наблюдается процесс становления весьма полезного и необыкновенно плодотворного сотрудничества между суфийской мыслью, в предназначенном ей выражении, и довольно большим количеством людей, способных признать, что для изучения незнакомых систем им могут понадобиться незнакомые методы. Все более заметной становится позиция тех, кто не желает быть сбитым с толку куклами и не готов удовлетворяться трюками. Отсюда мы можем сделать первый шаг, связанный с достижением определенного уровня понимания.

Мой коллега на Ближнем Востоке во время нашей недавней встречи подчеркнул

необходимость взаимопонимания между людьми и, желая поспособствовать процессу человеческого сближения, попросил меня довести до вас современную историю суфийского толка в качестве предупреждения, что мы не должны упустить благоприятную возможность контакта, как о том повествует следующий рассказ:

Ученые нашего мира запустили в космос ракету с мощным радиопередатчиком, чтобы передать инопланетным существам послание жителей Земли, оповещающее, что на нашей планете тоже есть разумная жизнь. Этот же аппарат мог транслировать получаемые сигналы на специальный компьютер-переводчик, способный перевести ответ космических пришельцев на английский язык.

И, конечно же, некое сверхсущество, пролетавшее мимо по пути к осуществлению своей миссии, не заставило себя долго ждать и наткнулось на это приспособление. Инопланетянин сразу же догадался о назначении земного аппарата и, выйдя из своего корабля, проговорил прямо в микрофон передатчика: «О земные существа! Я сверхчеловек из запредельного мира». Как только автопереводчик начал печатать послание, земные ученые так и запрыгали от возбуждения. Но в результате того, что вибрации инопланетянина и земных ученых находились в дисгармонии, фраза «О земные существа! Я сверхчеловек из запредельного мира» была переведена так: «Эй вы, червяки земляные!» Я половой гигант из-за границы». Столь современная фраза, конечно же, смутила серьезных землян — они поспешили с выводом, что их кто-то разыграл и что в любом случае подобная информация не заслуживает серьезного внимания. Инопланетянин тоже оказался чересчур серьезным: не дождавшись ответа, этот парень решил, что аппарат не работает, и скормил его своему космическому коту.

II. О ПРИРОДЕ СУФИЙСКОГО ЗНАНИЯ

УЧЕНИК, КОТОРЫЙ СТАЛ УЧИТЕЛЕМ

Жил некогда суфийский учитель. Он владел огромным набором самых разных обучающих историй, высказываний классических мастеров и сообщений об их деяниях, а также обладал знанием того, как и когда должны применяться эти материалы в учебной ситуации, чтобы оказать на учащихся реальные психологические эффекты, которые без соответствующих мер, как вы знаете, просто растрачиваются впустую.

Следуя принципам теории «обучения посредством контакта», этот учитель всегда разрешал определенному количеству менее способных студентов посещать его семинары. Среди них был один, который все всегда делал шиворот-навыворот. Когда мастер просил учеников истолковать что-либо, тот неизменно понимал задание неправильно. Когда обсуждалась та или иная история, он задавал неуместные вопросы. Когда общине предлагалась какая-то конкретная сказка для изучения, он выбирал другую сказку, и тому подобное в том же роде.

В конце концов мастеру, хоть ему очень этого не хотелось, пришлось сказать ученику, чтобы тот покинул его. Ведь, несмотря на то что ученик, неспособный учиться, может преподать пример обучения от обратного, бытует и такое изречение: «Бассейн с розовой водой не станет лучше, если в него прыгнет собака».

Студент, разумеется, был весьма раздосадован, но, заметив, что решение мастера непреклонно, собрал свои немногочисленные пожитки и грустно отправился восвояси.

Спустя два или три года этот суфийский мастер сидел однажды перед дверью своего дома, как вдруг перед ним остановился роскошный, сделанный на заказ позолоченный лимузин, обтянутый внутри старинными шелковыми гобеленами ручной работы. Шофер открыл дверь, и из машины выскочил неудачливый ученик, который при виде своего старого учителя просиял от радости и бросился к нему, протянув руки для приветствия.

Мудрец жестом пригласил его сесть рядом и сказал:

«Я рад, что ты, как я вижу, достиг успеха в миру. Надо ли это понимать так, что ты наконец отказался от своего желания проникнуть в смысл обучающих историй?»

«О да, — ответил бывший ученик. — Твой совет я, разумеется, принял близко к сердцу и теперь, вместо того чтобы изучать истории, я преподаю их...»

Это очень старая история, так что если мы говорим о новой адаптации суфийских материалов к современному обществу, то должны также отметить живучесть определенных стандартных моделей, существующих с древних времен и по сей день. Вы будете весьма удивлены, если узнаете, сколько так называемых учителей (самозванных мудрецов) содрогнулись, когда мы опубликовали некоторые материалы. Шаблон такого же рода наблюдается и в индивидууме, воображающем, что ему удастся далеко продвинуться, обучая самого себя. Люди читают истории, просеивают суфийские книги в поисках упражнений, психологических или духовных методик и затем (а это случается на удивление часто) пытаются применить их на практике. Имитация может быть искреннейшей формой лестного признания, но захочет ли кто-нибудь получить такое признание, видя, как человек подобными действиями истощает свои способности, и притом делает это используя материалы, предназначенные для развития? Данная ситуация почти полностью совпадает с рассказами о людях, которые, стремясь похудеть, начинают есть так много диетической пищи, что получают больше калорий, чем раньше, и в результате еще больше толстеют.

Именно по этой-то причине суфийские обучающие методы и предусматривают наблюдение за прогрессом учащегося, с тем чтобы установить, сохраняется ли в нем подспудное стремление к крайностям. Следовательно, требования суфиев, выраженные в негативной форме, столь же важны, как и те, что выражены позитивно. Нельзя, например, прививать религию к корням жадности, потому что все, что вы получите, это жадность к религии. Единственное оптимальное решение в данной ситуации — сделать доступными для человека определенные благотворные переживания, чтобы они могли воздействовать на него наряду с вредными, так как в сравнении познается и чувствуется преимущество одних переживаний перед другими.

ОТСЛЕЖИВАНИЕ И НОВАЯ АДАПТАЦИЯ

При «новой адаптации», конечно, необходимо учитывать, что некоторые суфийские концепции и практики, оказывающие, согласно нашим наблюдениям, наиболее полезное и глубокое воздействие на человека, не относятся к разряду тех вещей, которые могут быть автоматически приспособлены к различным основным интересам западных людей. Это, однако, не означает, что жители Запада не могут включить подобные идеи и практику в свои традиции или что они полностью отсутствуют в их культуре. Я неоднократно наблюдал, как эффективно осуществлялся перенос этого, материала в другие культуры. Но для успеха в таком предприятии необходимо ознакомить людей с новым измерением, которое мы называем гибкостью внимания. Эта техника всегда подтверждает свою полезность на опыте, но далеко не всегда сразу признается как логически приемлемая или необходимая.

ОБУЧЕНИЕ КАК ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ РАЗВЛЕЧЕНИЮ

Если хотите, в качестве примера того, как сталкиваются противоположные намерения людей, а это возникает, когда встречаются люди разных культур, я приведу случай, произошедший на моих глазах. Как показывает следующий эпизод, люди, жаждущие любви и внимания, думают, что они хотят чего-то другого, и в своем стремлении к

контакту руководствуются неадекватными мотивами.

Мы сидели вдвоем с одним суфием, когда в комнату ворвался иностранец, в одежде, которую он и ему подобные считают одеянием, подобающим духовному искателю. «Мастер, — воскликнул он, — почему вы не позволяете посещать вас чаще?»

Суфий устало посмотрел на него и сказал: «Потому что я пытаюсь тебя учить, а не развлекать!»

Последний раздел настоящего труда содержит свыше пятидесяти отдельных замечаний о суфийских психологических практиках, и, для того чтобы усвоить некоторые из них, понадобится время и размышление. Прежде всего, их необходимо изучать как отдельно, так и в некотором всестороннем контексте, который на протяжении веков специально для этого создавался суфийскими деятелями, — в основном в восточных культурах; и под изучением я не имею в виду поверхностное ознакомление.

ПРАВО ПРИНИМАТЬ СЛУЖЕНИЕ, НО НЕ ТРЕБОВАТЬ ЕГО

«Ассимиляция» вышеуказанных элементов представляет собой операцию микрокультурного характера, требующую времени для ее организации, не говоря уже об ее распространении в масштабе целой нации. Весьма полезно помнить, что базовое исследование того, как это сделать, уже было проведено суфиями, у которых, не надо забывать, ушло не менее четырех-пяти столетий, прежде чем они сумели внедриться на Востоке, что окончательно произошло в результате психологической победы Аль-Газали в XII столетии¹¹.

Для объединения в единое целое подобного образа мысли, обладающего своей собственной симметрией, необходима способность мыслить и работать в соответствии с принципами, установленными самим учением. Пожалуйста, отметьте, что я говорю «способность», а не «принуждение».

Согласно суфиям, когда учащихся принуждают учиться, из них получаются плохие ученики. Учителя ничему не способны научить, если они навязывают свое учение. Как сказал свыше тысячи лет тому назад Мааруф Кархи — суфий и ученик Имама Разы, принадлежавшего к тому же роду, что и я: «Суфий имеет право принимать служение других, но не должен требовать от них служения». Именно в этой связи спустя тысячу лет мой прапрадед Джан Фишан Хан сказал: «Если хочешь попасть в плен к тирану, прими в ученики того, кто лишь воображает себя учеником». Во-первых, необходимо принять во внимание, что существует два типа учителей: знакомый нам тип, который ощущает в себе потребность учить других, что часто называют профессиональной склонностью, призванием. Учитель второго типа, к которому относится *суфийский* мастер, первоначально больше хотел *учиться сам*. Когда эта жажда удовлетворена, он в состоянии определить, следует ему быть учителем или нет. Те, кто действуют по поручению суфийских мастеров, как бы осуществляя руководство порученными им учебными курсами, являются не учителями, но каналами, а иногда они могут быть в то же время и учениками. Различие между учителем и каналом для тех, кто не привык их различать, возможно, кажется слишком тонким, но на практике оно становится совершенно ясным. «Терпение есть пища понимания». Во-вторых, необходимо без лицемерия избегать всякой показухи и не искать немедленного удовлетворения от участия в суфийской деятельности — во всяком случае, больше, чем в разумных пределах. Подобная практика, а также реальность ее искреннего осуществления, становится доступной, как правило, благодаря созвучию с суфийским учителем. Пока участники

¹¹ См. книгу The Sufies («Суфии») New York: Doubleday, 1964 and London, W.H.Allen, Octagon Press и Star Books, 1964 and 1977.

суфийской деятельности не проникнется этим качеством, суфийский психологический климат не сможет возникнуть. Люди, полагающие, что выглядеть искренними — это и значит быть искренними, ничему не смогут научиться у суфиев, пока находятся на этой стадии понимания. Особая атмосфера продуцирует качество, иногда называемое «прозрачностью», — его невозможно подделать и, чтобы воспринять его, нет никакой необходимости в духовной проницательности. Свойство «прозрачности» нельзя обнаружить там, где отсутствует искренность, хотя люди, подверженные обману, могут увидеть его даже и в этих обстоятельствах. Тут нужно провести четкое разделение между «прозрачностью», с одной стороны, и нравучительностью, банальностью и туманными обобщениями, которые так часто принимаются за «духовность», — с другой. Имея в виду вышеупомянутое неизменное качество, один комментатор заметил: «Святой (в суфизме) является святым лишь до тех пор, пока не узнает, что он святой. Сознательная доброта не может быть подлинной добротой».

В более сжатой, почти мнемонической, традиционной формулировке об этих двух факторах иногда говорят как об аспектах терпеливости и скромности.

В-третьих, человек может быть способен действовать или не действовать в соответствии с тем, что, согласно его опыту, будет правильным поведением в конкретных обстоятельствах. Достигнув подобной стадии, человек поступает исходя из своего безразличия к видимости. Его состояние позволяет ему делать что-либо или вообще ничего не делать не потому, что от него это ожидается, — его делание или неделание диктуется реальностью. Некоторые суфии требуют от своих учеников носить одинаковые одежды — как знак того, что эта стадия *не* достигнута пока ими и те все еще находятся в состоянии *зависимости* от внешности. Люди, облачающиеся в специальные опознавательные одежды, — а их очень много в нашем обществе, в особенности среди тех, кто воображает, что одежда связана каким-то образом с психологией или религией, — такие люди, согласно суфийскому символизму, фактически показывают, что еще не преодолели этот барьер¹².

Находиться на стадии безразличия к внешности — не то же самое, что намеренно вести себя вызывающе. Зато в «противоречащих ожиданиям» поступках и словах, которые приписываются столь многим суфиям, можно отследить источник подобного поведения, а также изобретательность и восприимчивость суфийского мышления, проявляющегося и на обычных, низших уровнях бытия, что указывает на отсутствие сковывающих предположений.

Во внутреннем смысле подобное состояние представляет собой состояние независимого индивидуума, будь то мужчина или женщина, чьи поступки мотивируются восприятием и пониманием, а не правилами или догмами.

Суфийского студента всегда поощряют вести себя в соответствии с социальными нормами¹³, но в то же время «прислушиваться» к своему интуитивному чувству, пытаясь воспринять, были ли правильными те или иные его слова и действия в более широком контексте. Если он, например, чувствует в себе побуждение прибегнуть к какому-то альтернативному образу действий, он сможет оценить надежность рассматриваемого поведения, ретроспективно обзревая события своего дня. Успех этой практики отслеживания будет зависеть от того, как часто и как искренне он ею занимается, хотя, если подобное занятие превратится в одержимость, практика не принесет желаемого результата.

Согласно суфийскому пониманию, не воспринимать внутренние измерения Реальности

¹² «Учитель отказывается от внешней видимости ради внутренней реальности. Искатель поначалу обращается к одежде и четкам, но затем, продвигаясь вперед, отказывается от церемоний и обращается к подлинному благочестию». *Иршадат-и-Шейх Ибрагим* (Персидский манускрипт знаменитых высказываний XVII века под названием «Ибрахим-Газур-и-Иллахи»).

¹³ Саади: «Путь — это не что иное, как служение людям».

в обычной жизни — то же самое, что смотреть на знакомые вещи, не замечая их значения. В нашей технической терминологии это называется «невнимательностью», что в обычной, повседневной жизни эквивалентно ситуации, когда человек перестает осознавать некоторые текущие важные события из-за того, что думает о чем-то другом.

Вот короткая сказка, которая благодаря некоторым ответственным преувеличениям, в отличие от безответственных, помогает зафиксировать в уме аналог этого явления.

ВИДЕТЬ И ПОНИМАТЬ

Некий король, однажды выведенный из себя лекцией одного суфия, решил его слегка проучить. Итак, когда суфий произнес — в тысячный раз, как показалось королю, — что «сотни людей слепы и даже тот, кто не слеп, не видит того, что видит», он поднял руку и попросил слова.

«Как король этой страны, — сказал он, — я требую, чтобы ты подтвердил свои обвинения демонстрацией. Ты заплатишься головой, если не сможешь *показать* мне людей, которые слепы, и тех, кто, хотя и не слепы, не видят того, что видят».

«Непременно, Ваше Величество! — ответил суфий. — Я не только это сделаю, но и окажу Вам, простому королю, честь принять участие в демонстрации».

«Что же от меня потребуется?» — спросил монарх.

«Вы просидите целый день на городском базаре в своей королевской мантии, с короной на голове, стуча молотком по медному подносу», — ответил суфий.

Итак, король просидел весь день на базаре, рядом с суфием. Каждые несколько минут кто-нибудь останавливался и спрашивал: «Что вы делаете?» — а сидящий рядом суфий записывал имя вопрошавшего.

В конце дня суфий сказал: «Ваше Величество, вот список людей, которые останавливались возле Вас и из-за своей слепоты, будучи не в состоянии увидеть, что Вы стучите молотком по медному подносу, вынуждены были спрашивать, чем вы занимаетесь».

На короля это произвело весьма сильное впечатление, но затем его осенила другая мысль, и он воскликнул:

«Ну, а как насчет списка тех, кто *не слеп*, но все равно не может понять, что он видит?»

«Нет ничего легче, — ответил суфий, — просто сделайте копию этого же списка, и вы получите перечень людей второй категории».

В результате массовой пропаганды состояние современного мира, как мне кажется, таково, что, если, как в известной сказке, мальчик в толпе закричит: «А король-то голый!» — почти любой начнет его одергивать. Затем ребенка отправят к психоаналитику и обязательно найдут объяснение его «вызывающему поведению».

Четвертый аспект суфийской психологии — то, что мы могли бы назвать «тренировкой по осознанию реальности», — состоит в способности переключать внимание. Эффективное овладение этим искусством дает вам способность, к примеру, настолько отождествиться с другим индивидуумом и затем до такой степени отстраниться от него, что вы начинаете как бы видеть и чувствовать через или посредством этого человека. Нетрудно догадаться, что применением подобной практики спровоцировано немало случаев телепатической передачи мыслей, в результате чего ряды учащихся редуют — многие из них отдаются стремлению развить в себе подобную способность, видя в ней ключик от заветной двери. Вышеописанным упражнением разрешают заниматься лишь тем учащимся, которые развили в себе весьма необычные способности к ответственности, так как плоды подобной практики относятся к приобретениям низкого уровня и их

преждевременное использование препятствует развитию понимания¹⁴.

Экстрасенсорные восприятия (ЭСВ) этого рода считаются побочным продуктом, вызывающим утечку тонкой трансформационной энергии, как ее называют, и потому неправильное применение сверхспособностей недопустимо. Процедуру «переключения внимания», по-видимому, используют люди с оккультными или магическими амбициями, поскольку ее, несомненно, можно освоить, но, будучи использованной в отрыве от более широкого контекста, она слабеет и на удивление быстро отмирает.

Пятым аспектом является способность ощущать относительные характеристики людей и ситуаций, с тем чтобы помочь учащимся гармонически пользоваться вышеупомянутыми и другими элементами практики для развития их познавательных способностей. Так как в практических целях суфийская тренировка осуществляется в группах, подобранных особым образом, — для взаимного усиления способностей членов подобного кружка — то такое понимание очень важно.

Здесь можно привести такую аналогию: представим себе группу из одиннадцати человек, каждый член которой способен выработать 10 вольт. Объединив их, мы получим 110 вольт, что даст им возможность зажечь электрическую лампочку, что, в свою очередь, поможет им *всем* прочесть страницу книги, содержащей жизненно важное для них знание.

Люди, объединенные наобум или просто потому, что групповая ментальность побуждает их присоединиться к какой-либо общности, не могут, согласно суфийской традиции, составить учебную группу, способную достигать каких-либо практических целей. Суфийская гармонизация осуществляется на более чувствительном уровне, чем обычное объединение так называемых «единомышленников». По этому поводу суфии утверждают следующее: «Каждое собрание людей обладает своим собственным потенциалом. Объединенные случайно обладают только физическим, ментальным или эмоциональным потенциалом».

Шестой аспект связан с культивированием служения, не связанного с ощущением награды, уже полученной или только ожидаемой. Эта практика, как учит суфийская психология, стимулирует развитие способности к восприятию методом, который перестает работать, когда данная способность блокируется более грубыми эмоциями, вызываемыми удовольствием от награды или от ее предвкушения. Если вы совершаете добрый поступок (и почему бы его не совершить?) и испытываете от этого удовольствие (и почему бы вам его не испытывать?) — вы тем самым уже получаете «плату» за свое действие в виде именно этого ощущения. Согласно суфийской психологии, никаких дополнительных преимуществ вам уже не причитается. «Безразличие к награде» — краткое название этой способности.

Шесть аспектов, сформулированных нами, разумеется, практикуются согласно предписанию, а не просто путем заимствования: учитель или его представитель назначает ученику упражнения в соответствии с тем, что последний способен выполнить в данное время. Но жизнь и деятельность человека на обычном уровне существования зависят от таких вещей, как внешний вид, предметы, одежда, и человек видит лишь то, что лежит на поверхности, а не внутри; даже желая экстрасенсорных переживаний, он позволяет своему вниманию подчиняться чему-то вовне, вместо того чтобы управлять им по собственной воле, и смотрит только на поверхностные аспекты ситуаций, а не на их внутреннее содержание, хочет учить других, предпочитает действовать независимо от того, есть в этом необходимость или нет, группирует людей только потому, что они хотят сбиваться в кучу, и так далее, — поэтому неудивительно, что такой человек не может хотя бы просто случайно наткнуться на суфийское восприятие. В описанной ситуации мы должны быть

¹⁴ Сравни: *Idries Shah, Oriental Magic* («Восточная магия»), London, 1956 etc., Octagon and New York, 1973, E.P.Dutton Inc) и *Idries Shah, The Secret Lore of Magic* («Тайное знание магии»), London, 1957, 65, 69, 71 etc. (F.Muller) and New York (Citadel), 1957 etc.)

благодарны уже за то, что люди вообще спрашивают, можно ли подойти к подлинно тонким восприятиям каким-либо иным способом, отличным от известных им в повседневной жизни.

Конечно, *есть* множество других упражнений, но для получения от них положительного эффекта необходимо отслеживание реакций практикующих.

КАЧЕСТВО ПОНИМАНИЯ

Все это может показаться довольно скучным по сравнению с яркой видимостью имитационных групп, однако суфии говорят: «Попытка ограбить Дом Знания окончится лишь тем, что вас искусают крысы в подвале». Поэтому фактически альтернативы нет — только в фольклоре и в воображении.

Любимая суфиями цитата: *Туккалимун наса ала кадр укулихим* («Говори с людьми в соответствии с мерой их понимания») целиком заключает в себе вопрос качества человеческого понимания. Если *предполагаемое* «понимание» психологии или чего-то еще эффективно препятствует людям прийти к подлинному широкому пониманию, то им потребуется больше подготовительной работы.

Другая суфийская специализация, заслуживающая внимания, подытожена во фразе «Всегда старайся производить *плохое* впечатление на нежелательных людей». Вспоминание этого принципа помогает истолковать порой озадачивающее поведение суфиев...

Шесть только что приведенных формулировок наиболее близко передают наши собственные оценки мышления, доминирующего в широких областях западной культуры, и идут вразрез с системами убеждений, которые, как *сами* люди воображают, столь сильно отличают их друг от друга. Возьмем, к примеру, тех, кто ненавидит деньги и хотел бы изменить социальную систему. Они будут точно так же привержены к ношению особых одежд, по сути униформы, чтобы выставить напоказ свою верность этим убеждениям, как и те, кто ненавидит их, любит деньги и заинтересован в сохранении существующей социальной системы. Люди, жаждущие внимания, вероятнее всего, западут на ту или иную систему — либо психологическую, либо другую, — видя в ней панацею. Но когда вы демонстрируете им эту жажду или ее утоляете, симптом — привязанность к панацее — зачастую исчезает. Итак, *нас* интересует то, что лежит в основе, а не на поверхности. Рождается ли эквивалентный отклик в принимающей среде — у взыскующих знания кандидатов?

В данном случае обычные методы оценки исследуемой культуры позволяют нам сделать те же выводы, что и наше интуитивное восприятие. Можно сказать, что мы «просто чувствуем», каковы люди и как их можно чему-то научить, или как они сами препятствуют своему обучению. Кроме того, я с интересом просматриваю отклики на наши книги, опубликованные в течение последних двенадцати лет.

ПРОБЛЕМЫ В ОБРАЗОВАНИИ, СВЯЗАННЫЕ С КУЛЬТУРНЫМИ

ПРИОРИТЕТАМИ

В течение этого периода мы собрали немногим меньше четверти миллиона писем и других отзывов (240 с лишним тысяч); из них свыше семидесяти тысяч — из Соединенных Штатов. Моменты, которым я уже уделял внимание, повторяются снова и снова в письмах читателей, объясняя как природу самих вопросов, так и успехи и неудачи в понимании наших материалов. Из читательских откликов создается как бы некая мозаика. Любопытно, что после первых 1500 писем в последующей корреспонденции мы не обнаружили никаких принципиально новых вопросов: в той или иной форме

повторялись одни и те же идеи и мнения. Таким образом, только три четверти миллиона слов из 35 миллионов содержали какие-то прежде не выраженные моменты. Наблюдая реакции наших читателей, мы также смогли увидеть, сколь редко люди приходят к некоторым идеям, для нас самим собой разумеющимся. В результате нам удалось составить полную картину: как люди думают, о чем они думают, что знают и чего не потрудились узнать.

Переписка с учеными и беседы с людьми, не знавшими о нашем основном интересе (назовем их «контрольной группой»), показали, что «эзотерически» настроенные вопрошатели не отличались от академических ученых, психологов или обычных людей с улицы в том, что касалось некоторых их основных характеристик и пробелов в знаниях. Это показывает, что, возможно, *все* подобные группы являют собой один и тот же *грубый до мозга костей* образец озабоченности и мотивации — хотя номинально они смотрят на вещи по-разному (и каждая из них полагает, что у нее отличная от других ориентация). Амбиции, увлеченность, недостаток наблюдательности и т.п. только *кажутся* коренящимися в профессиональной ориентации человека или в его основном жизненном интересе. Тестовая проверка показала, что эти качества, скорее, связаны с приоритетами культуры. Все культуры на чем-то специализируются, а чем-то пренебрегают, одно включают, другое исключают. Весьма забавно, однако, наблюдать, как люди воображают, что принятие одних постулатов автоматически означает отвержение других.

В конце концов, если вы беседуете с человеком, который верит, будто успеха можно добиться только ценой огромных усилий, и будто успех — это то, что все люди считают таковым, то вряд ли вы будете ожидать от своего собеседника, что он заинтересуется возможностью *неэнергичного* достижения и *неамбициозного* прогресса — и уж тем более предположением, что мнение остальных может быть неполной истиной¹⁵. Самое большее, что вы сможете ответить такому человеку, не прибегая к подробным объяснениям, какие здесь даю вам я, — это сказать ему, что некогда люди с такой же убежденностью верили, будто Земля плоская или что грибы появляются от молний. Все это до некоторой степени повлияло на репутацию, которой я, похоже, пользуюсь в прессе, — чему способствовали мои высказывания о нашей принадлежности к пессимистическим культурам, так как именно пессимисты верят, что принятие каких-то одних принципов культурного наследия уже само по себе исключает следования другим принципам. Поскольку подобное нелегко опровергнуть, люди упростили смысл сказанного мной до такого определения: «Идрис Шах — это тот человек, который заявляет, что все мы пессимисты». Так что мы, и это очевидно, принадлежим еще и к обществу, в котором существует склонность к тривиальному мышлению, хотя и живем в XX веке.

Основную причину далеко искать не надо. Дело в том, что любая культура основывается на определенных понятиях, которые принимаются за абсолютные, и именно такие понятия просвещают — и иногда обуздывают — тех, кто являются продуктом этой культуры, будь то отдельные индивидуумы, культурные институты или школы мысли. Меняя внешнюю форму, культуру не изменишь и даже не всегда обогатишь. Тем не менее культуру можно *взбодрить*, заполнив некоторые пустоты в ней возможностями, расширяющими человеческую индивидуальность, что не будет находиться в противоречии с основными постулатами общества, зато позволит культурным предпосылкам стать более гибкими. Подобное развитие фактически может происходить в обществе только посредством понимания того, что *воображаемые* «абсолютные понятия» при определенных обстоятельствах могут стать гибкими. Это не обязательно должно происходить с каждым человеком; и действительно, применять данный принцип ко всему на свете просто абсурдно. Но как психология, так и физика по-прежнему придерживаются положения, что абсолютное для одних целей может и не быть таковым для других. В

¹⁵ Что уж говорить о неэнергичном прогрессе и неамбициозном достижении?..

конце концов, ведь многим известно, что прямые линии на самом деле искривлены (Эйнштейн), но для большинства практических задач эта информация неприменима.

Самые что ни на есть простейшие потребности в самоутверждении и быстрой идентификации (и категоризации) людей, например, полезны в отдельных случаях любой культуре, на определенном этапе ее развития, а также в некоторых областях человеческой деятельности: они служат человеку или животному при решении тех или иных задач. Соответственно всегда и везде будут появляться институты, обслуживающие эти потребности. Они будут одновременно и обеспечивать желаемым (а ведь можно вспомнить и о многих других потребностях), и создавать дальнейший спрос.

Индивидуумов, по каким-то причинам не испытывающих большой нужды в самоутверждении и идентификации, никогда не будет слишком много, потому что производство все большего и большего количества тех, на кого в обществе существует стабильный спрос, распространит, освятит, глубоко укоренит и возведет в норму весь этот механизм. Таким образом, институты, предлагающие человеку способы самоутверждения и идентификации, и впредь будут постоянно размножаться. Не замечая их истинной внутренней динамики, люди любой культуры принимают подобные институты за то, чем они кажутся благодаря своим внешним формам. Любой человек или фактор, утверждающие, как *может показаться*, что все эти приспособления бесполезны или обладают лишь ограниченной ценностью — как ступени, ведущие наверх, — будут восприняты как угроза.

МУРЛЫКАНЬЕ И ХРАП

Итак, мы не можем винить людей, если они во всем ищут то, что их натренировали искать, а не то, что *может* содержаться в искомом, — ведь последнее обещает человеку не так много быстродействующих эмоциональных стимулов или удовлетворений.

Возможно, вы слышали об эксперименте под названием «Кот и храп». Нескольким группам случайно собранных людей дали послушать кассету, на которой было записано мурлыканье кота. Те, кому сказали, что это человеческий *храп*, выразили свое неудовольствие и даже отвращение к этим звукам. Участники, которых проинформировали, что это мурлыканье довольного кота, выразили желание послушать запись еще раз (не считая тех из них, кто не любил кошек). Когда записанный на пленку человеческий храп дали послушать другой аудитории, сообщив, что это мурлыканье котенка, записанное через микрофон, все присутствующие высказали удовольствие — разумеется, кроме тех, кто не любил кошек.

Таким образом, именно из-за того, что человеческие оценки чего бы то ни было субъективны и обусловлены внушением и предположениями, *прежде* чем давать людям учебные материалы, необходимо убедиться, что они смогут ими реально воспользоваться — не так, как, по их мнению, подобные материалы следует употреблять или как диктует им автоматизм, основанный на привычке строить предположения.

Не случайно слово "egregious" («из ряда вон», «вопиющий», «отъявленный»), не обладая, согласно словарному определению, каким-то оценочным смыслом, почти всегда употребляется с уничижительным оттенком. "Egregious" — "out of the flock" («из ряда вон», «паршивая овца»¹⁶)... Является ли в таком случае человечество стадом овец? Только если люди этого хотят или если их воспитали быть таковыми.

Если суфизм — дорога, то здесь ее сложный участок. Вот почему так трудно утвердить в человеческих умах реальность некоторых вещей, хотя возможно, они настолько же важны, так же ценны и полезны для людей, как и то, что сформировало их нынешние

¹⁶ Также «отщепенец» — английский толковый словарь. — *Примечание переводчика.*

интересы. Понять это так же просто, как высказывание, что легче продать людям шипение жарящейся отбивной, чем саму отбивную.

Необходимо помнить, что суфийские учения (позднее мы коснемся некоторых связанных с ними специфических практик) «исполняются», так же как и выражаются словесно или разъясняются. Однако привитое человеческим умам предубеждение заставляет людей думать, что, если что-то существует, оно может и должно быть объяснено исключительно в терминах слушателя. Итак, что же происходит, когда мы говорим, что нечто «исполняется», так же как и «объясняется»? По причине того же предубеждения люди считают, что «исполнение» — это нечто вроде театра или вида искусства, воздействующее на слух, осязание, зрение или даже, если угодно, на обоняние. В результате проходит совсем немного времени, и все шутки воспринимаются как суфийские, любая музыка предполагается содержащей внутреннее значение, любые движения или «танцы», стоит их однажды продемонстрировать, будут считаться исполняемыми специально для духовных или психологических целей, даже если в действительности их повторяют просто механически. Некоторые суфии, в довольно редких случаях, использовали музыку, чтобы простимулировать определенные состояния в людях, которые в них нуждались, из чего делается заключение, что все суфии, само собой, должны быть музыкантами. А так как некогда существовали суфийские «танцы», то для многих это означает, что суфии — танцоры, а люди, наблюдающие или принимающие участие в подобных танцах, должны быть суфиями. Все это, конечно, может быть верным или неверным в такой же степени, как утверждение, что телевидение является таблицей, которую мы видим на экране при настройке телевизора. Попробуйте посмотреть на вещи с этой точки зрения, и вы ничего не потеряете, кроме своего «грузового» культа¹⁷.

Следует остерегаться такого рода экстравагантности, такого усиления вещизма, основанного на бессознательном предположении, что «возбуждение само по себе есть что-то значимое», — это справедливо лишь для соответствующего вида возбуждения.

УСИЛЕНИЕ ВНЕШНИХ АТТРИБУТОВ

Классические суфии постоянно предостерегали против усиления внешних атрибутов, а также выделения какого-то одного из аспектов до такой степени, что начинает казаться, будто он и является всем целым, — и необходимость в этих предостережениях по-прежнему очевидна и сегодня. Как сказал наш великий учитель Джами в XV веке: «Если не подстригать ежедневно бороду, она в своей великолепии вообразит себя волосами головы»¹⁸.

Следовательно, к суфийскому изучению и развитию всегда необходимо подходить осознавая лежащие в их основе гибкость и изощренность. Суфийская педагогика основана на методе, посредством которого поддерживается, но не механизмуется разумная согласованность, сохраняется особая специфика реального гуманизма, лишённого слащавой сентиментальности, обеспечивается эффективность, при которой человек не

¹⁷ «Грузовые культы» впервые описаны антропологами у малоразвитых племенных общин, которым сбрасывали с самолетов продовольственные грузы. В дальнейшем члены этих общин стали сооружать копии самолетов из консервных банок в уверенности, что тем самым они магически вызовут «чудо» доставки с неба полезных вещей. Со временем этот термин стал рассматриваться в более широком культурном контексте. — *Примечание переводчика.*

¹⁸ Джами. «Бахаристан» («Обитель весны»). Тенденция путать внешние аспекты с центральным фактором и возбуждаться поверхностными вещами, которым свойственно обеспечивать людей лишь грубыми стимулами, хорошо описана критиком Бенни Грином. Касаясь этой проблемы, хотя и в другой области, он определяет ее как «дистилляцию всех периферийных идиотизмов при отсутствии любого из великих, центральных и облагораживающих факторов» (см. Punch, 3 May 1978, p. 750).

попадает во власть упомянутых нами искаженных предположений...

В своих повседневных интересах человеческие существа застревают на отдельных аспектах, которые суфии считают второстепенными, и это является почти исключительной причиной отсутствия у людей соответствующей основы для наблюдения и переживания более тонких реалий. Стоит ли в таком случае удивляться, что они отшатываются от фраз, подобных приведенной ниже, как от какой-то невразумительной белиберды.

«Когда небытие проясняется в Сущности Истины,
Тайное Сокровище становится проявленным»
(*Адам дар дехатп; Хак чан батп сафи / аз и базахир амад гани и макхфт*)
Шабистари. *Тайный Сад*.

Состояние, на которое я здесь ссылаюсь, даже будучи выраженным в словах, удивительно точно передано в этих стихах. В обычных обстоятельствах люди не могут понять подобное не потому, что речь идет об измененном состоянии сознания, которое им неизвестно, но из-за того, что, согласно нашему опыту, в их умах царит суматоха и они не знают, как от нее отстраниться.

Как раз когда я подыскивал какой-нибудь оригинальный пример, способный проиллюстрировать эффект избирательного мышления у людей, одержимых своими повседневными интересами, произошло весьма драматическое и вполне подходящее для этих целей событие.

Стал постоянно звонить телефон, и один за другим, чуть ли не со всех концов света, на меня посыпались вопросы. Звонили журналисты, требуя, чтобы я сообщил им, намерен ли Международный валютный фонд, собравшийся в это время в Маниле, ссудить Британию, уже и так завязшей по уши в долгах, около четырех миллиардов долларов, в которых она позарез нуждалась.

Постепенно из их бесконечных расспросов я выделил причину ажиотажа. Доктор Джоханнес Уиттвин, председатель и управляющий директор Международного валютного фонда в Вашингтоне, человек весьма выдающийся, публично известен как суфий. А раз так, то я либо знаю, как он собирается поступить с Британией, либо, как это следовало из слов газетных акул, имею право указать директору МВФ, как ему поступать, — или даже уже отдал свои распоряжения...

Почти сразу после этого английская ежедневная национальная газета с тиражом в четыре миллиона экземпляров опубликовала статью, в которой меня упоминают в связи с тем, что на доктора Уиттвина якобы повлияло нечто сказанное мной по телеканалу Би-Би-Си о суфиях и о проблеме достижений. Кто же такие эти суфии? Из статьи мы узнаем, что некоторые из них не в своем уме, так как некий суфий (профессор, как его называют) пригрозил наложить на журналиста проклятие. «Однако, — пишет газета, — как бы то ни было, уже сама новость, что босс Международного валютного фонда — приверженец суфизма, создает этому движению высокий рейтинг на Западе». В этой же связи упоминаются известные адвокаты, один из членов Верховного суда и «растущее число наиболее просвещенных физиков»... «Основная масса последователей, — как сообщается в статье, — представляет собой в высшей степени уравновешенных людей... Их число в Британии и Америке постоянно увеличивается»¹⁹.

Газета также приводит высказывание одного из сотрудников Уиттвина, работающего с ним в вашингтонском офисе, который утверждает, что «директор решает сложнейшие проблемы, просто закрыв глаза на несколько секунд и уйдя в себя, после чего

¹⁹ «Если вы все еще думаете, что судьбой фунта распоряжаются боги, познакомьтесь с тем, что думает по этому поводу банковский менеджер» (*James Gibbins*, ст. *Daily Mail*, London, 8 Okt, 1976).

возвращается к нам абсолютно бодрый, с обостренным вниманием, и выдает правильный ответ. Если это и есть суфизм, — продолжает автор удивительного свидетельства, — что ж, он работает!»

Теперь-то вы знаете, что делать. Я же, со своей стороны, ничего не имею против того, чтобы люди добирались до моего дома на ослах своих сверхупрощенных ожиданий, которые, возможно, и служат им средством передвижения, но только пусть они не попытаются въехать на них верхом прямо в мою комнату.

Разумеется, в той же статье были опубликованы и мое имя, и адрес. Поистине устрашающая гора писем от тех, кто хочет стать суфиями или финансовыми воротилами, а может, и теми и другими, лежит на моем столе, наглядно демонстрируя интерес людей к тому, что я назвал «второстепенными вещами».

В последнее время газеты написали так много о суфиях и суфизме, что один телевизионный юморист сказал недавно:

«Мне что, убить себя, чтобы не слышать больше об этих суфиях?»

«Может быть, и так, но *без них ты бы уже умер с голоду*», — ответил его прямолинейный напарник, намекая на то, что Англия частично существует на международные кредиты.

Мы наверняка увидим еще немало статей и даже книг, оглашающих перемены, которые происходят в людях и организациях, связанных с суфиями или находящихся под их влиянием. К счастью, приверженцы теории мирового заговора (любящие тешить себя идеями зловещих объединений) уступают сегодня по численности и энтузиазму тем, кто приписывает нам обладание удивительными силами и тайнами, пусть даже мы не так-то легко расстаемся со своими секретами. И все же люди пытаются осмысливать некоторые вещи, на которые поначалу смотрели с недостаточным вниманием. После нашумевших сообщений об МВФ мне позвонил некий доктор и недовольным тоном сообщил, что только недавно он сумел успокоиться после того, как прочел три года назад в научном журнале статью одного автора, цитирующего документы, из которых можно заключить, что суфии располагали информацией о циркуляции крови задолго до Гарвея²⁰, тогда как все современные доктора *знают*, что именно Гарвей открыл кровообращение. А теперь еще и МВФ? Не слишком ли? Он не очень-то успокоился, когда я сказал ему, что МВФ — это только верхушка айсберга. Журнал Time сообщил, что на столе губернатора Калифорнии Брауна были замечены суфийские книги. Возможно, кто-то захочет связать это с недавней статьей о докторе Адаме Малике, бывшем министре иностранных дел, а теперь вице-президенте Индонезии, который публично охапками скупает книги по суфизму. И что может быть общего между сэром Ричардом Бертоном — исследователем, Джеймсом Кобурном — актером, неким руководителем Пакистанского института по изучению Западной и Центральной Азии в Карачи, а также многими другими, объединенными, как нам то и дело сообщают газетные новости, словом «суфий»? Если вы будете настаивать на изучении вещей с конца, а не с начала, с внешней стороны, а не от центра, вы получите именно такую картину. Это весьма напоминает историю об одном кинорежиссере, которому в голову пришла великолепная идея фильма.

Он собрал своих подхалимов и сказал: «У меня превосходная идея! Итак, коридор госпиталя... по нему везут красивую девицу, привязанную ремнями к каталке. Затем камера переносит нас в операционную, где над девушкой склоняется зловещего вида хирург...»

«Потрясающе, босс!» — хором закричали лизоблюды.

«Ладно, — продолжал он. — Есть только одна деталь, и я хочу, чтобы вы, ребята, ее

²⁰ R.L.Thomson. Psychology and Science from the Ancient East («Психология и наука на Древнем Востоке») в журнале Post graduate Gazett, Vol 2, № 1. March, 1973 (Reprinted in Idries Shah Reviews and Comments / обозрение и комментарии об Идрисе Шахе / Vol 1 (1973) C.R.Ferguson, London, pp. 23f.).

уладили. Развейте, чем занимается этот парень?»

ШКОЛА И ДРОЖЖИ

Суфийская структура — это община и организм, не являющиеся ни племенем, ни нацией, ни идеологической машиной для обработки мозгов. Функционируя в обществе как школа и дрожжи, она, таким образом, снова и снова обеспечивает себе развитие и процветание в самых разнообразных культурах. Здесь имеет смысл отметить, что, хотя все восточные народы могут казаться для западных людей одинаковыми («все китайцы на одно лицо»), их традиции и жизненные позиции столь сильно отличаются друг от друга, что существует значительно большая разница между, скажем, индусом и персом, чем между французом и итальянцем. Но суфийские мероприятия подвержены распаду и искажению в той же степени, как и любая другая человеческая деятельность.

Сам факт, что человеческие системы подвластны разложению, и причина тому — психология людей, конечно, диктует необходимость менять приоритеты и заниматься восстановительной деятельностью, требуя от суфиев, чтобы значительная часть их способностей и внимания была посвящена функции возрождения.

Уже одни только искажения информации приводят к тому, что при отсутствии глубокого внутреннего видения очень важные элементы традиции оказываются утраченными. И хотя я вовсе не имею в виду, что эпизод, который я собираюсь сейчас вам поведать, достаточно характерен, он тем не менее показывает, какие бывают в жизни случаи.

Лондонская журналистка позвонила в посольство Соединенных Штатов и попросила процитировать ей во всех подробностях *"Gettysburg Address"*²¹.

«После небольшой паузы, — сообщает она, — секретарь спросил: "Это учреждение или частная резиденция?"»²²

Суфийское знание культивируется в своем учебном формате, известном как Тарика, Путь, — связанную с этим деятельность можно назвать «изучения в суфизме». Кроме того, оно распространяется через литературные, научные, культурные и другие институты каждой конкретной эпохи, в русле того, что можно было бы назвать отдельным факультетом, — подобную деятельность следует обозначить как «изучение, касающееся суфизма». Далее, суфийское знание действует в сферах человеческой жизни, обычно не отождествляемых с суфизмом, и эту форму активности называют «взаимосвязанными видами деятельности», что мы могли бы определить как «изучения для суфизма».

Вышеописанная ситуация вполне адекватно выражается в виде диаграммы. Но именно второстепенные материалы больше всего привлекают интерес ученых. Редукционисты²³ тоже используют их и, кроме того, заимствуют из первой вышеназванной области («изучения в суфизме») различные упражнения и внешние аспекты и строят на них свой упрощенный «суфизм».

Как только человек сможет уяснить для себя подобную схему, ему будет сравнительно легко опознать любые формы того, что описывается как суфизм, и знать, на какой стадии развития находится та или иная разновидность.

²¹ The Director, London, May, 1973, Point of Information.

²² Геттисбургское обращение — знаменитая речь Авраама Линкольна, ознаменовавшая окончание гражданской войны в США между Севером и Югом (Address — в английском языке значит: речь, обращение, а также адрес). — *Примечание переводчика.*

²³ Редукционизм — философия снижения высшего к низшему. — *Примечание переводчика.*

КАК РАЗГЛЯДЕТЬ ИМИТАТОРОВ

Самый эффективный способ решить эту проблему состоит в том, чтобы люди, интересующиеся данной областью знаний, прочли достаточно материалов и были способны различать неадекватное поведение имитаторов. Поэтому массовое распространение печатных материалов, кассет, лекций и тому подобного служит не только мошенникам и самообманувшимся приверженцам, которые, пользуясь этими пособиями, привлекают к себе людей и поддерживают культы, но также открывает и другие возможности, например, увеличение потока подлинной информации и знания. Именно на такой основе могут осуществляться исследования и надлежащий прогресс в суфийском изучении.

А вот еще одна область, в которой мы смогли увидеть, насколько ценно, что люди получили доступ к огромному объему материалов и на его основе формируют свои выводы. Когда люди читают наши книги, различные части которых предназначены для того, чтобы преподнести множество аспектов одной и той же вещи, обдумывание прочитанного способом холистического мышления позволяет им порой ухватить смысл нашей работы, о чем мы сознательно не пишем в последовательной, линейной манере. Часто случается, что, рассматривая наши произведения, а также произведения других авторов, и позволяя всему своему сознанию пристально отследить исследуемый материал и усвоить его, люди после этого редко находят столь же ценными, как прежде, работы тех, кого мы называем фрагментарными авторами.

Таким образом, линейный подход может быть полезен для овладения материалом, тогда как другой способ, использующий, по-видимому, правое полушарие мозга, дает возможность интегрировать материалы, обеспечивая индивидуума надежным руководством. Разумеется, чтобы получить пользу от этого подхода, изучающий должен нацелиться на что-то большее, чем нахождение некоего волшебного ключика.

Когда в 1964 году я опубликовал книгу под названием *Суфуи*, один выдающийся литературный критик (профессор Д.Дж.Энрайт, журнал *The New Statesman* от 25 сентября 1964 года) отметил, что книга оказалась успешной, хотя ей по определению был предрешен провал. Его слова отсылают нас к тому факту, что холистический опыт не может быть описан линейным способом и что использованная при изложении материала определенная техника «разброса», состоявшая в том, чтобы дать читателю мгновенные проблески и сознательно не допускать в изложении слишком большой систематизации, способствовала созданию у аудитории нелинейного впечатления. Меня заинтересовало (помимо факта, что уже тогда некоторые читатели могли правильно оценить цель этого предприятия) то, что, когда я цитировал статью вышеупомянутого критика, люди хмурили брови и, казалось, были не в состоянии даже вообразить успех «предрешенного провала». Но после того как исследования полушарной специализации мозга завоевали себе в обществе сравнительно широкую известность, куда чаще стали встречаться совсем другие реакции. Теперь, конечно, несложно найти начитанных людей, *в самом деле* понимающих, что имел в виду литературный обозреватель. На это, однако, ушло десять лет или около того.

Должен признать, что определенные исключения имели место и раньше, в тех случаях, когда читателям удавалось ясно осознать цель «оперативной литературы» вопреки схоластическому предубеждению, заставляющему человека интерпретировать материал, вместо того чтобы им пользоваться. Хорошим примером служит статья в журнале *The American Scholar* (не больше, не меньше!), в которой подчеркивается факт написания книги *Суфуи* на основе «метода разброса» и отмечается, что «люди, не обладающие достаточной гибкостью, чтобы читать по-иному, не получают от этой книги никакой

пользы»²⁴. Когда процитированное утверждение появилось в столь престижном журнале, разразилась, разумеется, буря негодования, так что издатели проявили немалую отвагу, напечатав подобную статью. К стати, понадобилось не менее шести лет, прежде чем эта новая информация с древнего Востока проникла в упомянутый журнал.

Таким образом, теперь у нас есть современный язык, на котором мы можем общаться. Если только язык этот не возобладает над нами и не приведет к тому, что все будет сведено к теории двух полушарий или к «технике разброса», безо всяких дополнительных измерений, то мы, благодаря научным открытиям и их широкому признанию в обществе, весьма расширим нашу способность к коммуникации. Когда некоторые люди, включая высокоуважаемых, духовно ориентированных мыслителей, пытаются выразить свою реакцию на наши материалы в привычных традиционных терминах, они приходят чуть ли не в отчаяние. Преподобный Эрик Уайлд, редактор высокопревозносимого христианского журнала, встретил этот вызов следующим образом:

«Перестань довольствоваться рецензией и обратись к книге (он рецензирует мою книгу *"Wisdom of the Idiots"* («Мудрость идиотов») — купи, вымоли или одолжи сущность, вместо того чтобы преследовать в темноте жалкие призраки. Но, предупреждаю тебя, прочитав эту книгу, ты, возможно, просто захлопнешь ее и, подобно богатому аристократу, преисполнишься горечи из-за своей привязанности к изобилию расхожей мудрости»²⁵.

На примере этого отрывка хорошо видно, какой терминологией мы пользовались еще совсем недавно и как с тех пор обогатились. Если бы я разговаривал с вами во времена, предшествующие открытию функции двух полушарий мозга, от меня ожидалось бы, что я должен изъясняться только с помощью логики и последовательного изложения, в упорядоченной манере, выдвигая аргументы и развивая тему от А до Я. Единственный приемлемый стиль, способный стать контрмерой или альтернативой такому методу изъяснения, был язык, переполненный вычурными, фантастическими гиперболами, для нас слишком ограниченный. Или, возможно, мы могли бы туманно коснуться «реальных переживаний» или «чего-то, что нельзя описать, потому что описание означает ограничение...» Люди и сегодня читают литературу, перегруженную подобными терминами, и, по-видимому, еще какое-то время должны будут довольствоваться этим чтивом. Но даже «переживание чего-то целого» при отсутствии физического органа или ментального механизма, которым можно было бы объяснить такое переживание, еще совсем недавно в понимании многих людей было равносильно абракадабре и надувательству. Все эти слова нам известны, они есть в словарях, но не могут быть нам полезны, потому что ассоциируются с тем, что мы сегодня можем назвать немодным, даже недостаточным и, конечно же, ограниченным средством выражения, — я имею в виду такие слова, как «невыразимый», «неопределимый», «непередаваемый»...

Между прочим, в этом смысле вас могут позабавить толковые словари и справочники так называемых синонимов. Я отметил, что в одной из библий английского языка к слову «невразумительность» даются следующие синонимы: «непостижимость», «сомнительный смысл», «замешательство», «мистификация», «трансцендентальность». Еще лучше можно понять, как мыслит составитель справочника, если мы обратим внимание, что «невразумительное» приравнивается им по смыслу к «нераскрываемому» и даже к «непостижимому», «неразрешимому», «непроницаемому»... Однако, поскольку слова «недвусмысленный» и «четкий» тоже помещены почти рядом, мы, наверное, должны с пониманием отнестись к тому, что эта энциклопедия синонимов была составлена скорее каллиграфом или педантичным занудой, нежели человеком научной ориентации...

А теперь мы можем рассмотреть загадочные высказывания, в которых люди с

²⁴ The Sufis, The American Scholar, весна, 1970 год.

²⁵ Преп. Эрик Уайлд. «Достаточно мудрости», в журнале The Inquirer, London, 12 December 1970, p. 3.

восторгом усматривали что-то мистическое, и увидеть, что эти фразы вполне могут указывать на осознание двух различных способов подхода к одному и тому же материалу.

ВИДЕТЬ И ЗНАТЬ

Ибн Сина, великий философ, встретился с Абу Саидом.

Когда их обоих попросили прокомментировать встречу, философ отозвался о суфии так: «То, что я знаю, он видит».

А суфий сказал о философе: «То, что я вижу, он знает»²⁶.

Здесь мы явно видим два вида осознания: последовательное мышление *знает* одним способом, холистическое — другим, и этот второй способ называется «видением».

То же самое относится и к природе суфийского знания. Появление подобного знания в его подлинной форме можно спровоцировать, а также развить в человеке при наличии определенных ключевых факторов. Его невозможно описать, в то же время не скажешь, что оно непередаваемо, но и разбавлять это знание не рекомендуется. Тем не менее многие пытаются предложить вам его именно в этих трех формах. Форма, в которой оно *узнается* как суфийское сознание, в то же время проявляясь в виде мудрых высказываний и интересной информации, представляет собой вторичный продукт, и здесь на самом деле требуется иное слово для передачи того, что подразумевается под знанием. Но подобный вторичный материал, при его правильном использовании, оказывается бесценным средством, с помощью которого можно спровоцировать суфийское понимание. Большинство людей впадают в ошибку изучения вторичного материала — они словно пытаются запомнить форму, внешний вид, вес и размер некоего инструмента, вместо того чтобы узнать, как им пользоваться. Мы, со своей стороны, знаем только «как» и «почему», оставляя другим интересоваться весом и размером.

Суфийские источники, когда их используют суфии, позволяют перекинуть мост через пропасть, разделяющую невыразимый холистический опыт и деятельность сознания в жестком, очевидном и линейном режиме. Такой эффект создается благодаря суфийской системе изучения. Спросите любого суфия, чем полезен подобный опыт, и он скажет вам, что именно суфийский организм дает людям способность «возвратиться в мир» с тем, чтобы связать холистическое переживание со своим человеческим существованием и своей сущностью.

Это достаточно ясно отмечено в сборнике персидских стихов («Диван Шамса Табризи») самим Джалаледином Руми:

Сущность каждой формы, видимой тобой,
Находится вне всякого места
Если форма исчезает — это неважно,
Ибо ее источник вечен...

Как говорит Руми, все вещи на Земле обязаны своим существованием некоему Источнику в другом измерении, где каждая вещь — совершенна, где множественность форм понимается — а не только ощущается — как единство. Вот почему суфии считают, что вещи «мира» способствуют переживанию Абсолютного и пониманию его значения. Испытывать к проявленному миру сколько-нибудь больший интерес, чем этот, приводит, по их мнению, к той или иной форме *идолопоклонства* — технический термин, обозначающий фиксацию и обусловленную привязанность, автоматизм системы предположений... Согласно суфийскому диагнозу, религиозно ориентированные люди,

²⁶ Верно сказал Сулейман: «Когда личность оплакивает потерю, сущность радуется приобретению».

поклоняющиеся внешним атрибутам религии или способные, при отсутствии развитого восприятия, реагировать на религиозные формулы сугубо эмоционально, являются фетишистами. Аргументы классических суфийских мастеров по этому поводу (а эти мастера — надежный источник информации в данном вопросе) до сих пор еще никем не опровергнуты. Будучи здравомыслящими людьми, представители суфизма всегда понимали, что даже наиболее возвышенные человеческие идеи становятся — по причине неправильного или чрезмерного использования — «завесами», стенами, в действительности отделяющими человека от тонких вещей.

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ КАК ПУТЬ К ИСТИНЕ

Таким образом, основная характеристика суфийской позиции состоит в том, что существует Абсолют, по отношению к которому вещи, доступные обычному восприятию, могут быть названы локальной, низкой и неполной конкретизацией. Если человек привязывается к второстепенным вещам в большей степени, чем это диктуется их законной вспомогательной ролью, то рост восприятия Абсолюта в нем останавливается. В то же время понимание и использование возможной функции второстепенных вещей способствует приближению к Абсолюту. Такая мысль заключена в следующем суфийском афоризме: *Аль муджазу кантарат аль хакикат* («Относительное — путь к Истинному»), что в менее точном переводе звучит как «Феноменальное — мост к Реальному».

Стимулирование деятельности мозга в холистическом режиме, осуществляемое теми, кто понимает, как, когда, где и с кем следует это делать, составляет часть технологии суфийского знания, тогда как другая часть этого знания считается связанной с применением стимулов, которые обеспечиваются полушарием, работающим в последовательном линейном режиме. Необходимость избегать чрезмерной интеллектуальности, равно как и избытка эмоциональных стимулов, иногда может рассматриваться как культурный и технический аналог естественного стремления к слаженной работе обоих мозговых полушарий.

Поэтому суфии не претендуют на роль великих интеллектуалов и, конечно же, не делают из себя гуру и экстатических мистиков — разве что желая продемонстрировать ограниченность этих позиций. Они даже не претендуют на исключительность своего статуса или своих занятий. Многие, разумеется, испытывают разочарование, когда узнают об этом. Здесь будет интересно мимоходом отметить, до какой степени люди не привыкли к подобной умеренной позиции, в результате чего некоторые ревностные вопрошатели чувствуют себя задетыми за живое, когда слышат, что мы *не* заинтересованы в подтверждении собственного превосходства, или, что называется, в вытеснении с рынка товаров других производителей.

Понятно, что весьма ограниченной будет аудитория того, кто говорит: «Я эксперт только в своей собственной области. У меня есть цельная и действующая традиция. Если ты этим интересуешься, я могу тебе кое-что показать. Но если ты ждешь заверений, что через нас присоединишься к особой, высшей касте людей, то твоя позиция для нас неприемлема и мы с тобой не имеем ничего общего». Западные люди — да и многие восточные, — приверженные более дидактическому, не ориентированному на подлинное образование образу мысли, могут искренне изумиться стандартному суфийскому утверждению, которое было высказано в XV веке в Индии Шейхом Абдуллахом Шаттаром:

«Пожалуйста, покажи мне свои духовные достижения, если таковые у тебя есть, и поделись ими со мной. Я же, в свою очередь, приглашаю тебя разделить со мной мое знание».

Таков наш подход.

Заслуживает внимания факт, что мы способны сегодня оценить состояние умов тех, кто комментирует так называемые мистические системы и религии, видя, какому способу мышления эти люди придают большее значение. Экстремальный схоласт предпочтет последовательное линейное мышление, тогда как «вдохновенная» персона отдаст предпочтение холистическому мышлению. Встречаясь с суфийскими материалами, в которых детальная информация чередуется с любовной поэзией или, например, со звуковыми или цветовыми воздействиями, эти два вида мыслителей весьма ярко проявляют особенности своего ума. Меня, к примеру, немало забавляет, когда два разных обозревателя, взяв мою очередную книгу, пишут на нее рецензии, которые им самим кажутся весьма уравновешенным анализом, тогда как *на самом деле* в этих статьях отражается либо левополушарная, либо правополушарная тенденциозность мозговой деятельности авторов. В результате *одно и то же* литературное произведение характеризуется одним критиком как «слишком стерильное и интеллектуальное», а другим — как «сказочный экспериментализм». Это, конечно, результат отсутствия в сфере общедоступного знания какой-либо информации о влиянии одной из двух тенденций мышления на формирование мнения людей, но подобным обозревателям, несомненно, придется изменить свои реакции, если они хотят стать или казаться более объективными, — что произойдет, когда эти люди наверстают научное знание. А пока они могут служить нам иллюстративным материалом... Позднее их работа войдет в историю, быть может, как предостережение.

Изолированность двух видов мозговой активности, наблюдающаяся в культурах, где два соответствующих режима сознания не связаны между собой, где профессии делятся по принципу применения интуиции или логики, фактически может привести к появлению общества, в котором одна его половина не сможет общаться с другой. Хуже того, они будут говорить между собой, но не понимать друг друга. А еще хуже то, что они, по-видимому, будут думать, будто *действительно* понимают друг друга.

ПРЕИМУЩЕСТВА СУФИЙСКОГО ЗНАНИЯ

Анализ ситуации с этой точки зрения выявляет два возможных преимущества суфийского знания:

Во-первых, то, что в работах суфиев и других мистиков воспринималось учеными как бессвязность, может быть теперь увидено как имеющее рациональную основу.

Во-вторых, вырождение так называемых мистических систем в исключительно правополушарную и левополушарную специализацию можно *на самом деле* отследить, изучая современных последователей подобных систем, а также обратившись к доступному и отнюдь не предосудительному изучению техники чередования двух видов мышления, которую использовали суфии; в основе их метода, в теории и на практике, в течение десяти столетий лежала идея «моста» между двумя видами мозговой деятельности.

Как только весть о новых и эффективных подходах, о которых вы сейчас узнаете, достигнет метафизических кругов, можете быть уверены, что некоторые люди начнут «открывать» или «передавать» эти идеи как часть своих собственных учений, поэтому я вам советую, если вас интересует данная проблема, выясните, что говорили эти люди перед тем, как примкнули к популярной ныне концепции двух мозговых полушарий или услышали о формате предположений, об объективном взгляде на индийский гуруизм, или даже о лишенном безрассудства и в то же время свободном от педантизма суфийском подходе.

А пока послушайте небольшую историю о «мистике», рассматривающем правополушарного мечтателя-романтика и левополушарного ученого-букведа как одну и

ту же разновидность личности.

Однажды мудрец спросил ученого: «Во что ты веришь: в то, что примитивное существо в течение многих миллионов лет становится человеком, или в то, что лягушка может во мгновение ока стать принцессой?»

Ученый был возмущен. «За кого ты меня принимаешь?» — воскликнул он.

«Я-то знаю, *кто* ты, — сказал мудрец, — но пытаюсь выяснить, кем ты сам себя считаешь».

III. ПУТЬ, ОБЯЗАННОСТИ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

Великие, общепризнанные учителя, способные действовать в формате *всех* концепций, необходимых для всесторонней работы школы, чрезвычайно редки: подобный учитель появляется примерно раз в поколение. Это можно увидеть, если взглянуть на выдающихся учителей последнего тысячелетия и понять разницу между ними и теми, кто обладает компетенцией местного характера или лишь такой, которая необходима для поддержания традиции. Я перечислил в «Сказках дервишей» всего сорок пять из подобных учителей, живших в течение последнего тысячелетия, что фактически означает: в течение примерно каждого поколения людей появлялся один такой учитель. Средневековый дервишский учебник *Авариф аль-Маариф* («Дары знания»), охватывающий около семи столетий, перечисляет в два раза меньше учителей, то есть по одному на каждые сорок четыре года²⁷. Биограф Руми, Афлаки, включает в духовную родословную Руми первую семерку из упомянутого списка мастеров, которые жили на протяжении немногим более двух столетий, из чего можно сделать вывод, что учителя широкого профиля приходят раз в тридцать лет.

Аль-Газали, а его почитали средневековые христианские теологи и уже с XII века за ним был закреплен статус суфийского мастера, кодифицировал, если можно так выразиться, некоторые характеристики суфийского изучения и преподавания в никем еще не превзойденной манере изложения.

В его произведении «Возрождение религиозных наук», огромном томе, еще не переведенном полностью на английский язык, он обращается к будущему студенту с такой фразой:

«Тот, кто знает и знает, что он знает, — следуй за ним».

Следующие три строки, выродившиеся во многих местах в популярные куплеты, на самом деле представляют собой совершенно очевидные технические афоризмы, и Аль-Газали цитирует их по Аль-Халилю бен-Ахмаду, говоря, что у учителя есть три обязанности:

«Тот, кто знает, но не знает, что знает, тот спит — разбуди его;
Тот, кто не знает и знает, что он не знает, тот желает учиться — учи его;
Тот, кто не знает, но не знает, что он не знает, — отвергни его».

Суфийская компетенция не распространяется на тех, на кого все еще должна повлиять культура в пределах ее собственных возможностей.

ГАЗАЛИ О ТРЕХ СПОСОБНОСТЯХ

Три способности, продолжает Газали, сопровождают суфийское знание:

- 1) сила сверхвосприимчивости, сознательно проецируемая;
- 2) способность передвигать тела вне их массы;
- 3) способность посредством прямой осознанности обретать знания, которые иначе

²⁷ *Idries Shah, Tales of the Dervishes* («Сказки дервишей»), London, 1967, 219 ff. (1982 edition); *The Awarif al Maarif*, Calcutta, 1891, *Acts of Adepts* («Деяния адептов») 1335 (Redhouse's translation, London, 1881). Переиздана под заглавием *Legends of the Sufis* («Легенды суфиев»), London, 1976, с предисловием Идриса Шаха.

можно было бы добыть только ценой невероятного труда²⁸.

В своей «Книге мудрости» Газали пишет, что обязанности учителя состоят в следующем: не отказывать в совете, в котором нуждается ученик, не допускать, чтобы тот пытался достичь какой-то стадии прежде, чем будет способен управлять ею, не позволять ему браться за сложное, пока он не сможет понимать простое, предшествующее сложному. (Не слишком-то далеко пойдет тот, кто возвращает в книжную лавку молитвенник, «потому что он не работает!») Учитель должен убедиться в том, что его студент осознает несовместимость этого знания с соперничеством, хвастовством или желанием приобрести с его помощью власть²⁹. По утверждению Газали, охранять знание от тех, кто может его исказить, еще важнее, чем обучать ему. Функция же учительства, по мнению Афлаки, настолько важна и насущно необходима, что тот, кто обучился, но не действует, фактически остается невеждой. (*Мунакиб*).

Упоминает этот общепризнанный автор и о других характерных чертах учителя, однако вступающего на данную стезю, скорее всего, будут интересовать обязанности ученика. Этим обязанностям десять:

Первая обязанность — внутреннее очищение. Это означает, что ученик должен быть способен действовать, не подпадая под влияние извращающих человека качеств: гнева, жадности, ревности и т.п., которые суфии даже не считают человеческими характеристиками, скорее — дочеловеческими.

Вторая обязанность — мирские интересы у человека должны быть, но не превышать необходимой меры, требуемой *социальным* окружением. В связи с этим существует девиз: «Знание ничего не дает человеку до тех пор, пока он не отдаст все знанию».

Третья обязанность — полное повиновение учителю, что, конечно же, является одним из условий соглашения о взаимном и полном уважении между учителем и учеником. Газали иллюстрирует это рассказом о том, как секретарь пророка Мухаммеда собрался взобраться на мула. Ибн Аббас, член семьи Пророка, подошел, чтобы поддержать стремяна. «О племянник Пророка, — сказал секретарь, — не стоит беспокоиться». Ибн Аббас ответил: «Так нам велено обращаться с мудрыми». Тогда секретарь поцеловал руку Ибн Аббаса и сказал: «А нам велено почитать Апостольскую Семью». Знание может быть достигнуто только благодаря смирению. Такие взаимоотношения весьма отличаются от покорности учителю в системе индийского гуруизма.

Четвертая обязанность — не обращать внимания на очевидные различия формулировок и взглядов, применяемых в разных суфийских занятиях. Ученик должен следовать форме учения, которой пользуется его мастер, и стараться овладеть ею.

Пятая обязанность — ознакомиться с различными областями полезного знания сверх того, что ему необходимо в его основной деятельности. Это объясняется взаимосвязанностью всех частей знания и тем, что невежество в отношении разнообразных его видов довольно часто порождает в человеке фанатизм и высокомерие.

Шестая обязанность — изучать путь, которому следуешь, в соответствующем порядке. Суфийское знание, как отмечает Газали, является наиболее прогрессивным. Оно весьма отличается от учений, основанных на повторении и принятии убеждений авторитетных предшественников. Это так же верно в отношении религии, как и в отношении всего остального.

Седьмая обязанность — ученик не должен начинать ту или иную стадию изучения до тех пор, пока не завершит предшествующую стадию. Причина в том, что каждая стадия подготавливает к следующей.

Это предупреждение о необходимости все делать в правильной последовательности можно проиллюстрировать анекдотом о неграмотном крестьянине, который наконец-то

²⁸ Газали. «Кития Аль-Саадат» («Алхимия удовлетворенности»).

²⁹ Газали. «Китаб Аль-Илм» («Книга мудрости»).

научился читать. Знакомый остановил его на улице и спросил: «Ну что, друг, теперь ты можешь наконец читать Библию?» — «Библию?! — оскорбленно воскликнул крестьянин, — я прочел ее уже месяц назад, теперь я читаю информацию о скачках...»

Восьмая обязанность состоит в понимании относительной степени важности различных видов изучения. Внутреннее развитие, например, стоит выше занятий, не имеющих отношения к вопросу человеческой долговечности.

Девятая обязанность связана с тем, чтобы целью ученика было самосовершенствование, а не достижение видимой власти, влияния или превосходства в диспутах с другими. Равным образом ученик не должен *презирать* внешние занятия других людей, например, юриспруденцию, литературу и выполнение религиозных обрядов.

Десятая обязанность — знать, что связывает различные виды изучений, чтобы не слишком концентрироваться на сравнительно неважных вещах ценой, возможно, отдаленного, но существенного. В *реальном* смысле для ученика важно то, что имеет *реальное значение*.

СТОЯНКИ И СОСТОЯНИЯ

А теперь обратимся к упражнениям и концепциям, которые с ними связаны. Прежде всего, существует *стоянка*, называемая *макам*. Этим словом обозначается качество, в любой данный момент времени культивируемое студентом под руководством духовного наставника. От ученика может ожидать, чтобы он закрепился, скажем, в *таубаде* (возвращение назад, раскаяние), пока его учитель не назначит ему другое упражнение для саморазвития. Тут идет речь о некоторой позиции, и потому она называется «актом». Для обозначения этого же понятия, но с несколько иным оттенком смысла, употребляется также и слово «стадия».

Стадия, однако, не есть *состояние*. «Состояния» представляют собой эпизодические проблески измененного сознания, они случаются с индивидуумом, но не находятся под его контролем. «Состояние» известно еще и как «дар». Основная цель суфия, испытывающего эти проблески, состоит в том, чтобы выйти за их пределы. Выдающийся учитель Джунайд из Багдада подчеркивает, что «состояния подобны вспышкам молнии: их мнимая перманентность внушена низшим "я"»³⁰. Это означает, что, проходя через фильтр неизменного эго, состояния рождают в человеке иллюзии. Если состояния переживаются и кажутся ценными, вместо того чтобы вести к стадии прорыва к высшему восприятию, то ученик просто движется по накатанной колее.

Нахождение на той или иной «стоянке» считается чем-то вроде необходимого рабства, одним из средств, предназначенных для воспитания *командующего «я»*, и спустя какое-то время человек больше не нуждается в «стоянках». «Состояния» также указывают на загрязненность в человеке, который должен испытать знание вместо опьянения или ослепления (и от него ожидается, что он придет к этому). Отрывок из книги Худжвири — первой книги по суфизму на персидском языке — гласит следующее:

«Все учителя этого пути соглашались с тем, что, когда человек сбрасывает с себя путы стоянок и уходит от грязи состояний, когда он высвобождается из темницы изменений и тлена (зависимости от времени и пространства) и обретает положительные качества, он отделяется от всех качеств. Иначе говоря, он больше не удерживается в плену любых своих похвальных качеств; они становятся ему безразличны и не способны вызвать в нем тщеславие. Его состояние скрыто от восприятия разумом, и время его свободно от

³⁰ Худжвири приводит эту цитату в книге: «Откровения о скрытом за завесой».

влияния мыслей»³¹.

Суфийский руководитель по поведению ученика узнает, в каком состоянии находится вторичное, командующее «я» последнего в любой данный момент времени.

В странах, где суфийские занятия весьма престижны, подлинным суфиям приходится противостоять давлению тех, кто хочет быть принятым в ученики, потому что только школы, являющиеся зрелищной пародией на суфизм, вербуют в свои ряды почти любого желающего.

РАССКАЗ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЯХ

Вот анекдот о таком претенденте в ученики. Переполненный книжной информацией и тем, что слышал от членов экстатических «орденов», он пришел рассказать о своих переживаниях настоящему суфию.

«Мастер, — воскликнул он, — я испытал потрясающие духовные переживания, которые доказывают, что мне суждено стать просветленным суфием, поэтому ты должен взять меня в ученики, — по сути, у меня уже есть собственные последователи!»

Суфий улыбнулся и сказал: «Брат, забудь о "потрясающих переживаниях". Истинные кандидаты на самореализацию — это те, кто ничего не чувствовали или уже перестали чувствовать. И все же, что потрясающего ты находишь в своих переживаниях?»

«Потрясающим в них было то, — сказал непоколебимый претендент в ученики, — что в этих своих переживаниях я вообще ничего не чувствовал...»

Здесь мы видим неизменное *командующее «я»* в действии. Но в жизни такое поведение обычно проявляется безмолвно, оно прячется внутри человека, и нам нечасто предоставляется возможность увидеть его вылезавшим наружу столь живописно, как в нашей истории.

Давайте взглянем на это частично обусловленное, частично неконтролируемое «я» в его различных стадиях.

СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО «Я.»

«Я», называемое *нафс*, проходит в процессе суфийского развития через определенные стадии, существуя поначалу как смесь физических реакций, обусловленного поведения и различных субъективных стремлений.

Семь стадий человеческого «я» заключают в себе весь процесс трансформации, завершающийся стадией совершенства и ясности. Некоторые называют этот процесс «очищением эго».

Эти стадии таковы:

Командующее «я»;

Осуждающее «я»;

Вдохновенное «я»;

Умиротворенное «я»;

Удовлетворенное «я»;

Удовлетворяющее «я»;

Очищенное и заверенное «я».

Каждое из вышеприведенных определений выражает одну из основных характеристик

³¹ Худжвири. «Откровения о скрытом за завесой».

«я» в его восхождении. Поэтому, по мнению суфиев, во всех культурах большинство людей знакомы только с первой стадией «я», определяемой в морально-этических системах многих культур как состояние, в котором человек заботится только о собственных интересах. Человек, живущий ценностями обычной религии и морально-этических учений, находится, как считают суфии, на стадии борьбы со своим *командующим «я»*, — *осуждающее «я»* действует в нем, укоряя себя за свои недостатки. Опираясь на такую схему, некоторые наблюдатели определяют суфийское развитие как процесс, пять ступеней которого выходят за пределы доступного обычному «моральному» человеку.

Нельзя отрицать, что в глазах суфиев стадии, например, человеческого служения и заботы о других людях выглядят не очень-то большим достижением, хотя системы, ставящие мораль во главу угла, превозносят эту деятельность до небес и считают ее почти недостижимым идеалом. Когда в XIII веке Саади сказал:

All Adam's sons are limbs of one another,
Each of the self-same substance as his brother,
So, while *one* member suffers ache and grief,
The other members cannon win relief.
Thou, who are heedless of thy brother's pain,
It is not right at all to name thee man³²
(*Гулистан*, английский перевод Брауна)

— он имел в виду, что суфии, хотя и признают жизненную важность служения, оставляют открытой дверь, ведущую к достижению многих других стадий, выполняющих для человечества более высокие функции. Суфии придерживаются взгляда, что считать благополучие людей, при всем его значении, самым высоким из возможных достижений — значит ограничиваться фактически пессимистической и неприемлемо узкой позицией. Опять-таки стремление к благополучию человечества является минимальным, но не максимальным человеческим долгом.

Командующее «я» — основа индивидуума, контролируемого сознанием, слепленным из надежды и страха, воспитания и воображения, эмоциональных и других факторов, которые вместе составляют человеческую личность в ее, что называется, нормальном состоянии. В подобном состоянии пребывает большинство людей, не прошедших через процесс очищения.

Осуждающее «я» — это состояние «я», способного наблюдать за своим поведением и воспринимать второстепенную природу многих вещей, прежде казавшихся основными, понимать относительность понятий, которые обычно предполагаются абсолютными, и так далее. Данное «я» удерживает мужчину или женщину от недостойных поступков, и в то же время является областью, через которую законная критика, исходящая от других людей или от окружения, попадает по назначению. На этой стадии все еще действует обычное сознание. Большинство людей останавливаются на ней и ходят по кругу.

Когда *обездоленное*, или *командующее «я»*, и *упрекающее*, или *осуждающее «я»*, выполнили свою работу, орган восприятия и действия становится достаточно чувствительным для получения впечатлений, от которых он прежде был заблокирован.

Следующая стадия поэтому называется *вдохновенным «я»*. На этой стадии человеку предстают первые, хотя и несовершенные, свидетельства существования и надежного

³² Все дети Адама, как члены единого тела, друг с другом соединены; Каждый человек принадлежит к той же субстанции, что и его братья; И когда *одна* часть тела испытывает недомогания и боль, Другие части не могут наслаждаться покоем. О ты, безразличный к боли своего брата, Не подобает называться тебе человеком.

действия Высшего элемента, Высшей силы, власти или Коммуникационной системы.

Хотя слово «нафс», которое мы переводим как «я», часто переводили как «душа», значение этого слова на самом деле иное — то, что можно назвать реальной личностью индивидуума. Душа же обозначается другим словом — «рух», дух.

Так называемое низшее «я» (нафс) при прохождении через вышеописанные стадии, как говорят, «умирает» и трансформируется. А поскольку считается, что «я» исчезает также и при наступлении физической смерти, то этот процесс обозначается как «умереть до своей смерти». Цикл умирания и возрождения человек, таким образом, проходит в течение своей земной жизни, в отличие от индуистской модели, где рождение и смерть понимаются буквально, как повторяющийся цикл перевоплощений, когда душа снова и снова рождается и умирает.

Попытки побудить свое «я» действовать в неправильной последовательности, то есть открыться для высших восприятий до того, как будет достигнута третья стадия, или попытка вызывать или использовать высшие мистические переживания до достижения пятой стадии неизменно приводят человека к смятению, а иногда и к чему-то похуже; это нашло свое отражение в современной литературе, созданной экспериментаторами, избравшими собственную последовательность в духовном развитии, что в результате приводит к совершенно неуправляемым процессам.

Вследствие подобных опытов люди могут сойти с ума или оказаться на грани безумия. Многие из них воображают себя духовными учителями, а некоторые и другим внушают, что те — тоже учителя.

Внутренние психологические проблемы людей, пытающихся форсировать изменения в своей психической жизни, представляют интерес для клинической или экспериментальной психологии. Есть и те, кто не дошел даже до этого уровня и не достиг хотя бы такой стадии, на которой смог бы осознать, что поверхностный интерес к метафизике заслоняет собой нечто более глубокое; подобные личности пробуют различные упражнения, выполняя их механически или нерегулярно. Неудивительно, что они пытаются переполнить себя эмоциями.

Во всех других отношениях они могут быть весьма приятными людьми, но из-за того, что им свойственно всему давать рациональные объяснения, их удел — иллюзии.

НЕВИДИМЫЙ УЧИТЕЛЬ

Мне вспоминается один из таких людей, который именно по этой причине приписывал свою предполагаемую мистическую карьеру действию «судьбы».

Я жил неподалеку от его дома, и до меня стали доходить слухи, что через него приходят послания от некоего «невидимого учителя».

Однажды вечером мой сосед признался мне, что никакого учителя на самом деле не было.

«И как же ты мог опуститься до такого обмана? — спросил я его. — Ведь многие люди верят тебе. Ты, должно быть, совсем беспринципный человек».

«Это не обман, — сказал он, — это Судьба. Я был избран странным и таинственным образом, и вот как это случилось...»

Он рассказал мне, что однажды написал письмо человеку, которого он называл «Святым дервишем» (видимо, в отличие от несвятого дервиша), пригласив мудреца приехать в его город и провести беседу с группой людей. Он уже проинформировал всех, кого мог, о скором прибытии великого человека и даже объявил день его появления. Но к предполагаемой дате дервиш не приехал и не прислал о себе никаких известий. Люди уже собрались, и мой друг сидел на возвышении лицом к аудитории, в молчаливом ожидании. Прошло какое-то время, как вдруг один из горожан встал и сказал: «Я понял, что ты имеешь в виду. Святой дервиш не пришел потому, что он невидим, а *ты* — его

представитель. Мы принимаем тебя!»

«Если это не сама судьба по своему таинственному соизволению избрала меня учителем, то что же? Сам я никогда не *планировал* подобного», — подытожил он свой рассказ.

В системе суфийского воспитания есть правила, и от учеников ожидается, что они будут им следовать в некоторых аспектах развития, относящихся к сфере их собственной компетенции. Один из комплексов таких правил, а его упоминают чаще всего, исходит от древних учений «Мастеров Узора», к которым относят и мои истоки. Я нахожу, что этот комплекс непосредственно связан с ментальным состоянием современных людей как на Востоке, так и на Западе. Возможно, именно поэтому система, которую я собираюсь здесь описать, называется «Вечные необходимости».

ОДИННАДЦАТЬ ПРАВИЛ НАКШБАНДИЙА

(Мастеров Узора)

Одиннадцать мнемонических фраз имеют отношение к формату, в котором проходит процесс суфийского развития в школе, часто называемой источником первоначальной обучающей системы суфиев. Хотя Накшбандийа и представлена цепочкой последовательно сменявших друг друга учителей, члены школы считают, что не все ее мастера были известными фигурами своего времени, но в то же время все находятся во внутреннем, можно сказать, телепатическом контакте друг с другом.

Накшбандийю связывают с такими функциями, как возрождение и периодическое обновление учения; накшбанды признаются компетентными интерпретировать все формы суфизма, способны посвящать людей во все ордена, носят обычные одежды и принимают участие в повседневной мирской деятельности, через которую осуществляют часть своей работы и вводят методики, зачастую повторяемые другими людьми в виде внешних культовых процедур. В психологическом аспекте Одиннадцать³³ Правил могут быть рассмотрены следующим образом:

1. *Осознанность дыхания*. Это правило связано с воспоминанием и упражнением по достижению тонких восприятий.

2. *Сосредоточенность на шагах*. Осознанность своих действий; внимание ко всему, что делаешь; концентрация.

3. *Странствия по своей собственной земле*. Развивая наблюдательность, связанную с трансформацией «я», ученик самостоятельно исследует свой ум.

4. *Одиночество в компании*. Способность вывести свое сознание из человеческого окружения так же, как снова прикрепить его к окружающим.

5. *Вспоминание*. Представлять себе «разрыв» контакта между человечеством и Запредельным. Позиция ментального стремления к Запредельному способствует восстановлению контакта; преданность цели.

6. *Обуздание*. Буквально: «тянуть назад», технический термин для определенного вида молитвы.

7. *Бодрствование*. Исключение того, что отвлекает, и состояние готовности к тонким восприятиям.

8. *Воссоединение*. Известно также под термином «запечатлевание». Это означает начать осознавать Абсолютную Истину в некотором смысле как присутствующую.

9. *Замораживание времени*. Возвращение к мыслям и действиям и другие паузы

³³ Форма подачи этих Правил всегда варьируется в соответствии с состоянием «я» ученика и с учетом характерных особенностей культуры, в которой проецируется Учение.

времени.

10. *Замораживание чисел.* Осознание количества повторений определенной формулы; определенные способы счета.

11. *Замораживание сердца.* Визуализация сердца; особые упражнения по отождествлению себя с Высшей Реальностью.

Способ выполнения этих упражнений в каждом конкретном случае определяется учителем. Учитель предписывает, что надо изменить в наступившей в результате этой практики осознанности. Методы подлежат тщательной корректировке и не должны применяться механистически.

Специальные движения и визуализации в комбинации с другими факторами применяются в различных суфийских программах для развития более тонких уровней сознания.

К счастью, большинство людей, по собственной инициативе вовлекающихся в имитацию этих учебных процедур, остаются на стадии, на которой они не могут принести большого вреда ни себе, ни другим. Фактически гораздо лучше, если человек играет в мистика, чем становится одержимым или попадает в руки шарлатанов.

* * *

БОРОДА. МАНТИЯ И ЧЕТКИ

Думая о древних рецептах, я не могу не вспомнить историю о человеке с длинными слипшимися волосами, густой бородой, с четками на шее, всегда носившем мантию с капюшоном. Человек этот с жаром убеждал всех, что он «суфий».

Некто, *на самом деле* являвшийся суфием, спросил его, почему он так себя ведет. Человек ответил: «Я следую инструкциям и информации, заключенным в этом древнем пособии для учеников».

«Но ведь это неприменимо сегодня! — сказал настоящий суфий. — Книга была написана несколько столетий назад...»

«Возможно, так оно и есть, — сказал новоиспеченный "суфий", — но что касается меня, то я обнаружил ее только месяц назад!»

* * *

Вышеприведенная схема показывает, что для суфийского подхода характерна систематическая забота о том, чтобы ученик проходил в своем развитии последовательные стадии, во избежание неправильных результатов. Во многих предположительно магических и мистических процедурах, содержащихся в книгах, которые приписываются другим учениям, суфии (и не только они) узнают техники, основанные на неполном понимании тех же самых или подобных процессов. Таким образом, еще раз подтверждается суфийское положение, что подобными исследованиями, по существу, можно заниматься только одним методом, и метод этот, основные характеристики которого я привожу здесь, уже сам по себе исходит из интуитивного видения, развиваемого в результате преодоления обычных ограничений. Короче говоря, это и есть первоначальный формат того, что столетиями называлось "science of man" («наука о человеке») задолго до того, как появилось современное обозначение "the human sciences" («человеческие науки») ³⁴.

В виде недавнего примера такой оценки, сделанной на основе объективного рассмотрения суфийских идей и практик («объективного» в том смысле, что

³⁴ «The human sciences» — психология, социология, антропология. — *Примечание переводчика.*

исследователь не является ни оккультистом, ни ориенталистом, ни суфием), приведем отзыв известного современного поэта Теда Хьюза, который, обдумав наши публикации, написал следующее:

«Часто можно встретиться с упоминанием хранителей "Тайной доктрины", некоего мистического братства, которое, как говорят, содержит ключи ко всему, что на Западе, за пределами христианства, связано с оккультизмом: карты Таро, ...тайные общества, Розенкрейцеры, Масоны, Каббала. Теперь становится понятно, что все это фактически произошло от суфиев и представляет собой деформированные, уцелевшие осколки первоначальной доктрины... Таким образом, многие выброшенные за борт вечные вопросы бытия... внезапно возвращаются в органичное русло жизни...»³⁵

Заслуживают внимания два момента. Во-первых, ученые, и не только они, проследили, что большинство внешних формулировок, и наподобие тех, что упоминаются Хьюзом, и других, восходят к временным обучающим группам с Ближнего Востока, и исследования, посвященные этим темам, стали публиковаться уже достаточно давно. Суфии не претендуют на то, что все учения произошли от них, но они, как всегда, заявляют, что на стадии Высшего Сознания, достигаемого различными мистическими традициями, суфийский опыт и опыт аналогичных структур идентичны. При этом почти нет сомнений, что в большинстве случаев такого рода объединения существуют сегодня лишь в очень искаженных и гипертрофированных формах, представляя собой обычные культы. Во-вторых, замечание Хьюза о христианстве (где он выносит суфийские влияния за пределы христианства) не совсем корректно, так как суфийское понимание христианства так глубоко, что суфиев часто называют на Востоке «тайными христианами», а сами они почитают Иисуса Учителем Пути, соединившим в себе инструментальную и пророческую миссии. Как уже отмечалось, в средневековой Европе суфиев считали авторитетами в христианском вероучении. Но сами они убеждены в том, что догма и литургия — это основа, но отнюдь не окончательная стадия, и религиозный опыт как непосредственный контакт с духовным является целью религии, тогда как внешние атрибуты — лишь средства для ее достижения. Как видим, «грузовой» культ существовал на Западе до того, как его явно продемонстрировали папуасы...

Продолжая рассматривать суфийский теоретический и практический подходы к внутреннему знанию, мы можем указать на два весьма интересных для современной аудитории факта. Первый состоит в том, что набор определенных концепций создается для того, чтобы помочь человеческому разуму приблизиться к чему бы то ни было, но это предприятие в неумелых руках может легко кристаллизоваться в культ. Второй факт заключается в следующем: суфийский подход к развитию в человеке более глубокой сознательности постулирует в качестве предварительного условия и практического курса обязательное прохождение через серию последовательных переживаний, в основе которых лежат углубляющиеся и сменяющие друг друга уровни понимания. В противоположность этому в большинстве более известных систем существует только одна форма «высшей сознательности», тогда как у суфиев их по крайней мере пять.

ПЯТЬ ТОНКОСТЕЙ

Это подводит нас к концептуальной структуре Пяти Тонкостей. Человеческое существо, согласно суфийским представлениям, содержит в себе пять элементов, связанных с относительной реальностью, и пять элементов, касающихся Абсолютной Реальности. Первые пять, имеющие отношение к второстепенным вещам, называются миром, а другие пять, находящиеся вне ограничений или измерений, относятся к

³⁵ *Ted Hues. The Listener (London) October 29, 1964.*

проявлениям разных уровней сознания за пределами физического мира.

Утверждается, что существует пять центров духовного восприятия, соответствующих уровням этого опыта. Их рассматривают как центры, имеющие физическое местоположение в человеческом теле. Пять Тонкостей (*Латаиф-и-Хамза*) существуют, но не в буквальном смысле. Их местоположение указывается в теле лишь потому, что направленность внимания на специфические области нашего физического существа, по убеждению суфиев, ориентирует ум на высшее понимание и просветление.

Вторичное, или *командующее «я»*, которое большую часть времени контролирует человеческую личность и заслоняет от нас сверхфизическое восприятие, не относится к этим Тонким органам, но и оно имеет свое «место» в области пупка. Можно сказать, что концентрация на этой точке связана с попыткой трансформировать *командующее «я»*.

Но теперь мы говорим о пяти высших способностях. Они называются так:

УМ, на левой стороне груди, область которого расположена примерно там, где находится сердце. Называется КААБ, или Сердечный Центр;

ДУХ, на правой стороне (груди) прямо напротив сердца. Он известен как РУХ, иногда переводится как Центр Души;

СЕКРЕТ, первая стадия высшего сознания, расположен между первыми двумя центрами в солнечном сплетении. Первоначальное название этой тонкости СИРР, что переводится как «Внутреннее Сознание»;

ТАЙНОЕ, расположено между глазами, но чуть повыше их и называется КХАФИ, что имеет также сопутствующий смысл: Глубокая Тайна.

И, наконец, ГЛУБОКО СКРЫТОЕ, находящееся в мозге; «область» деятельности данного центра может перемещаться между мозгом и центром груди. Технический термин этой тонкости — АКХФА, что означает «Самое Скрытое».

Органом, стимулирующим Пять Центров, является трансформированное сознание — личность, первоначально являвшаяся *командующим «я»*, но прошедшая через процесс самоочищения.

Концентрация на определенных цветах способствует пробуждению этих центров: УМ соответствует желтому цвету; ДУХ — красному; СЕКРЕТ (сознание) — белому; ТАЙНОЕ — черному, а ГЛУБОКО СКРЫТОЕ — зеленому.

Никогда не забывайте о том, что я даю здесь всего лишь описание. Ученик же должен узнать все на собственном опыте. Просто запомнить материал, как делают многие, и воображать, что уже знаешь что-то, явно недостаточно. Экспериментировать с этими центрами опасно.

Вообще, воображать, что обладаешь знанием, только потому, что располагаешь описанием инструмента (познания) — свойственно людям всех культур. Подобный феномен хорошо известен на примере изучения западных наук восточными людьми, которые часто верят вам на слово, тогда как вы хотите, чтобы они сами установили для себя истину тех или иных утверждений.

ЧТО ЗНАЕТ УЧИТЕЛЬ

Иллюстрацией может служить история об одном студенте, который сказал своему коллеге:

«Я не думаю, что наш новый американский учитель по геометрии многое знает».

«Почему?» — спросил его друг.

«Видишь ли, недавно он сказал на уроке: "Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов", — а я подтвердил: "Да, это так". Но он сам не был уверен в своих словах, потому что тут же велел мне: "А теперь ТЫ это докажи!"»

Точно так же, как есть несколько видов сознания, которые, во избежание искажений и провалов, должны быть пробуждены и испытаны определенным тщательно изученным

способом, существуют четыре типа так называемых чудесных явлений. Опять же суфии, в отличие от других ныне сохранившихся школ, не стремятся к чудесам как таковым и не склонны наклеивать на них ярлык высокой значимости. Они используют чудеса в своей работе в соответствии с определенной шкалой ценностей.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ЧУДЕСА

К первому разряду подобных явлений относятся те, что выглядят как чудеса в результате обмана, трюкачества, ловкости рук, что технически именуется *истидраж*: «серия следующих друг за другом событий».

Ко второму разряду относятся удивительные дела, совершаемые людьми, которые сами точно не знают, как это у них получается, так как им в этом помогают определенные субстанции и влияния. Такие действия именуются *ма'аванат*, «вспомогательные средства». Они определяются как самая низкая разновидность феноменов, которые кажутся нарушающими законы природы. Концентрация на этих вещах останавливает высшее развитие человека — затрачиваемая энергия не может быть правильно сфокусирована, и в результате все мероприятие выливается в шарлатанство или остается слепым, действующим наугад оккультизмом.

Чудотворство (*карамат*), означающее «то, что щедро даруется», принадлежит к третьему разряду необычных явлений. Эти действия являются очевидной модификацией физических законов (фактически, здесь действуют неизвестные законы) и совершаются в ходе выполнения суфием своей роли, то есть когда он выступает как человек, наделенный особыми функциями. Способность к совершению чудес исчезает, если ею не пользуются функционально, что в данном случае означает — «только в созвучии с гармонией всего суфийского феномена».

Четвертый, последний разряд необычных явлений именуется *реальными* чудесами, и обозначаются они словом *му'аджизат*. Эти феноменальные действия представляют собой подлинные нарушения естественного порядка вещей и преднамеренно, перед свидетелями, совершаются пророками, выступающими в роли законодателей. Цель чудес — служить свидетельствами, как о том повествуется в Ветхом и Новом Заветах.

Три вида описанных явлений соответствуют степени важности и роли человеческого агента, через которого они проявляются. Ловкость рук, разумеется, используется фокусниками и шарлатанами. К достойным людям приходит помощь, но в таких случаях существует риск, что люди эти, будучи неразвитыми, припишут подобные проявления каким-то совершенно фантастичным и невероятным источникам. В погоне за чудесами человек сильно рискует впасть в самообман. Способность к чудотворению приходит к суфию, чтобы содействовать ему в работе. Но сам он, как правило, должен скрывать от других проявление подобных сил, и то же самое по традиции должны делать его непосредственные коллеги и ученики, если им становится об этом известно.

Чудеса же как таковые происходят лишь тогда, когда возникает необходимость продемонстрировать большому количеству людей или всевозможным человеческим индивидуумам авторитетность того или иного человека, чтобы принесенное им Послание, касающееся религиозной системы, было услышано. Такие чудеса никогда не были и сейчас не являются составной частью суфийской деятельности.

САД БЕЗ ЦВЕТОВ

Как я уже говорил, все эти схемы, как элементы действующей и цельной традиции, в одном только книжном изложении имеют небольшую ценность и еще меньшую — когда их пытаются использовать при отсутствии технического знания и вне контекста

необходимой ситуации. Тем не менее есть определенный смысл в письменном изложении и демонстрации некоторых фрагментов целостного узора. Это, разумеется, показывает, что другие системы представляют собой фрагментарные образования, произошедшие от тех же самых общих схем. Но, если рассматривать подобные схемы *без соответствующей деятельности*, о них можно сказать то же самое, что сказал один человек, когда ему показали сад:

«Ничего особенного, уберите цветы и весь этот дизайн, и что у вас останется?»

Суфийская школа (когда она реально существует) путешествует со своей собственной скоростью; ей присущ собственный характер, и его необходимо сохранять. Люди всегда желают получить больше, а заплатить меньше, всегда ищут в учебных материалах стимуляции и едва ли утруждают себя мыслью о той колоссальной работе, которая лежит в основе многих успешных человеческих (и всех духовных) свершений.

ДВИГАЙТЕСЬ БЫСТРЕЕ ...

Всякий раз, когда я вспоминаю, что суфийская деятельность для сохранения своей целостности должна оставаться последовательной, что ее нельзя расчленять или упрощать, если вы не хотите остаться с разрозненными частями целого, я мысленно возвращаюсь к одной истории. Из нее следует, что, как бы вам ни хотелось двигаться быстрее в изучении данного предмета, я ничем не могу вам помочь. Герой этой истории сидит в медленно едущем поезде, который останавливается на каждом полустанке. Когда поезд остановился в сотый раз, наш пассажир выскочил из вагона и подбежал к машинисту:

«Вы что, не можете двигаться быстрее?» — заорал он.

«Сэр, конечно, я могу двигаться быстрее, — ответил машинист, — но мне не разрешено покидать поезд!»

IV. УЧЕБНАЯ ИСТОРИЯ — 1

Тому, кто мало говорит, и полмозга достаточно.

Итальянская поговорка

Как мне кажется, начиная рассмотрение историй, лучше всего привести одну короткую правдивую историю, которая иллюстрирует, с какими ситуациями и трудностями приходится сталкиваться, когда мы имеем дело не только с рассказами как таковыми, но и с самим процессом словесной коммуникации и слухового восприятия.

Недавно я читал лекцию, посвященную тому, как трудно подчас людям воспринимать идеи, пусть даже в режиме линейной последовательности, в особенности если делать это быстро, и как человек может сделать историю или даже утверждение как бы своей собственностью, чтобы быть способным восстановить их в уме и рассмотреть с разных точек зрения. «Было замечено, — сказал я на лекции, — что люди пропускают очень многое из полученной информации, потому что большинство не в состоянии по-настоящему усвоить то, что слышали только один раз».

Тут же человек, сидевший в первом ряду, поднял руку и спросил: «Не могли бы вы еще раз повторить сказанное?» Позднее я специально навел о нем справки и узнал, что со слухом у него все в порядке и к разряду находчивых шутников он тоже не относится.

Таким образом, как мы убеждаемся на практике, многих людей, интересующихся историями, необходимо научить пользоваться временным интервалом — паузой между представлением материалов и их проникновением в мышление индивидуума и репертуар его действий. Другим людям подобное умение тоже может пригодиться, но, как мы обнаружили, лучше всего оно поддается отслеживанию и тестированию в атмосфере, где истории рассказывают и слушают. Холистический ум воспримет одно, а более буквально мыслящий ум — другое. Ни один из этих умов не сумеет сам по себе воспринять многих измерений истории до тех пор, пока не будет развита соответствующая способность. Следующая небольшая суфийская история используется в образовательных целях, чтобы аргумент о возможной необходимости для вышеописанной цели такого временного интервала мог, по крайней мере, быть зарегистрирован в уме читателя, и чтобы он не думал, будто цель истории — выставить в смешном свете ее персонажей.

ВРЕМЯ И ГРАНАТЫ

Один юноша пришел в дом к суфийскому врачу и попросил обучить его врачебному искусству.

«Ты нетерпелив, и потому тебе не удастся пронаблюдать определенные вещи, которым следует обучаться в нашем деле», — сказал суфий.

Но юноша стал умолять мудреца, и тот взял его в ученики.

Спустя несколько лет молодой человек почувствовал, что готов применить на практике кое-что из усвоенного. Однажды к дому суфия направлялся какой-то человек. Увидев его еще издали, суфий сказал: «К нам идет больной. Его можно исцелить гранатами».

«Вы поставили диагноз, — сказал ученик, — а я, если позволите, назначу ему курс лечения и таким образом сделаю вторую половину работы».

«Хорошо, — ответил суфий, — но только помни, что в любом действии нужно видеть также и демонстрацию некоего принципа».

Как только пациент подошел к дому, ученик встретил его, проводил внутрь и сразу объявил: «Ты болен. Тебе нужны гранаты».

«Гранаты?! — завопил больной. — Сам ты гранат!» И в гневе выбежал вон.

Молодой человек спросил учителя, что демонстрирует этот случай.

«Что демонстрирует этот случай, я продемонстрирую, когда представится подходящий случай», — ответил суфий.

Вскоре после этого ученик и учитель сидели перед домом, как вдруг мастер поднял голову и увидел приближавшегося к ним человека.

«Ну вот, сейчас ты получишь обещанную демонстрацию, — сказал суфий. — К нам идет человек, которого можно исцелить гранатами».

Встретив и усадив пришедшего, суфий заговорил: «Я вижу, у вас очень непростая и редкая болезнь... Ну-ка, давайте посмотрим... Так, теперь я вижу, вам нужна особая диета. Вам надо есть нечто круглое, с маленькими зернышками внутри, что-то такое, что произрастает естественным образом... Может быть, апельсин? Нет, пожалуй, цвет не тот. Лимон? Нет, не пойдет — слишком кислый... А! Нашел — гранат!»

Пациент горячо поблагодарил врача и ушел совершенно удовлетворенный.

«Мастер, но почему вы сразу не сказали, что ему необходимо есть гранаты?» — спросил ученик.

Суфий ответил: «Потому, что он нуждался во *времени* не меньше, чем в гранатах»³⁶.

Конечно, эта история обычно вызывает смех, но иногда, в особенности в культурах, в которых люди привыкли острить по каждому поводу, мы встречаемся с такой реакцией: «Этот пациент был полным идиотом, не так ли?»

СВЕДЕНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕТ

Сведение на нет воздействия истории или другого стимулирующего фактора является, разумеется, хорошо известным механизмом, посредством которого человек избегает усвоения сути рассказа, и поведение такого рода часто наблюдается у людей, испытывающих потребность защититься от внешних влияний, что проявляется в самых разных формах.

Для исправления этой тенденции используются другие истории и сказки, которые делают людей способными посмеяться над собой или признать, что нет никакого *греха* в том, что ты подвержен тем же недостаткам, что и многие другие.

Редко мне приходилось видеть такие драматические реакции людей на что-либо, как те, что вызвал опубликованный мной в 1969 году древний рассказ о драматических реакциях. Текст, состоявший приблизительно из 1500 слов, был расположен чрезвычайно свободно, со множеством больших пробелов в наборе, и занимал девять страниц толстого тома. В этом тексте я пересказал старую легенду о человеке, владевшем толстенной книгой, в которой всего в нескольких строках говорилось о том, что люди судят по внешности и путают вместительность с содержимым; и еще в рассказе сообщалось, как возмутились читатели, узнав, что в столь громадной книге содержится так мало слов. Пересказ этой короткой истории я издал в виде солидного тома, состоявшего из 300 страниц; все страницы, кроме первых девяти, были совершенно пусты. Внешний вид, размеры и вес тома, озаглавленного мной «Книга книги»³⁷, как и предполагалось, создавали впечатление, что весь он, от корки до корки, заполнен словами. К тому же его переплет украшало золотое тиснение.

Скандал разразился незамедлительно. Обозреватели, увидев, что книга содержит только девять страниц печатного текста, выразили свое разочарование и негодование. Никто из них поначалу не заметил, что само это произведение как раз и рассказывало о людях, которые были разгневаны и разочарованы оттого, что им дали толстый том, ничего

³⁶ *Idries Shah*. The Dermis Probe («Изучение кожного покрова»). London, Jonathan Cape, 1970, p. 72 f.

³⁷ *Idries Shah*. The Book of the Book («Книга книги»). London, 1969, 70, 73, 76.

не содержащий, кроме немногих слов предупреждения о существовании содержащего и содержимого. Однако прошло время, и уже другие обозреватели, один за другим, поняли, в чем здесь смысл, и стали писать об этом издании *хорошие* отзывы. Книга была переиздана четыре раза, но только после того, как один эксперт Британского музея в Лондоне безапелляционно заявил, что «ее и вовсе нельзя назвать книгой», и тогда нам пришлось отыскать другую книгу, в которой указано, что наше издание отвечает критериям книги, установленным ЮНЕСКО... С тех пор то тут, то там я читаю отзывы на «Книгу книги», в которых говорится, что это произведение «произвело сенсацию» и является чем-то «экспериментальным и новым», о чем писала даже лондонская *Times*.

Путать содержащее и содержимое, разумеется, свойственно большинству людей, и эта распространенная тенденция побуждает их поклоняться внешнему и прививает им магическое мышление типа ожидания «волшебной палочки-выручалочки», но по какой-то причине подобное явление называется «грузовым» культом только в отношении отсталых туземцев... Довод в пользу того, что существуют две модели — внутренняя и внешняя формы, — а также иллюстрация данного факта, дают учащемуся возможность с помощью подобных историй вызвать в памяти и как бы проиграть в уме историю-образец, после чего, изучив свое собственное поведение, увидеть, не развивается ли в нем самом склонность к поверхностному или магическому мышлению, а также — не страдает ли он недостатком внимания.

ОБУЧЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ АНАЛОГИЙ

Суфийское учение об аналогиях содержит в себе весьма интересный аспект, который по мере узнавания человек начинает наблюдать почти повсюду в своей жизни. Это резюмируется в утверждении, что «все, имеющее ментальную форму, имеет также и физическую форму, а кроме того, форму, выражающуюся в социальных явлениях». Если содержащим является сам человек как таковой, то содержимым можно назвать природу и качество его внутреннего существа, рассматриваете ли вы его в психологическом, образовательном или духовном аспекте. Иногда вы видите явное несоответствие содержащего и содержимого — выставленное в реальной жизни напоказ в виде какого-то морального урока или даже социальной драмы. Именно это и сообщает обучающим историям их реальность, придает соответствующим рассказам (сообщениям о контактах между учителем и учениками) жизненность.

Приведу пример, показывающий, как невнимательность к различению содержащего и содержимого, во внутреннем смысле этих понятий, обретает конкретную форму в событиях реальной жизни:

Лондонская *Times* сообщает, что некая госструктура местного значения в одной из английских провинций получила посылку, за которую в качестве получателя должна была уплатить внушительный почтовый сбор, так как на посылке не было необходимых марок. Присланное было настолько плохо упаковано, что почти развалилось в дороге.

И что, вы думаете, было внутри этого интересного пакета, этого «содержащего», имевшего такой небрежный вид? Не что иное, как 200 листовок «Попечительского Совета потребителей почтовых услуг». Листовки были озаглавлены так: «Есть ли у вас жалобы на почтовую службу?»

А вот другой пример, выбранный почти наугад и заставляющий еще глубже задуматься о содержащем и содержимом.

ПИТАТЕЛЬНОСТЬ СОДЕРЖАЩЕЙ ФОРМЫ

Четыре года назад исследованию подверглось качество различных круп и их упаковок.

Крыс (в лабораторных условиях) посадили на диету, которая состояла как из содержимого картонных коробок (крупы), так и из содержащего — самих коробок. Результаты показали, и я здесь буквально цитирую, что «картонные коробки часто оказываются более питательными, чем содержащиеся в них крупы»³⁸.

Я бы сказал, что эти два случая предупреждают человека не строить предположений как относительно того, что он вкладывает в ситуацию, в свое воображаемое изучение суфизма, так и в отношении того, что там на самом деле содержится, не говоря уже о том, куда он помещает это содержимое.

Когда люди фактически привязываются к внешности, то с помощью историй, а часто и шуток, можно им помочь обрести более конструктивный взгляд на вещи. Для суфийских кружков нет ничего необычного в том, что учитель не дает своим ученикам привязываться к нему, а направляет их внимание на весь феномен суфийской деятельности в целом. Историю, наподобие той, что приводится ниже, можно использовать как своего рода шок, чтобы помочь вниманию человека *отцепиться* от поверхностных или неуместных моментов и обратиться к чему-то более фундаментальному, пусть даже и менее очевидному:

«ГЛУБОЧАЙШИЕ» ЧУВСТВА

Итак, это западная история, но для наших целей она вполне подходит.

Один человек отправился в далекие края в поисках просветления. Наконец после долгого путешествия он подошел к обители мудреца, прославленного знатока тайн.

И в тот самый момент, когда он оказался в присутствии великого человека, какое-то странное волнение охватило его. Он упал на землю, чувствуя, что она сейчас разверзнется и поглотит его.

«Наконец-то, наконец-то, — вскричал он взволнованно, — ты разбудил во мне мое глубочайшее существо, о Мастер духовных переживаний!..»

«Мне кажется, я не совсем тебя понимаю, — сказал почтенный учитель, — как мог ты вообразить, что получил что-то духовное от того, что было всего лишь землетрясением? В этих краях они очень часто случаются...»

Необходимо помнить, что суфийская обучающая техника имеет своей целью разрушение или содействие в разрушении поверхностных стереотипов поведения, стоящих на пути к глубокому пониманию. Объясняется это тем, что концепция исключения ограничивающих факторов столь же важна для суфиев, как и включение других концепций, наряду с применением особых технических приемов, стимулирующих восприятие; более того, первое должно предшествовать последнему.

Так как большинство людей склонны принимать внешние обычаи почитаемых или вызывающих восхищение индивидуумов и институтов, многие суфийские рассказы обеспечивают обучающихся юмористическими или полуюмористическими структурами — они могут быть воскрешены в памяти, чтобы ослабить влияние всевозможных наслоений, развивающихся в человеке. Многие суфийские и другие духовные школы, известные людям и здесь, и в других местах, именно из-за таких наслоений лишили себя обучающего потенциала в своем *видимом*, а для суфия и в *действенном* аспекте.

Вот рассказ, иллюстрирующий этот момент, хотя, как и многие суфийские истории, он содержит в себе и иные измерения, проясняющиеся только для подготовленного человеческого сознания.

³⁸ The Observer, (magazine section) London, 31 march, 1974, p. 41, col. 1.

УКРАДЕННЫЙ СОВЕТ

Один человек пришел к суфию и попросился в ученики, но был отвергнут как неподходящий для пути. Тогда он решил научиться тому, что сможет постичь посредством прямых методов. Разве может быть что-то плохое в занятиях суфийской практикой?

Узнав, что этим вечером в школу будет принят некий человек, неудачливый кандидат взобрался на крышу дома, где проходили суфийские встречи, и стал подслушивать, что говорит учитель своему новому ученику.

«Не ходи по левой стороне улицы, не избегай счастливого человека, не пытайся обойти других», — инструктировал суфий новичка.

Инструкции показались шпиону достаточно простыми, и он, конечно же, сразу решил воспользоваться ими в собственной жизни.

И вот однажды, когда он возвращался домой по правой стороне улицы, вазон с цветком упал с балкона прямо ему на голову и сильно поранил его. Подружившись с одним процветавшим торговцем, он был обманут им, а когда стал устраиваться на работу (так как был совершенно разорен тем торговцем), неизменно обнаруживал, что другие кандидаты всегда его опережают и, не пытаясь обойти их, ему не добиться даже собеседования.

И что же, спрашивается, *понял* ли он, что подслушанные им инструкции были индивидуальными, предназначенными *только* для того человека, с которым разговаривал суфий? Разумеется, нет. Он пришел к выводу, что суфий — мошенник или даже посланник дьявола. И конечно же, именно потому, что он не был готов для спланированных, выверенных инструкций, суфий с самого начала и не принял его в ученики.

Структура подобных историй выставляет напоказ некоторые основные особенности человеческого поведения и, кроме того, имеет две дополнительные функции. Первая состоит в том, чтобы указать человеку на барьеры в изучении; вторая — в том, чтобы обеспечить обучающегося средствами, с помощью которых он сможет, до некоторой степени самостоятельно, скорректировать свое поведение посредством обратной связи с событиями. Эти истории используются вместо общинной дисциплины, так как суфии не объединяются в монашеские или другие «ордена», в которых людей подвергают обуславливанию. Причина, конечно, в том, что, по мнению суфиев, механистичные системы воспитания могут стать чем-то вроде смирительной рубашки и им свойственно прививать людям автоматизм в поведении и обусловленное реагирование, лишаящие человека свободы выбора в мыслях и действиях, тогда как выбирать можно, только когда знаешь свои альтернативы и если так называемый «выбор» не определяется собственной обусловленностью. Известные из истории суфийские «ордена» представляют собой сравнительно недавние разработки поверхностных аспектов обучающих школ.

Хотя многие из так называемых «орденов» носят имена своих предполагаемых основателей — классических мастеров, сами ордена возникли гораздо позже, чем жили эти мастера. Исторические исследования подтверждают правоту современных подлинных суфийских учений, согласно которым, у великих суфиев прошлого не было оснований создавать подобные ограничительные институты, и на самом деле нет никаких доказательств, что они их создавали. Если бы это было иначе, почти все, чему учили древние мудрецы, оказалось бы полной бессмыслицей.

Подобно многим другим инструментам, суфийские истории могут быть использованы *неправильно*: из них невозможно извлечь какую-либо пользу, когда, как это нередко случается, ни учитель (который, не будучи сам сформирован этой литературой, просто пытается применить материалы, взятые, скажем, из книг), ни его ученик не действуют в подлинном суфийском формате. Если, конечно, вы не считаете полезными пропаганду или эмоциональные стимулы — а их вы можете получить где угодно.

СИМПТОМЫ

Следующий отрывок показывает один из аспектов ситуации, которая возникает в данном случае.

Некто задал вопрос мудрому человеку: «Я слышал, что человечество страдает от недуга, препятствующего мужчинам и женщинам видеть истину и знать самих себя. Каковы основные симптомы этой болезни?»

Мудрец сказал: «Первый симптом проявляется в том, что человек *не* верит, будто вообще болен. Когда же недуг *по-настоящему* охватывает его, он может *согласиться*, что болен чем угодно, но только не этой болезнью».

Повсюду в современном мире это нарушенное восприятие с совершенной очевидностью проявляется в героических, но плохо продуманных попытках людей овладеть эзотерическим знанием, означающим в действительности единое (целостное) знание.

Учение суфиев осуществляется в формате системы, которая значительно чаще действует косвенно, нежели прямо. Она не всегда воспринимается в момент ее действия, хотя внешние аспекты могут быть иногда замечены. Учитель XIII века Джалаледдин Руми, желая указать на то, что истории обладают этим косвенным оперативным качеством, часто наблюдаемым в действии, обращается к сказке. Вот его рассказ, объясняющий, как действуют истории:

У одного купца в неволе томился попугай. Однажды этот купец собрался по торговым делам посетить Индию и сказал своему любимцу:

«Я отправляюсь на твою родину. Если хочешь, могу передать от тебя весточку твоим родственникам».

«Просто скажи им, что я живу у тебя в клетке», — сказал попугай.

По возвращении из путешествия хозяин сказал попугаю:

«Мне очень жаль, но должен тебя огорчить: когда я нашел в джунглях твоих родственников и сказал им, что ты живешь в клетке, это известие совершенно потрясло одного из них. Услыхав об этом, он тут же замертво свалился с ветки, несомненно, сраженный горем».

Не успел купец закончить фразу, как попугай рухнул на пол клетки и застыл, не подавая признаков жизни.

Опечаленный купец вытащил птицу из клетки, вынес в сад и бережно положил на землю. А попугай, постигший смысл послания своих сородичей, вспорхнул в воздух и был таков.

Мы, однако, не должны думать, что весь смысл этой сказки исчерпывается вышесказанным или что она будет близка любому человеку. Да и сам Руми говорил, что фальшивое золото существует только потому, что есть *настоящее* золото, которое и пытаются подделать. А вот подлинная история о событиях, не так давно произошедших в Англии; этот случай еще раз подтверждает наш опыт, согласно которому суфийские истории (и, в частности, описываемые в них ситуации) кажутся на поверхности столь тривиальными, что многие люди их полностью отвергают.

Один ювелир в Бикенхеде, что находится в английской провинции Чешир, решил привлечь покупателей в свой магазин³⁹. Он раздал три тысячи камешков прохожим на улице. Они выглядели как настоящие бриллианты, но все, кроме четырех, были простыми стекляшками. В листовке, врученной вместе с рекламным подарком, объяснялось, что среди обычных стекляшек есть некоторое количество настоящих драгоценностей.

³⁹ Daily Mail. Giveaway Diamonds («Раздача бриллиантов») — by Tom Hendry, 20 July 72, p. 3., col. 5.

Каждого, кто получил камень, приглашали обратиться в ювелирный магазин, чтобы узнать, не стал ли он счастливым обладателем бриллианта. Из трех тысяч человек, у которых оказались камешки, только одна женщина зашла в магазин проверить свой подарок, и правильно сделала — ее камешек был настоящим бриллиантом. Остальные люди, по-видимому, решили, что *все* камни фальшивые. Они выбросили настоящие бриллианты вместе с подделками.

Итак, если подобное может случиться с такими материальными объектами, как камни, и если люди настолько игнорируют предложенные возможности, что только одна женщина из трех тысяч понадеялась на удачу, то что же говорить о нашей сфере — аналогия напрашивается сама собой.

В данной иллюстрации фигурирует минусовой (негативный) фактор, связанный с тем, что люди, называя нас обманщиками, спекулирующими на старых пустяковых историях, отказываются от каких-либо дальнейших поисков. Однако в этом есть и свой плюс, и заключается он в том, что нам никто особенно не мешает мирно заниматься своим делом, поскольку достаточно большое количество людей считает нас безобидными торгашами небылицами...

Как Коран в VII веке, так и произведения Руми в XIII веке (и многие другие книги) вызвали оппозицию умников и так называемых «мудрецов», которые, исходя из аналогичных соображений, утверждали, что эти произведения наполнены «старыми баснями» и в них ни для кого нет пользы. Так что в этом смысле мы находимся в уважаемой компании.

Но даже басни, несущие в себе менее глубокое и менее объективное послание, чем истории косвенного воздействия, могут быть использованы и широко используются для подготовки детей к будущим реалиям взрослой жизни на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, где и я получил свое первое культурное образование.

Вам, однако, нет необходимости быть детьми, чтобы принять или отвергнуть историю в качестве носителя психологического эффекта или знания...

Когда однажды в передаче на Би-Би-Си кто-то спросил меня, почему я пользуюсь рассказами других людей, а не сочиняю собственные, я ответил, что никто пока не просил меня об этом.

Ведущий, разумеется, тут же попросил меня рассказать что-нибудь собственного сочинения, что я и сделал. Мой друг, слушавший передачу по радио в своем офисе, спросил секретаршу, что она думает о моем рассказе. Она ответила: «Неудивительно, что никто его не просил, потому что его рассказы ужасны...»

Но основная причина использования традиционных рассказов, конечно же, состоит в том, что нет смысла создавать собственный инструмент, если уже имеется целый набор таких инструментов, великолепно сработанных, абсолютно эффективных, созданных искусными мастерами.

С точки зрения суфийского понимания человеческого мышления, от секретарши, голова которой занята другими приоритетами, вряд ли можно было ожидать восторгов по поводу истории. Не очень-то легко, например, иметь дело с издателями, когда пытаешься опубликовать коллекцию суфийских историй: стоит им увидеть манускрипт, как они тут же выносят суждение, что подобная литература весьма «разнится по качеству», как они это называют. Судить об историях по тому, насколько они остры, юмористичны, интересны и говорят ли они тебе что-то в данный момент времени, — значит использовать их не по назначению. Инструмент может доказать свою полезность только в соответствующих обстоятельствах.

ПОГОНЩИК ВЕРБЛЮДОВ И КУСОК ПЛАСТМАССЫ

Вот история об инструментальности, которая произошла в реальной жизни. Однажды я

показал кусок прозрачной пластмассы погонщику верблюдов. Он рассмотрел его и сказал: «Интересная штука, но у нее нет применения».

Я спросил, почему он так думает.

И он ответил: «Эта вещь недостаточно прозрачна, чтобы через нее можно было что-то увидеть. Она наверняка слишком дорогая, но не годится в качестве украшения, и ее нельзя использовать даже как солнцезащитное окно в палатке, потому что она не отражает солнечных лучей».

Одно из великих преимуществ суфийских историй и описаний тех или иных ситуаций — хотя многим людям они покажутся слишком скучными — состоит, по-моему, в следующем: эти материалы помогают раскрыть для человеческого ума тот факт, что всему есть свое время. Данный принцип, разумеется, подтверждается нашим повседневным опытом (ведь не может же человек сесть в поезд, если нет поезда или если отсутствуют другие необходимые предпосылки), и тем не менее люди имеют тенденцию воображать, что подобные аргументы выдвигаются только для того, чтобы *помешать* человеку действовать или даже остановить его решимость к действию. Но, согласно суфийскому опыту, люди, способные сохранять душевное спокойствие, осознают, что всему есть свое время и место — равно как и другие условия, — и такие люди способны получить не *меньше*, а *больше* пользы от того, что их интересует.

Следующая история почти всегда понимается людьми в том смысле, что есть вещи, которые человеку не под силу, хотя вовсе необязательно понимать ее именно так.

РЫБА, ВЫШЕДШАЯ ИЗ ВОДЫ

Некий претендент в ученики упрашивал суфийского мастера обучить его упражнениям. Суфий сказал ему на это: «Лучше я расскажу тебе *историю* — тогда упражнения тебе *не понадобятся*». И вот что он рассказал: «Одна рыба желала во что бы то ни стало покинуть свою водную стихию и жить на суше. Она стала умолять человека научить ее дышать воздухом, и человек внял ее мольбам. Итак, рыба стала тренироваться под его руководством, вначале вылезая из воды лишь на какие-то секунды, затем на несколько минут, потом на несколько часов кряду, пока совсем не привыкла жить на воздухе. Она даже поселилась рядом с жилищем своего наставника, в его саду, облюбовав цветочную клумбу. Здесь ей зажилось вольготно: место было достаточно сырым и при этом находилось на открытом воздухе. Рыба испытывала чистый восторг от своего нового опыта и часто говорила человеку: «Вот это *жизнь!*» Но однажды начался сильный ливень, затопивший весь сад, и что же вы думаете... Наша рыба утонула!»

Эта история, конечно же, вызывает смех и звучит как ирония. Но высмеивается здесь только рыба, а кроме того, это всего лишь сказка, поэтому совсем не обязательно, чтобы человек, которому она рассказывается, находился в неизменном состоянии «рыбы»...

При соблюдении соответствующих условий полезность учебных историй может быть совершенно неисчерпаемой, но может быть и весьма ограниченной по двум причинам: первая, конечно же, состоит в том, что люди считают такую литературу тривиальной, имеющей только развлекательную или нравоучительную ценность, наподобие современных версий эзоповских басен. Даже когда в суфийских историях видят только иллюстрации забавных аспектов человеческой природы, подобное к ним отношение или мнение притупляет их воздействие. Так что нельзя быть вполне уверенным в том, что истории своевременно обнаружат свои возможности, до тех пор пока не обеспечен определенный контекст, в котором только и проявляется традиционное значение историй, а ментальный подход слушателей вновь обретает гибкость. Другая ограничивающая причина — когда люди бывают настолько ошеломлены своим благоговейным отношением к материалу и жадной удивительных тайн, что в результате начинают потреблять собственные переживания и благоговейные чувства, возбуждаются,

изумляются и приходят в восторг от самой истории как таковой.

Описанные два подхода к суфийским рассказам, как правило, связаны с желанием индивидуума точно определить для себя, в чем состоит феномен истории, и эта жажда в нем сильнее готовности узнать, что история является тонким и очень изощренным инструментом. Между прочим, описанные позиции выдают скрытые мотивы индивидуума: либо его стремление к упорядоченности, либо жажду возбуждения. И здесь напрашивается вопрос: можно ли это назвать стремлением к знанию или саморазвитию? Мы, как правило, не считаем разумным разрушать в ком-либо подобную «избирательную заикленность», как ее можно было бы назвать, потому что человек в результате уже не застрянет на своих ошибочных ожиданиях относительно историй, но по-прежнему будет желать, скажем, объяснений или эмоциональных стимулов.

Восстановление простейшего психического равновесия в человеке не является главной задачей суфия, который, помимо прочего, всегда принимает в расчет такую важную поговорку: «Прежде чем расправиться с котом, подумай, что делать с мышами».

Учебные истории *действительно* служат для корректировки различных психологических состояний, хотя главным образом используются вовсе не в терапевтических целях, — скорее, они иллюстрируют, что в действительности представляет собой человек. Терапевтический эффект, если он имеет место, возникает в качестве одного из элементов всецелой погруженности человека в традицию. Это понимается как гармонизация, а не как лечение. Надо сказать, что симптомы исчезают, когда недуг не отвлекает на себя внимания учащегося, поскольку оно направлено на другие цели. Однако стремление человека обеспечить свое внимание плодотворным объектом само по себе не убирает болезненные симптомы и не лечит заболевание. Болезнь исчезает, когда все существо человека достигает гармонического равновесия. Это не считается, однако, терапевтическим процессом, потому что целью здесь является отнюдь не лечение; применяемые процедуры не предназначены ни для целебного действия, ни для того, чтобы помочь человеку чувствовать себя лучше или даже успешнее функционировать на обычном психологическом уровне. Считается, что восстановление гармонии индивидуума имеет более высокие цели, тогда как исцеление болезни происходит как *побочный результат* исчезновения дисгармонии.

Когда в человеке начинает доминировать подлинный интерес, то это само по себе удивительным образом изгоняет из него психологические проблемы. Здесь работает, с точностью до наоборот, принцип, выраженный в пословице: «Когда дом загорается, зубная боль вылетает в форточку».

Если взглянуть на это с суфийской точки зрения, мы увидим нечто большее, чем теорию, ибо обучающая система, частью которой является использование учебных историй, представляет собой нечто одновременно первостепенное и тождественное тому самому элементу, который и формирует представителя суфизма как такового; Учение не является чем-то внешним по отношению к практике, скорее, наш вид изучения и есть участие в деятельности. Его нельзя назвать отстраненным, как, например, теорию садоводства, преподаваемую теми, кто никогда не прикасался к растению, или теорию государственного управления, которой обучают эксперты, никогда даже не приближавшиеся к сфере госструктур, не говоря уже о выполнении тех или иных государственных функций.

Побуждение изучать суфизм или даже просто ознакомиться с теми или иными процедурами суфийской системы, по мнению самих суфиев, даст результат лишь в той степени, в какой человек сможет по-настоящему войти в эту область, приняв ее как целое. Заочные студенты будут, разумеется, по-прежнему извлекать то, что смогут, из суфийского и всевозможных других учений. Разрозненные фрагменты, добываемые подобным методом, с таким же успехом можно получить и другими способами, в том числе и с помощью значительно более «уважаемой» научной методики, если, конечно, посвятить этому достаточно времени. Вот короткая история, подчеркивающая, что

человеку очень важно знать, к чему именно он стремится.

ЧТО ОН ПЫТАЛСЯ ДЕЛАТЬ

К суфию пришел человек и сказал:

«Мой сосед сделал мою жизнь совершенно невыносимой: он приходит ко мне в любое время дня и ночи, шатается по дому и постоянно задает вопросы».

«Решить эту проблему достаточно легко, — ответил суфий. Просто всякий раз, когда он заходит к тебе, проси у него денег, и тогда он начнет тебя избегать».

«А вдруг он разнесет по всему городу, что я — попрошайка?» — спросил человек.

«Ага, — сказал мудрец, — я вижу, что на самом деле тебе хочется контролировать мысли всего человечества, а вовсе не избавиться от надоедливого соседа. И *часто* ты воображаешь, что мечтаешь об одном, тогда как тебе хочется чего-то совсем другого?»

Суфийские обучающие истории, и это самое главное, ни от кого не требуют облачаться в комические одеяния и занимать эксцентричные позиции по отношению к каким-то людям или вещам. Их предназначение — расширить человеческие горизонты. Но для того, чтобы они могли действовать соответствующим образом, должны соблюдаться их собственные условия. Представление подобного материала на Западе создает в людях самые различные ожидания, и несомненно, некоторые из этих предположений производят весьма абсурдные гибриды. Подобно другим видам изучения, суфийская наука нуждается в своем собственном базисном институте — а это не может осуществляться по принципу самодеятельности. «Занимающийся самообучением, — гласит пословица, — не должен учиться у дурака». Следующая история, ставшая в наши дни популярной на Западе, может проиллюстрировать, что я под этим подразумеваю.

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Решив вывести потомство, способное передавать устные, а не письменные послания, некий человек скрестил голубя с попугаем. У птицы, полученной в результате этого эксперимента, ушло много часов на путь, который голубь преодолевал всего за несколько минут.

«Где ты была столько времени?» — спросил человек, когда посланница вернулась.

«Такой погожий выдался денек, — ответила суперптица, — что я решила пройтись пешком».

Вот почему вместо инструментов для развития у вас есть басни Эзопа и мудрые афоризмы: вы выбираете исключительно (или в основном) нравоучения.

Эта история невольно приходит на ум, когда видишь, как современные люди смешивают всевозможные техники и упражнения, пытаясь достичь духовной реализации. Их усилия приводят к таким же гибридам, как в этой сказке. Результаты подобных экспериментов по скрещиванию имеют весьма долговременный эффект. Многие образцы такой деятельности обнаруживаются и на Востоке, где они продолжают свое существование как зрелищные движения, а их участники обычно не любят историй и не на шутку боятся юмора. Это, однако, не мешает им считать себя «духовными» движениями.

А так как мы говорим здесь об историях с Востока, то можем рассмотреть сей предмет и с несколько иной точки зрения — в ракурсе того, что в данном случае *мы* имеем дело с целостной традицией, а она выдвигает свои собственные условия. Ее литература относится ко всему спектру реальности и как таковая не сочетается ни с культурами, ни с различными разрозненными фрагментами. Рискую задеть чувствительность некоторых людей, привыкших к более тонкому обращению, я позволю себе процитировать довольно

грубое традиционное высказывание, часто приводимое менее изысканными людьми, чем мы с вами: «Если ты провел ночь в собачьей конуре, не удивляйся, что у тебя завелись блохи».

Очень важно по крайней мере ознакомиться со всем доступным набором историй, которые представляются в подобной манере, потому что они должны быть рассмотрены как грани единого целого. И кроме того, каждая отдельная история, если человек хочет получить от нее пользу, требует от него самого пристального внимания. Перескакивать от одного рассказа к другому, выбирая те, что больше по душе, и не обращая внимания на то, что меньше стимулирует нас, сколь типично человеческим ни был бы такой подход, является признаком плохого и малообещающего студента. Знакомая нам привычка задерживаться на более интересных или более приятных моментах нашей жизни, будучи перенесенной в область серьезных занятий, может иногда стать препятствием в развитии понимания. Разница между этими двумя подходами была недавно мне продемонстрирована в связи с совершенно иными обстоятельствами.

ТАК БЫ И СКАЗАЛ!

Недавно я гостил во дворце одного ближневосточного монарха, где был окружен всевозможной роскошью. Утром ко мне пришел мажордом и поинтересовался, не будет ли у меня каких-либо распоряжений. Я подумал, что неплохо бы послушать радио и что в моих апартаментах нет радиоприемника. Я попросил его позаботиться об этом.

«Мне хотелось бы послушать радио», — сказал я.

«Разумеется, — ответил он, — какую программу?»

«Утренние международные новости по Би-Би-Си», — сказал я.

На следующее утро ко мне вошли двое, неся самый современный приемник, какой мне доводилось когда-либо видеть.

«Где бы вы хотели его поставить?» — поинтересовались они.

«Вот здесь будет замечательно», — ответил я, указывая место.

Один из них установил приемник, другой надел наушники и нашел нужную станцию. Затем он стал смотреть на часы и вскоре подал сигнал. Тут же был включен на полную мощность усилитель, и комнату огласила волнующая мелодия марша Лиллибулоро: позывные Лондона... После чего начались новости. Когда они закончились, слуги подхватили радиоприемник и молча удалились.

После завтрака я пошел выразить свое почтение монарху, и он спросил, все ли меня устраивает.

«Все в порядке, да будет ваша жизнь долгой, — ответил я. — Мне хотелось послушать лондонские новости, и слуги организовали прослушивание. Но было бы неплохо, если бы они оставили радиоприемник в моей комнате, чтобы я мог слушать и другие программы...»

«Дорогой мой друг, — сказал монарх, а он был воспитан в Лондоне и разговаривал именно так, — вини в непонятливости не нас, но, скорее, тот факт, что ты слишком много времени проводишь на Западе. Почему, ради всего святого, ты не сказал моим ребятам, что единственное твое желание — это повернуть ручку приемника. Тогда они оставили бы его тебе...»

ИТАК, ЕСЛИ ТЕ, КТО ИНТЕРЕСУЮТСЯ ВОСТОЧНЫМИ ИСТОРИЯМИ, ХОТЯТ ТОЛЬКО ПОВЕРТЕТЬ ИХ, ПУСТЬ ТАК И СКАЖУТ...

Но, с другой стороны, они могли бы взглянуть на целостную систему независимо от того, представлена ли она в виде восточного или психологического и образовательного инструмента.

Выдвинув условие, что весь спектр суфийского изучения становится доступным человеку только в результате вовлеченности в него, как это происходит при изучении

любого предмета, мы теперь сформулируем и другие заслуживающие интереса принципы, весьма интересные и полезные даже в широком смысле, хотя здесь я должен подчеркнуть, что этих принципов не так уж и много.

Доктор Десмонд Морис, зоолог, написавший книгу *The Naked Ape* («Голая обезьяна») и другие весьма популярные книги о человеческом поведении, отметил воздействие суфийских историй на свою повседневную жизнь. По его утверждению, многие истории при прочтении не показались ему ценными, но понимание содержащегося в них послания и полезности пришло позднее, когда структуры, положенные в основу этих рассказов, стали всплывать в его отношениях с людьми. Он стал подходить к ситуациям согласно некоему новому *формату*, которым раньше не располагал.

ИСТОРИИ КАК СТРУКТУРЫ

Несколько ученых, специализирующихся как в изучении Ближнего Востока, так и в других областях, написали недавно, что сказки имеют *необыкновенную* ценность в качестве *структур*, позволяющих удерживать в уме определенные концепции в особом взаимоотношении друг с другом: они помогают охватить целый диапазон идей, которые обычно никаким другим образом связать невозможно. Истории Муллы Насреддина появляются, например, в научном мире, и кто, вы думаете, их использует? В отчете о второй конференции в Корал Гэйблз (США), посвященной принципам симметрии в физике высоких энергий, с их помощью иллюстрируют некоторые труднодоступные концепции физики. В настоящее время учеными проводится интересный эксперимент, и он показывает, что использование незнакомых и даже сбивающих с толку историй и утверждений можно, выражаясь языком научной терминологии, назвать одним из методов переключения мозговой деятельности из режима последовательной и логической мысли в режим единого (целостного) мышления.

В этой области изучения было отмечено, что именно таким образом работают некоторые суфийские сказки из моей книги *Tales of the Dervishes* («Сказки дервишей») ⁴⁰, не имеющие никакого явного «смысла» или допускающие более чем одно толкование. Расширение деятельности правого полушария и намеренное «истощение» возможностей левого вполне может послужить объяснением таких бессмысленных команд, как «Думай о звуке незвука».

На меня произвела большое впечатление фраза одного маленького школьника: приняв на себя стремительный поток слов необыкновенно красноречивого и логически мыслящего юноши, он вдруг выкрикнул своему оппоненту: «Пойди и сшей себе кусок пирога!» Эффект последовал незамедлительно, потому что интеллектуал тут же потерял нить своих рассуждений и замолчал. Несправедливо, однако, пользоваться этим знанием только для того, чтобы победить в споре.

Холистическое, общее мышление, разумеется, не может претендовать на первенство в области линейной деятельности и, по-видимому, перехватывает контроль над умом, как только логическая мысль наталкивается на утверждения, подобные вышеприведенному. Однажды какой-то фрейдистский психиатр, выступая в высокоуважаемом обществе, приводил яркие и убедительные доводы в пользу своей системы знания. Я решил провести тест и сказал: «Все фрейдисты постоянно говорят что-то вроде: "Надо выяснить, не была ли его бабушка, когда он находился в ее утробе..."» Бедняга чуть не задохнулся от неожиданности и, заикаясь, еле слышно промолвил: «Но ведь подобное даже физически невозможно». Его реакция вызвала такой взрыв хохота у собравшихся, которые, несомненно, до этого были настроены на логический лад, что ему так и не удалось

⁴⁰ *Idries Shah. Tales of the Dervishes* («Сказки дервишей»), London, 1967, etc., New York, 1969 etc

вернуть себе былую важность в этой компании.

СЕКРЕТ, САМ СЕБЯ ОХРАНЯЮЩИЙ

Неоспоримая ценность более знакомых нам историй, обыгрывающих тему «мистического мастера с Востока», состоит в том, что они позволяют поместить взаимоотношения людей в некую новую перспективу, при условии, что это делается в разумных пределах. Если сказки читаются в целях нравовучения или пропаганды, с тем чтобы внушить кому-то веру, заставить подчиниться мудрости «мастера» — такое их использование непригодно для *наших* обучающих целей. В подобных случаях истории обычно вкрапливаются в систему идеологической обработки различными учениями, которые уже стали или только станут культами. Но если послание (о том, что соответствующее время, соответствующие обстоятельства, расположение определенных факторов в соответствующем порядке — являются условиями, которые необходимо соблюдать, чтобы научиться тому, чему учит традиция) уважают и не путают с умением перещеголять другим, то в таком случае сказки оказываются необыкновенно ценными. Я же нередко задаю себе вопрос: не относится ли фраза, часто употребляемая суфиями: «Секрет сам себя охраняет» — к этим сказкам, так же как к другим областям суфийского опыта? Ведь патологическая реакция на них эффективно препятствует параноику получать от историй то, что им предназначено сообщить человеку. Истории, конечно, вовсе не являются изобретением грубых эзотеристов с Востока, желающих впечатлить или запугать искателей или подчинить их волю, хотя некоторые тексты могут быть использованы разными людьми именно в таких целях. Множество инструментов используются для более грубых задач, чем были предназначены. Фактически, одна из целей моего настоящего описания — призвать людей к бдительности.

Давайте рассмотрим историю, в которой заложено свойство «терапевтического отвращения», в результате чего она, вероятнее всего, раздосадует и отвратит всякого, кто думает только о том, что его собираются обмануть.

СМЫСЛ МОЛЧАНИЯ

Один искатель Истины, страстно желая найти настоящего мастера, накопил денег и отправился в далекое путешествие к обители суфийского мудреца.

Когда его допустили на территорию поместья, он был встречен мудрецом и провел с ним в беседе час или два, обсуждая самые общие вопросы. Так как мистическая тема даже затронута не была, у гостя появилось ощущение разочарования.

Его поселили во внутреннем дворе, в доме для гостей, и спустя несколько дней опять допустили в присутствие суфия, который давал ежедневную аудиенцию посетителям.

Обратившись к мудрецу, искатель сказал: «Я пришел издалека, чтобы спросить, каков признак истинного мастера, ибо хочу последовать за таким человеком, если когда-нибудь найду его».

Суфий ничего не ответил. С наступлением вечера люди стали расходиться, и искатель направился в отведенное ему помещение. Там он встретился с другим посетителем и рассказал ему о случившемся.

«Вместо того чтобы разочаровываться в мудреце, тебе бы лучше разочароваться в самом себе, потому что ты не сумел понять мастера, — сказал искателю тот человек. — Беседуя о всякой всячине, он фактически давал понять, что с тобой пока можно говорить только о несущественном, и тебе не следует спрашивать о высоком, пока мастер сам не заведет об этом речь. Когда в собрании в ответ на твой вопрос мастер промолчал, он таким образом показал тебе, что признаком истинного учителя является его способность

не отвечать на вопросы тех, кто не в состоянии извлечь пользу из ответа, который им уже был дан».

С тех пор как начиная с 1964 года я стал публиковать подобные истории, непрерывный поток писем, телеграмм и телефонных звонков, достигший поистине потрясающих размеров, свидетельствует об огромном интересе людей к этой литературе. Чаще всего задают такой вопрос: «Как *пользоваться* обучающими историями?» После чего обычно следует замечание: «Я не получаю от них духовных переживаний». Ответить на эти два вопроса достаточно просто, и часто мне удавалось подтолкнуть людей к тому, чтобы они сами находили ответ, — я отфутболивал их вопрос назад к ним, предлагая им исследовать собственные предположения. Та же техника, конечно, пропагандируется в десятках опубликованных сказок. Поразмыслив немного, человек сам себе отвечает: «Наверно, надо *больше* знать, прежде чем ими пользоваться», — или: «Духовность, по-видимому, означает для меня что-то приносящее эмоциональные переживания определенного характера, связанные со специфическими образами. Возможно, мне необходимо развить восприятие того, что же такое духовность на самом деле».

УЧЕНИК ДРУГОГО СОРТА

Одна из особенностей суфиев состоит в умении подходить к одному и тому же — к нуждам своих учеников — с самых разных сторон, так, чтобы с помощью того, что мы называем «разбрасыванием» («созвездием импульсов»), постепенно соединялись части единой картины, и учащийся мог придти к пониманию. Вот еще одна история, которая способна пролить свет на этот всесторонний и недогматический подход.

Жил-был суфийский учитель. Своих учеников он одевал в одежды из шерсти, заставлял носить чаши из морского кокоса для сбора подаяния, учил их возвращаться в мистическом танце и нараспев произносить отрывки из определенных классических произведений.

Некий философ спросил его: «Как суфийский учитель, что бы ты сделал, если бы тебя отправили в страну, где нет овец и не из чего делать шерстяные одежды, где люди не знают о существовании морского кокоса, где танцы считаются аморальными и где тебе не позволили бы учить людей по классическим произведениям?»

Суфий тут же ответил: «В таком месте я нашел бы учеников совсем другого сорта».

Именно эта возможность сделаться в суфийской области учеником, исследователем или учителем другого сорта, освободиться от тирании инструментов, внешних аспектов и догм — как раз и утверждается в заявлении, что для суфиев все второстепенные идеи и атрибуты существуют лишь для того, чтобы их можно было отбросить на высших уровнях обучения и обходиться без них, причем чем быстрее, тем лучше.

Совершенно очевидно, что в любом обществе есть люди, которые могут испытать чувство личностного самоутверждения только от таких поверхностных вещей и атрибутов. Их не привлекут более значимые и действенные глубины обучающих историй; фактически, некоторых из них эти глубины чуть ли не пугают.

Люди в отчаянии описывали мне обучающие истории как «бесконечную серию приспособлений для тестирования», а такой взгляд немногим более полезен, чем фраза: «Жизнь — только череда неприятностей». Каким бы справедливым ни было подобное утверждение, разве это все, что способен увидеть в жизни такой наблюдатель? Впрочем, возможно, что только это.

Я совершенно убежден, что обучающие истории раздражают людей, потому что в них снова и снова звучит такая мысль: нельзя вылечить корь, закрашивая пятна на коже...

ФУНКЦИЯ ТЕСТИРОВАНИЯ

Конечно же, в этих историях и в самом деле заложена функция тестирования. Но главная характеристика последнего состоит в том, что читателю демонстрируются некоторые из основных особенностей его мышления с тем, чтобы он мог изменить их или отстраниться от них, а не оставаться их рабом. Когда группа учащихся наблюдает реакции друг друга на материал, они расширяют свое восприятие.

Одна из таких историй, «Сказка песков», в довольно драматической форме показывает людям их собственную ситуацию зависимости. В этой сказке река, осознающая свое существование, течет по направлению к морю, но наталкивается на своем пути на пески пустыни и начинает растекаться от них во все стороны, в никуда, чтобы превратиться в лучшем случае в болото. После многих дебатов и душевных смятений (испуганная, что может потерять свою индивидуальность, но не имея никакой альтернативы) река отдается во власть ветра, и он поднимает ее. Вихрь уносит воду от опасности и, перелетев гору, опускает в виде дождя на другой стороне горного хребта.

Некоторым нравится эта история. Другие видят в ней ужасающее напоминание о неминуемой смерти или о том, что им может быть предложено выбрать кого-то или что-то, о ком или о чем они ничего не знают, — совершенно чуждое их природе, и они должны будут покориться неизвестному, влекущему в неведомое, где нет какой-либо определенности. Что описывают такие реакции — саму историю или людей, комментирующих ее?

Испытав на себе воздействие этой истории, люди могут многое узнать о самих себе, просто отметив, какие чувства она в них вызывает...

Вы можете пронаблюдать эффект наших историй, видя, как они, подобно передвижению меченого атома по кровеносной системе, прокладывают себе путь в культурах. Реакции людей на них настолько разнятся и так ясно показывают основную озабоченность реагирующих, что можно узнать много полезного о человеческом поведении благодаря отслеживанию судьбы, выпавшей на долю этой литературы в течение последнего десятилетия.

Чтобы вскрыть коды их зашифрованного смысла, организовывались групповые сессии мозговых атак, были написаны работы, посвященные их происхождению и производным. А издатели на Ближнем Востоке были просто оскорблены тем, что с помощью «пустых небылиц», бытующих среди крестьян в отсталых районах, я обеспечил себе, по их мнению, весьма безбедное существование. Некоторые самозванные суфии стали утверждать, что всегда знали эти истории, но в своей практике применяют «более эффективные средства», тогда как другие самозванцы сами стали обучать с помощью таких рассказов, объясняя всем и каждому, что якобы только ожидали правильного момента для их применения. И конечно же, многие превратили их в упражнения для своих учеников, выживая тот или иной странный «смысл» или утверждая, что человек вообще не должен искать в этих историях смысла.

НАСРЕДДИН

Истории, как чувствуют многие, каким-то магическим способом раскрывают истинное нутро человека. Кроме того, они многое выявляют в работах академических ученых. Некий ученый рассказывал каждому, кто хотел его слушать, что эзотерическое свойство анекдотов о Мулле Насреддине придумал *я сам*. Когда ему сообщили, что этим анекдотам посвящена статья одного западного исследователя, фактически изучавшего их на Востоке, он тут же ответил, что эта статья, должно быть, написана мной самим. Интересно, что сказал бы этот ученый, если бы узнал, что в одной из самых ранних, более ста лет назад, публикаций подобных анекдотов на английском языке говорится о том же самом

эзотерическом свойстве героя этих рассказов, превращенного позднее в шуточного персонажа. Разумеется, он мог бы заявить, что я являюсь перевоплощением переводчика, который в прошлом говорил то же самое, что и я.

ВКЛАДЫВАНИЕ И ИЗВЛЕЧЕНИЕ

Трудность освоения плодотворного подхода к этой литературе на современном Западе состоит в том, что как раз те человеческие тенденции, которые преднамеренно показаны в этих историях, иногда усиливаются самими историями. Разумеется, подобная проблема существует и на Востоке. Я слышал по крайней мере двадцать версий посвященного ей анекдота:

Один нетерпеливый студент подошел к суфию и спросил:

«В какой момент я смогу по-настоящему извлекать из историй смысл и пользоваться их содержанием?»

Мудрец глубоко вздохнул и сказал: «В тот самый момент, когда ты перестанешь спрашивать, когда это произойдет, и вложишь что-то в свое изучение, вместо того чтобы постоянно пытаться получить что-нибудь *от* него».

Существует огромное количество мифов, созданных вокруг учебных историй, иногда даже связанных с магическими суевериями. Так, например, широко распространено поверье, что, повторяя сказку о Мюшкиле Гюше (которую я опубликовал в своей книге «Караван мечтаний»)⁴¹, можно привлечь помощь таинственного существа по имени Мюшкиль Гюша, Избавитель от Всех Бед. Насреддиновским историям приписывают некое благотворное заклятие. Говорят, что, когда рассказывается один из его анекдотов, непременно следует рассказать еще семь, потому что в детстве Насреддина так увлекали рассказы, что его учитель наложил на него именно такое заклятие. Моя сестра Амина Шах издала на английском языке знаменитую суфийскую книгу «Сказание о четырех дервишах»⁴². Согласно легенде, сложившейся вокруг этой книги, некий суфийский мастер благословил ее, а потому при чтении вслух она чудесным образом исцеляет болезни. К счастью, литературная форма историй побуждает людей в основном относиться к ним лишь как к развлекательному чтиву или понимать их на самом низком уровне — в качестве морального предостережения. А это не дает историям превратиться в культовый фетиш.

Наряду с этим людям удается спонтанно пронаблюдать некоторые из менее драматичных преимуществ наших историй. В одной документальной программе для Британского телевидения я рассказал группе детей известную в Центральной Азии сказку, которую мы использовали в Англии при обучении детей в нашей домашней школе.

ЛЕВ, УВИДЕВШИЙ СВОЕ ОТРАЖЕНИЕ В ВОДЕ

В пустыне, где постоянно дул ветер, жил-был лев. Из-за ветра поверхность воды в водоемах, из которых он обычно пил, всегда была покрыта рябью и ничего не отражала.

Однажды этот лев забрел в лес. Там он охотился и играл, пока не устал и не ощутил жажду. Лев отправился на поиски воды и наткнулся на пруд со студеной, аппетитной и совершенно спокойной водой, настолько манящей, что и представить себе невозможно, — ведь, как все дикие звери, лев тонко различал запах воды, и свежий аромат влаги был для него как амброзия.

Итак, он подошел к пруду и нагнул голову, предвкушая наслаждение божественной

⁴¹ *Idries Shah*. *Caravan of Dreams* («Караван мечтаний»), London, 1968 etc., and Baltimor (Penguin), 1972.

⁴² *Amina Shah*. *The tales of the four Dervishes* («Сказание о четырех дервишах») London, 1976-1978.

влагой. Тут наш герой увидел в воде свое отражение и вообразил, что это, должно быть, другой лев смотрит на него.

«Какое невезение, — подумал лев, — эта вода, конечно, принадлежит другому зверю. Мне лучше быть поосторожнее».

Он отступил от воды, но жажда привела его назад, и снова он увидел свирепое лицо другого льва, глядевшего на него из воды.

На этот раз наш лев решил напугать «другого льва» и, широко раскрыв пасть, издал грозный рев. Но только он обнажил зубы, как то же самое сделал, конечно, и «другой лев». Это показалось жаждущему поистине устрашающим и опасным.

Лев то отступал, то снова возвращался к пруду, и перед ним снова и снова представала та же картина.

В конце концов он так отчаялся и измучился от жажды, что решил про себя: «Будь что будет, я напьюсь из этого пруда!»

И тут случилось чудо! Только лев прильнул к воде, как «другой лев» тут же исчез!

У нас не было специального намерения рассказать эту историю для того, чтобы родители, дети которых страдают от различных страхов, могли ею воспользоваться как психологической поддержкой или терапевтическим инструментом. Но после того как упомянутая передача была показана по телевидению, я получил довольно много писем от родителей, сообщавших, что с помощью нашей сказки они смогли помочь своим детям преодолеть некоторые страхи перед неизвестным и почувствовать себя увереннее в незнакомых ситуациях. Похожие истории и в самом деле рассказываются детям на Востоке вместо тех страшилок, которые встречаются у Андерсена и братьев Гримм; так что, несомненно, в детском воспитании на Западе существует пробел, который может быть заполнен подобным материалом. Как убеждает нас многолетний опыт, они полезны детям и, безусловно, развлекают их. Взрослых наши сказки привлекают меньше, и это доказывается тем, что люди, выбирающие детские истории для издания, но сами читающие «взрослые» книги, повсеместно отказались их публиковать, заявив, что литература такого плана представляет собой неподходящее или неинтересное чтение, «хотя, — как великодушно отметил один из таких взрослых, — по общему признанию, любопытное».

Зато истории эти стали чем-то вроде всеобщего увлечения в школах, в частности, благодаря образовательным программам по Би-Би-Си, в которых они постоянно используются и широко обсуждаются — в результате возник некий культурный пласт общественного интереса, стимулирующего постоянные вопросы и поток посетителей к нам со всей страны.

* * *

Никакая оценка обучающих историй не может быть по-настоящему правильной, если они излагаются человеку с какими-либо объяснениями. Причина в том, что интерпретация истории может предотвратить ее непосредственное воздействие. Разница между представлением историй и обучающим событием состоит именно в том, что в последнем случае человеку неизвестно, какими должны быть его реакции (с точки зрения какой бы то ни было доктрины), а это необходимо, чтобы он мог выразить свою личную реакцию на материал и усвоить его для себя. Ну что ж, а теперь давайте познакомимся с несколькими историями, которые не сопровождаются никакими объяснениями, чтобы мы могли таким образом пронаблюдать собственные реакции.

ПАНАЦЕЯ

Существуют колонии дервишей — невежественных и собранных наобум искателей Истины. Эти люди занимаются ритмическими движениями, иногда вызывающими

ментальные состояния, которые они (на раннем этапе экспериментирования) считают божественным просветлением. Подобная практика также привлекает довольно много обычных людей, ошибочно полагающих, что все дервиши являются «просветленными» и заслуживают почитания.

Рассказывают, что однажды некий благонамеренный, но невежественный искатель Истины прибыл в лагерь таких разодетых в причудливые одежды дервишей и увидел, что один из них лежит на земле, в полной покорности закатив глаза и являя собой образец глубочайшего расслабления.

«Я пришел, чтобы разделить с вами вашу жизнь и пережить то, что переживаете вы», — захлебываясь от возбуждения, сказал наш искатель руководителю дервишской общины.

«И что именно ты хотел бы разделить с нами?» — спросил тот.

«Позвольте мне разделить физическое и духовное состояние этого лежащего дервиша», — ответил посетитель.

Дервиши с присущим им радушием уважили его просьбу. Окружив нового товарища, они помогли скорпиону вонзить в него жало.

* * *

ПРИМИ ОДНОГО...

Умер некий дервиш, и два ангела, охранявшие райские врата, стали его допрашивать.

«Почему мы должны впустить тебя?» — спросили они.

«Когда я жил на земле, я был последователем великого учителя Гилани...» — ответил он.

«Входи», — сказали ангелы.

За ним следовал другой человек, которому был предложен тот же вопрос.

«*Меня-то* уж точно необходимо впустить, — сказал он, — потому что я слышал, о чем вы говорили с человеком, стоявшим впереди: дело в том, что в это же самое время я был последователем аж *трех* величайших учителей!»

Тут ангелы преградили ему дорогу.

«Нет, тебе не дозволено входить сюда!» — сказали они.

«Но почему же?»

«Ты думаешь, мы пускаем сюда людей, не знающих, чего они сами хотят?»

* * *

МОТЫЛЬКИ

Однажды суфий разбил стоянку на пересечении дорог. С наступлением ночи он зажег очень яркую лампу, а неподалеку от нее — свечу, сам же сел возле *свечи* и погрузился в чтение своих книг.

«В этом должна быть какая-то тайная мудрость», — говорили друг другу жители близлежащего городка. Но языка демонстрации они не понимали, если вообще здесь было что понимать, и не могли проникнуть в тайну предложенного им учения.

В конце концов группа любопытствующих горожан направила к суфию своих представителей, чтобы те спросили, зачем ему два источника света и почему он расположил их именно таким образом.

«Посмотрите на лампу, — сказал он, — каждую ночь вокруг нее кружится рой мотыльков. Я обеспечиваю их ярким светом, и они оставляют меня в покое, так что я могу

спокойно читать при свете свечи. Удовлетворяя мотыльков, я защищаю себя от их назойливости».

То же самое применимо и к человечеству. Если бы каждому было известно, где находится истинное знание, жизнь превратилась бы в хаос. В нынешних обстоятельствах люди даже впадают в безумие, когда, подобно мотылькам, воображают, что должны вокруг чего-то толпиться, в особенности если это их привлекает.

* * *

ПРЕДНАЗНАЧАЕМОЕ

Жил-был однажды мнимый суфий, который привлек к себе достаточно много учеников, но при этом был далеко не таким успешным, как настоящий учитель, живший в соседнем городе.

И вот он задался целью разузнать, какой тайной формулой пользуется истинный суфий. Изменив свое обличие, он попросил у учителя аудиенции как человек, желающий стать его учеником.

Суфий принял его и сказал: «Единственный секрет, который мог бы послужить тебе, состоит в следующем. Разведи сахар в воде, обмажься этой смесью и каждый день по несколько часов неподвижно лежи на открытом воздухе. Таким путем ты придешь к адекватной для себя истине».

Самозванец возвратился назад в свой центр и приказал всем своим последователям выполнять упражнения «сладкой воды». Как только его ученики выполнили это предписание, их атаковали тучи насекомых, и они покинули своего мастера.

Оставшись в полном одиночестве и обуреваемый любопытством, лжеучитель возвратился к суфию.

«Должен признаться, что придя к тебе в первый раз, я хотел выведать, в чем твой секрет, — сказал он суфию, — но, когда я дал твое упражнение моим ученикам, их одолели тучи мошкары, и они покинули меня».

«Именно так все и должно было случиться, — ответил ему суфий. — Моя задумка состояла в том, чтобы твои ученики отвернулись от обманщика и чтобы *ты*, доведенный до крайней степени отчаяния, мог *сосредоточиться* на той единственной проблеме, которая одна только способна *тебя* чему-либо научить».

* * *

НА ЧТО СМОТРЕТЬ

Группа пилигримов находилась в присутствии великого духовного учителя, как вдруг он встал и драматическим жестом указал на одного из них. Человек тут же упал на землю в состоянии экстаза.

Возвратившись в гостиницу, пилигримы принялись возбужденно обсуждать чудо мгновенного озарения, тогда как человек, введенный учителем в состояние экстаза, стал проявлять нетерпение.

«Ну, а как насчет меня, — запротестовал он, — ведь, в конце концов, он сделал это именно со мной!»

Лидер группы взглянул на него с отвращением и сказал: «Мне кажется, ты забываешь, что мы пришли сюда, чтобы увидеть именно *его*, этого великого человека, дающего просветление, а не *тебя*, просветляющегося!»

* * *

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

Один человек пришел к доктору. «Моя проблема в том, — сказал он врачу, — что я засыпаю во время очень длинных лекций, которые читает мой духовный наставник».

Доктор вручил ему бутылочку с таблетками и сказал: «По одной три раза в день».

«Спасибо, доктор, — мне что, запивать их водой?»

«Это не для тебя, подкладывай их *ему* в еду, дурак!»

* * *

ЕДИНОДУШИЕ

Встретились два искателя Истины, посетившие одного мудреца.

«Послушав этого человека, — сказал первый, — я пришел к выводу, что ему недостает духовной прозорливости, которую я надеялся в нем увидеть...»

«Да, — согласился второй искатель Истины, — меня он тоже отказался принять в ученики!»

* * *

Обучение через учебные истории происходит по образцу многих иных видов инструктажа. Например, в каждом обществе всегда существует какое-то — очень небольшое — количество людей, способных понять целиком весь учебный материал без каких бы то ни было объяснений, без помощи специально созданного для передачи этого знания института, где учеников ведут от одной строго выверенной стадии к другой. Можно легко угадать, как много людей будет на это способно, если в порядке грубой аналогии спросить себя: сколько людей в стране, где неизвестна математика или поэзия, будут в состоянии понять это искусство или науку, просто погрузившись в них.

Поэтому указанная выше ситуация, с нашей точки зрения, является гипотетической. И кроме того, заметим, нужно ли человеку заново открывать математику? Разве у вас есть достаточно времени для этого, не говоря уже о способностях?

Чтобы состоялось то, что мы называем образованием, обучением и изучением, необходимы материалы, учителя и ученики, а для достижения оптимальных результатов они должны быть сонастроены или находиться в определенных взаимоотношениях.

Можно подготовить соответствующую атмосферу, ввести какие-то идеи и указать на некоторые способы использования обучающих историй, что мы и сделали в своем описании. Упомянув, что людям незнакома сама концепция историй, приведя рассказы в качестве иллюстраций отдельных аспектов всего учебного процесса, показав, как люди отреагировали и продолжают реагировать на нашу литературу, описав препятствия, стоящие на пути ее использования, и подчеркнув, что эта литература содержит крайне изощренные обучающие структуры, — мы, так сказать, галопом промчались по незнакомой территории, отметив наиболее заметные и сравнительно поверхностные черты крайне сложного предмета.

Но никакое поспешное, наподобие волшебной палочки или даже аптечки для оказания первой помощи, применение историй — невозможно.

Наши рассказы, представляющие собой некую единую структуру, открывают удивительный путь к другому способу мышления и бытия, если они используются правильно, — но если с ними обращаться как с какими-то отдельными фрагментами, просто обогащая собственный репертуар, или для каких-либо иных немедленных и

очевидных целей, то они окажутся не более полезными, чем едва ли не любые разумно используемые литературные формы.

Целостный, холистический, если желаете, «объем» материала и его действие разворачиваются сейчас перед вами. Я хотел бы попросить вас не удовлетворяться имитациями. Имитации, и я уверен, что вы об этом уже знаете, с одной стороны, характеризуются нагнетанием таинственности, а с другой — сообщением человеку того, что он хочет услышать. Насколько мне известно, подобным не занимается ни одна из форм образования, но культы как раз в этом и сильны. Лучше всего здесь привести цитату из Руми, одного из наших величайших мастеров: «Ты можешь владеть волшебным кольцом — но, чтобы оно проявило свое действие, тебе необходимо быть Соломоном, повелителем невидимых сил».

V. УЧЕБНАЯ ИСТОРИЯ — 2

Если вы читали книги, посвященные различным культурам, и знакомы с разными группами, включая религиозные и психологические, вы можете увидеть, что вплоть до недавнего времени все институты склонялись к тому, что можно назвать ограничительной функцией. Иначе говоря, хотя эти институты и стремятся к увеличению информации и развитию человеческих способностей, очень многие области они оставляют неизученными. Люди предрасположены думать, что определенные идеи и позиции не должны допускаться в специфические системы мысли, чтобы не создавать угрозу стабильности и даже самой жизни священного института. Например, если вы адвокат, то вам свойственно мыслить в категориях юриспруденции. Решив, что те или иные вещи способствуют общественному благу, вы отвергнете то, что кажется вам в данное время, в какой-то воображаемый период времени, враждебным этому благу. Непросвещенный поиск «общественного блага» имеет тенденцию превращаться в ограничительную меру. В результате подобного узкого мышления человек становится *менее* эффективным, *более* механистическим, склонным к поиску неизменных систем.

На Западе, вопреки традиции неутомимого исследования, мы обнаруживаем ставшее мифом всеобщее убеждение, что фактически все на свете уже изучено, — в результате западным людям очень трудно разъяснить существование вещей, о которых они просто никогда не думали. Снова и снова мы сталкиваемся с людьми, чье обучение было обусловлено той или иной западной доктриной, так что, когда мы пытаемся показать им глубины некоторых вещей, они связывают новое с уже утвердившейся в их умах моделью.

Даже в психологии считается, что абсолютно все должно быть выражено в формате теории Фрейда, или Юнга, или теории трансперсонализма; стремление к системному мышлению, *как оно понимается догматиками*, сопровождается жадой (или лежит в основе сильного желания) установить с помощью ассоциаций или интерпретаций связь любого предложенного феномена с уже освоенными образцами мышления. Я совершенно убежден, что это непреодолимое желание частично коренится в естественном стремлении человека к порядку.

Кроме того, тут себя обнаруживает неизжитая удушающая позиция Средневековья, согласно которой все новое должно совпадать с общепринятым единообразным взглядом. Подобная позиция сопровождала и две последние фазы развития мышления, когда людям стало свойственно мыслить в категориях «поиска панацеи», — в результате неосредневековые системы Эпохи Просвещения и Технологической Эпохи оказались настолько же ограничительными и неплодотворными, как религиозно-схоластическая система, которую они якобы вытеснили.

В этом-то и состоит резкое отличие суфийской позиции от упомянутых подходов, основанных на непреодолимом стремлении к шаблону.

ПОИСК ШАБЛОНОВ

При подходе, основанном на поиске шаблонов, люди смотрят на предлагаемые материалы, чтобы увидеть, с какими их собственными предвзятыми мнениями они согласуются. Вот почему, к примеру, английские книги о суфиях, написанные в викторианскую эпоху, часто изображают последних людьми, имеющими очень много общего с английскими джентльменами, а иногда с невежественными варварами. Работы, созданные в эпоху европейского Просвещения, подчеркивают рациональность суфиев. Люди нашего технологического века, естественно, с большим удовольствием отмечают «современность» суфиев. Сегодня это одна из их наиболее частых характеристик.

Таким образом, в каждом веке раскрывается только одна или две версии того, *кто такие* суфии, подобно тому как люди, касаясь в темноте различных частей слона, пытались определить, каков он целиком. Вследствие этой ситуации, вам, разумеется, понадобится много веков, чтобы отработать все возможные интерпретации суфийского пути в свете ваших расхожих и частных концепций.

Более того, когда, к полному удовлетворению исследователя, будет установлено, что суфизм — это, скажем, разновидность неоплатонизма или антиклерикализма, что-то из психологии или образования, он облегченно вздохнет. Поставив точку в этом вопросе, исследователь сможет снова заснуть безмятежным сном — ведь он нашел необъяснимому доселе явлению соответствующую ячейку в своей картотеке упорядоченных категорий и тем самым внес посильный вклад в построение более комфортного мира.

Между прочим, у людей, которых я имею в виду, всегда наготове ответ: дескать, если мы не сделаем все, что в наших силах, чтобы истолковать, скажем, суфизм в формате взглядов современного знания, модернизируя его понимание где только возможно, — возникнет хаос и всевозможная путаница в мышлении, а это способно привести к полному упадку науки и цивилизации.

В их рассуждении допущены две ошибки, и каждая его разрушает: во-первых, суфии на протяжении весьма продолжительного времени зарекомендовали себя как весьма прогрессивные люди, демонстрируя эффективность как своего мышления, так и деятельности и преуспевая во всем, что составляет предмет гордости для обычных успешно действующих людей.

Связано это с возможностью суфиев демонстрировать, что иной режим мышления отнюдь не разрушает механистическое мышление, которое должно занять подобающее ему место подчиненного, а не властелина. Повелитель — *знание*, а не интеллект. Другая ошибка связана с предположением, что суфийский подход, вместо того чтобы указать на выход из того затруднительного положения, в котором вы находитесь, предлагает ответ на вопрос, часто выражаемый следующим образом: «Разве можно думать об одной и той же вещи двумя различными способами или о двух вещах одновременно?» Суфии *действительно* настаивают на такой позиции, и маловероятно, что они откажутся от нее, поскольку в ней и состоит центральный принцип всей их ориентации. В конце концов, она работает.

Итак, мы, в сущности, предлагаем значительно больше того, что, по-видимому, хочет получить основная масса интересующихся нами людей. Зачем суфиям предлагать ремонт повозок, если они учат другим средствам передвижения?..

В обсуждении этого центрального вопроса суфийские учебные истории занимают жизненно важное место.

Вместо того чтобы на протяжении целых поколений рассматривать то или иное с точки зрения сменяющих друг друга догм, суфии предлагают рассматривать вещи (в нашем случае истории) последовательно, если хотите, но со всех возможных точек зрения. Именно поэтому в суфизме уже многие столетия используются подходы, в которых люди сегодня с шумным восторгом узнают фрейдистские, юнгианские и тому подобные позиции. Суфии открыли (и как можно было не открыть при таком методе?) всевозможные форматы изучения человеческого поведения и исследовали их, не подпадая при этом под гипноз убеждения, что подобные рабочие позиции должны быть единственно верными потому, что они их открыли, а также не строя на их основе школы верований.

ДИДАКТИКА ПРЕДОТВРАЩАЕТ ПОНИМАНИЕ

Все это связано с тем, что на очень раннем этапе суфии поняли: в психологии и образовании бесполезно принимать одну теорию за другой, — только выявив посредством

изучения ограниченность их возможностей, и притом как можно быстрее, человек приходит к лежащей за ними истине. Исчерпав теории, вы обнаруживаете факт. Когда исчерпывается *дидактика*, вы приходите к *пониманию*.

Осмыслив сказанное, вы сможете понять, почему с историями особенно важно работать с помощью «истощающего» метода, который я и собираюсь здесь описать.

Суфийская практика состоит в том, чтобы взять какое-то количество историй и предложить группе людей рассмотреть их и отметить особо интересные моменты. Вместо того чтобы подпасть под гипноз отмеченных моментов, они должны отложить их и взглянуть на то, что не привлекло внимания, спросив себя, *почему они это пропустили*. Какая цензура или недостаток понимания действовали в данном случае? Сначала люди делают свои заметки индивидуально, затем изучают их вместе с группой, чтобы каждый участник овладел реакциями всех остальных. Таким образом, складывается некая мозаика, и каждый вносит вклад в понимание других. Затем суфийский учитель рассматривает результаты групповой работы и отмечает никем не замеченное — это также впитывается умами участников группы, и она теперь способна добавить к своему индивидуальному и коллективному знанию материал, не имевшийся прежде в ее распоряжении.

По завершении процесса можно ожидать, что способность всех участников к пониманию поразительно повысится.

Именно это мы и называем надлежащим преподаванием и изучением. Вначале вы делаете то, что можете сделать сами. Затем извлекаете пользу из того, что делают другие, а они — из того, что делаете вы. И наконец, вы получаете дополнительный элемент, обеспечиваемый вашим учителем, элемент, который отсутствовал прежде в вашем запасе знания.

Можно попытаться противопоставить этот метод, скажем, теологической дидактике. Буквально на днях я посетил религиозную аудиторию, где один священнослужитель настолько утратил суть учения в какой бы то ни было опознаваемой для меня форме, что разглагольствовал перед двадцатью старушками о необходимости выбросить из жизни порнографию и непристойности. Разумеется, он разговаривал сам с собой. Но какую квалификацию, какое прозрение являл этот учитель в момент своей проповеди?

На предыдущих страницах мы охватили не менее восьмидесяти пунктов, касающихся нужды в подготовке, отсутствия у человека необходимых позиций, способствующих должному пониманию обучающих историй, а также отметили распространенность тривиальных барьеров, мешающих использовать великие сокровища знания. Эти восемьдесят пунктов нередко перекрещиваются между собой, а некоторые из них оказываются частью других. Опубликованные собрания историй сами по себе составляют обучающие структуры, позволяющие человеку самостоятельно преодолевать некоторые из названных преград, однако в центре всего мероприятия — цель и функция инструктажа, а также мандата учительства. Существуют пределы, дальше которых система ознакомления с материалом и обратной связи, обычно применяемая при обучении, не может действовать без активной помощи со стороны инструктора — подлинного, а не самозваного.

Суфии настаивают на превосходстве обучающей функции не потому, что им так хочется, но потому, что это продиктовано необходимостью. В действительности цель суфия состоит в том, чтобы свести роль учителя на нет. Однако вначале учитель, будь то мужчина или женщина, должен сделать доступными информацию и метод, которыми для практических целей большинство людей, желающих учиться, пока еще не обладает.

Цель суфийского предприятия — а истории могут играть в нем существенную роль — действовать в сферах, всеми пренебрегаемых. В этом и состоит суфийский вклад в улучшение мира.

VI. ФОРМАТ ДЛЯ НОВОГО ЗНАНИЯ...

В древней сказке, имеющей хождение у суфиев, говорится о том, что однажды мудрый человек поведал историю об удивительном древе, произрастающем в Индии. Как рассказывал мудрец, люди, отведавшие плод чудесного древа, никогда не стареют и не умирают. Затем один достойный доверия человек пересказал эту легенду королю, некогда правившему в Центральной Азии, и правитель возжелал во что бы то ни стало заполучить плодов индийского дерева — источника Эликсира Жизни.

ПЛОД ДЕРЕВА

Итак, король отрядил в Индию весьма находчивого человека, повелев ему разыскать и принести волшебные плоды древа. В течение многих лет королевский эмиссар ходил из города в город, рыскал по всей Индии, от села к селу, подробно выспрашивая об объекте своих поисков у всех и каждого, кому могла быть известна природа и местонахождение этого чуда природы.

Как легко себе представить, люди говорили ему, что только безумец способен искать такое; кто-то сам начинал его подробно расспрашивать, пытаясь выяснить, как может явно разумный человек заниматься подобной чепухой, — доброта, в которой сквозило сочувственное отношение к нему, как к заблудшему простофилю, ранила его еще больней, чем тумак, коими его частенько награждали невежды.

И, конечно же, многие люди в ответ на расспросы рассказывали всевозможные небылицы и посылали его то в одно, то в другое место, заявляя, что они тоже слышали о чудесном древе.

Так прошло много лет, и королевский посланец, потеряв всякую надежду, принял решение возвратиться к королю и признаться в своем позорном провале.

Однако, на его счастье, в Индии жил один подлинный мудрец (такие люди иногда появляются там), и королевский посланник, услышав о нем лишь после того, как принял решение завершить свои поиски, подумал: «Каким бы ужасным ни было мое положение, я все же пойду к этому человеку и, по крайней мере, попрошу у него благословения на обратный путь...»

Он пришел к мудрецу и попросил у него благословения, поведав ему о том, как оказался в бедственном положении, в состоянии полного и безнадежного провала.

Услышав его рассказ, мудрец рассмеялся и сказал: «Какой же ты простак! Тебе нужно не столько благословение, сколько ориентация. Мудрость и есть плод Древа знаний. Так как ты избрал своей целью образы и формы второстепенных вещей, ты не сумел найти то, что лежит за ними. Эта вещь имеет тысячи имен, она может называться Водой Жизни, Солнцем, Океаном и даже Облаком... Но ведь эмблема вещи — это не сама вещь.

Тот, кто привязывает себя к именам, — продолжал учитель, — и цепляется за концепции, не видя, что все эти производные представляют собой не более чем этапы, а иногда препятствия на пути к пониманию останутся на стадии вторичных вещей. В субкультуре эмоциональных стимулов подобным образом создаются фантазии и псевдорелигии, внутри которых вторичное и длит свое существование».

ОБЩИННЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Каждый способен пронаблюдать, что этот принцип действует даже в легко осознаваемых условиях человеческой жизни, как настойчиво заверяют суфии.

Принадлежа к определенной общине, сформировавшей те или иные предположения о жизни, обществе и даже о самом знании, вы сами можете увидеть, что ваша общность будет оставаться стабильным и единым целым лишь до тех пор, пока не поставит под вопрос свои базовые предположения. Это создает ситуацию, в которой прогресс натывается на препятствия.

Наблюдения показали, что в Новой Гвинее охота за головами, представлявшая собой социальную систему, функционировала ко всеобщему удовлетворению и разрушилась, когда само ее существование было поставлено под угрозу проникновением различных моральных ценностей извне. Так, например, когда молодым мужчинам, ищущим невест, запретили следовать обычаю обезглавливания своих врагов, что лишило их возможности принести будущему тестю голову убитого врага как доказательство своего мужества, они испытывали страдания, похожие на наше чувство вины и угрызения совести. В их контексте это и являлось чувством вины и угрызениями совести.

В каждом обществе, поддерживаемом целым рядом связанных между собой предположений, многие из которых как бы подтверждают друг друга, возникает ощущение согласованности и силы, что, естественно, высоко ценится членами данного объединения. Это, разумеется, связано с недостаточной автономностью индивидуумов, из-за чего человек не в состоянии оставаться в течение продолжительного времени наедине с собой. Стремление к самоидентификации, осуществляемое посредством групповой принадлежности, так сильно проявляется в нем, что, когда его социальная группа распадается, ей на смену, вполне естественно, приходит другая, предлагающая такой же механизм самоподтверждения и соответствующую картину мира. Процесс этот хорошо известен по национальной и культурной истории общества. Таким же образом он повторяется и в отдельно взятом индивидууме. Когда идеи того или иного человека перестают адекватно поддерживать его чувство личностной целостности и групповой сплоченности, эти идеи видоизменяются, группируясь вокруг новой или улучшенной концепции, опять-таки при условии, что данный индивидуум не обладает психологической автономией. Неудовлетворенность и неуверенность в себе, ощущение, что тебе чего-то недостает, — чувство, которое часто описывается как стремление к чему-то более реальному или «истинному», — предваряет состояние, известное как «синдром обращения в религию», возникающее в человеке перед наступлением только что описанной фазы новой стабилизации. Члены культур, ориентированных на эту зависимость, в результате озабочены в основном поисками комфорта и самоутверждения, в чем, собственно, и не нуждаются: просто они к этому привыкли.

Суфийская психология усматривает в подобной ситуации два важных элемента. Первый состоит в том, что, если люди хотят продвинуться к знанию или стать более эффективными, они должны разорвать путы, препятствующие им развиваться и достичь видения. Этими путями может быть сильная зависимость от чрезмерного количества различных тотемов, что свидетельствует о незрелости человека. Вы должны осознать возможности, лежащие за пределами вашего нынешнего состояния, если ваша цель — овладеть способностями для их реализации. Думая, что знание или долгожительство — это дерево, вы будете стремиться к ним, занимаясь буквально поисками дерева. Веря, что ваши желания, скажем, могут осуществиться благодаря применению структуры некой системы, в которой вы живете или посредством которой мыслите, вы придете лишь к таким результатам, которые вам в состоянии предоставить ваше общество или система. Второй важный элемент состоит в том, что человеку необходимо освоить более гибкий подход к вещам, а не видоизменять свои убеждения.

Стоит об этом заявить, как людям начинает казаться, что им говорят о совершенно очевидных вещах. Однако для наших современников — для большинства из них — это не так уж и очевидно, иначе они строили бы свою жизнь и цели на этом знании. Многие из них даже не осознают, что автономия, о которой мы упоминали выше, полезна или вообще возможна. В результате возникает значительная путаница.

ИСКЛЮЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Конечно, в практическом смысле *все* системы, предназначенные способствовать достижению какой-то человеческой цели, уже по определению преуспевают также и в том, что исключают для себя многие другие возможности, — *вы сами* должны добавить к процессу некоторые дополнительные измерения, потому что система за вас этого не сделает. Например, вы можете заработать много денег, занимаясь бизнесом, но должны будете заплатить своими интересами в других сферах. Если вы посвятите себя клиническим исследованиям, вы не сможете уделять достаточно времени лечебной практике.

Если вы нуждаетесь в социальной стабильности, которой вас обеспечивает система, и слишком привязаны к источнику такой поддержки, ваша зависимость не позволит вам покинуть систему даже на время, а ведь это дало бы вам возможность заняться какой-либо деятельностью в сферах, где отсутствует подобная социальная опора. В результате вы будете действовать менее эффективно. Если говорить откровенно, это означает, что вы не сможете продвинуться вперед, так как ваши потребности будут снова и снова возвращать вас на круги своя для поддержания психологического равновесия. Быть может, вы и в самом деле ищущий, но вам не превратиться в нашедшего, пока ваш поиск не будет эффективным.

Суфии из века в век ставили вполне ясный и недвусмысленный диагноз при встрече с подобной ситуацией. Он сводится к тому, что «человек находит себя» (если бы только он способен был принять это) отнюдь не в каком-то статичном мире или обществе, но в целом спектре окружающей среды, которая лишь *выглядит* как что-то статичное. Человек живет не очень долго, он контролирует совсем немногие из своих жизненных обстоятельств, и то, что с ним происходит, даже в самой структурированной среде, может иметь значительно большее влияние на его жизнь, чем события, созданные им самим, независимо от того, верит он в это или нет, и как бы он этому ни сопротивлялся. Поэтому, чтобы действовать более эффективно, он должен быть более многосторонним и гибким, не считать преходящие вещи устойчивыми, а, скорее, относиться к самой мимолетности как к чему-то постоянному. В результате человек становится неуязвимым для незначительных вещей и капризов судьбы и может преодолеть ограничения, которые в противном случае парализуют его или им манипулируют.

Легко заметить, что этот взгляд очень далек от обычных представлений о восточном мировоззрении, согласно которому общество якобы является некой статичной культурой, а человечество — лишенной собственных амбиций беспомощной игрушкой судьбы. Суфий же, со своей стороны, сказал бы, что люди, которые верят в реальность абсолютных понятий, включая и те, что широко признаны на Западе, делают себя пленниками: им трудно приспособиться к обстоятельствам даже тогда, когда сама природа подсовывает им сюрпризы, затрагивающие, скажем, экономику больше, чем любое человеческое вмешательство. Западные ученые лишь недавно начали утверждать относительность абсолютных понятий, представляя это, естественно, как свое собственное открытие — каковым оно, насколько им это известно, и в самом деле является.

Таким образом, можно сказать, что суфий властвует над окружающим, потому что способен при необходимости отойти от него, тем самым позволяя ему оказывать на себя лишь минимальное воздействие, но он в состоянии, когда нужно, и вовлекаться в окружающее, тогда как люди (в особенности на Западе) часто пытаются доминировать в мире, наваливаясь на него всем своим весом, бросая на это всю энергию, какая только у них есть. Один из этих подходов в значительной степени произвел Западную культуру, другой — большую часть Восточной. Однако, дополняя друг друга, они не так далеки один от другого, как кажется.

НАУКА И РЕАЛЬНОСТЬ

Каковы же *результаты* этих двух подходов? В течение ряда веков западные люди специализировались в материальной жизни, и все же они подошли к той стадии, когда их все больше и больше интересуют нематериальные вопросы. В действительности для них одно все меньше отличается от другого. Точно так же суфии, посвятившие примерно столько же веков изучению человека, уже давным-давно проявляют то, что западным людям казалось, да и по сей день кажется, парадоксальным интересом к научным вопросам.

А теперь давайте сопоставим следующие два отрывка, чтобы закрепить сказанное в уме.

С одной стороны, всем нам известна непреклонная материалистическая позиция чистой науки по отношению к религии — области, которую суфии сделали основной публичной формой для своих исследований и формулировок, особенно когда речь идет о мистическом переживании космической Реальности. Но Альберт Эйнштейн, с другой стороны, пришел к такому интересному выводу:

«Космическое религиозное переживание — самая мощная и благородная сила, движущая научным исследованием»⁴³.

До какой степени слова Эйнштейна отражают преобладающее направление научной мысли?

Что ж, недавно д-р Ивэн Харрис Уолкер, выдающийся физик-теоретик, сделал такое публичное заявление:

«Судя по всему, проводимые сегодня исследования допускают возможность доказательства существования некой субстанции, обладающей теми же качествами и характеристиками, которые религия приписывает Богу»⁴⁴.

В то время как западные энциклопедии почти всегда определяют суфиев как исламских экстатиков, танцующих дервишей, монахов и так далее (для большей простоты игнорируя многие материалы о них), сами суфии на протяжении своей почти тысячелетней документированной истории приводили в смущение многих исследователей внешних форм религий тем, что в своих текстах, благоговейно сохраняемых по сей день и даже являющихся национальным достоянием, обсуждали поразительно «современные» вопросы, не обладая при этом сколько-нибудь известными техническими инструментами или научной инфраструктурой, которая позволила бы объяснить, как они добывали подобные знания. Из тем, обсуждаемых в этих произведениях, можно отметить космические путешествия, атомную энергию, теорию времени и пространства, кровообращение, четвертое измерение, авиацию, передачу изображения на экраны, которые устанавливаются на стенах, — а также эволюцию человечества. Но суфии и на этом не остановились: телепатия, телекинез, прохождение сквозь физические тела при парадоксальных обстоятельствах, мгновенное получение знаний посредством холистических методов — вот только некоторые из тех феноменов, на реальном существовании которых суфии настаивали с незапамятных времен, а сегодня эти вопросы вошли в сферу интересов современной западной науки и экспериментальных

⁴³ Альберт Эйнштейн. Эти слова цитируются в его некрологе 19 апреля 1955 г.

⁴⁴ The Observer (London), 20 February, 1972 Sayings of the Week («Высказывания недели»).

исследований. При этом суфии утверждают, что подобные открытия являются побочными продуктами духовного знания, но никак не способами его достижения.

Я думаю, что именно научное мышление, так же как и другие факторы, недавно сподвигнуло западных исследователей поискать в ментальной деятельности древних культур, посвященной соответствующим изучениям, информацию о концепциях и методах, которые каким-то образом перекликаются с новейшими западными гипотезами. Это в последние годы привело ученых к суфиям, предположительно достигшим в своей области результатов, соответствующих, пусть даже и в грубом приближении, тому, что западные люди надеются обнаружить, — конечно, если в самом деле существует достаточно целостная и разумная традиция восточной психологии, сохраняющая полезные указания на взаимодействие местных и космических факторов.

НОВЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ИЗ ПРОШЛОГО

Психологи с интересом отмечают, что суфийская традиция уже тысячу лет тому назад утверждала следующее: человеческие верования часто создаются и поддерживаются окружением и культурой, а то, что люди называют «верой», отнюдь не всегда надо относить только к действию божества или дьявола, так как вера также может быть вызвана обуславливанием, и в таких случаях она относится не к чему-то духовному, а к внушению. Однако суфии развили данную тему еще дальше: в свои психологические процедуры они встроили методы, позволяющие человеку осознать собственные обусловленные реакции и принять факт, что для приобретения человеком новых способностей вероучение играет второстепенную роль, — а это представляет собой область, в которую западные люди еще не вошли, хотя и топчутся на пороге.

Что касается меня, то я был особенно впечатлен тем, что мыслители и исследователи на Западе начали осознать восточный принцип, согласно которому некоторые виды деятельности, например, суфийские, не могут изучаться со стороны, если мы хотим в них проникнуть. Эта концепция является ключевой для суфийских идей и наконец завоевывает широкое признание в остальном мире.

Еще десять лет назад на подобное суфийское заявление ученые часто отвечали — и мне доводилось это слышать: «Камень не такой уж большой авторитет в изучении минералов, в отличие от геолога». Теперь мы можем только посмеяться над этой фразой, но все же есть уголки, где еще теплится предположение о том, что даже люди, у которых хотят чему-то научиться, вполне возможно, сами не осознают, чему обучают. Я не имею в виду, что «воз теперь накренился в другую сторону», но... Как бы то ни было, суфийское изучение — это вовлечение; не то, о *чем* вы узнаете, но нечто вас обучающее.

Как и в случае с любыми сравнительно «новыми» учениями, желающие их изучать понимают какие-то принципы лучше, другие хуже — все зависит от подготовки исследователей. Существует реальная опасность, что отдельные фрагменты суфийской информации, техник и тому подобного, если их просто втиснуть в существующие западные рамки (то есть если их применит обычный ум в неадекватных обстоятельствах), будут действовать на значительно более низком уровне, чем того требует всестороннее изучение этого предмета. Результаты подобной самодеятельности не стоят даже потраченного на нее времени. Впрочем, именно этим занимаются многие индийские гуру как в Индии, так и в Европе.

Я думаю, имеет смысл помнить, что введение нового знания — равно как и его поддержка — представляет собой более сложную задачу, чем, так сказать, коммерческая популяризация отдельных фрагментов, теряющих свою работоспособность в форматах, непригодных для функционирования данного знания, — сколь восхитительными ни были бы сами по себе эти фрагменты. Даже весьма выдающиеся психологи просят, чаще, чем мне бы того хотелось, дать им «кое-что для работы» из суфийской психологии. Не имея

соответствующей подготовки, бесполезно работать даже с целым, не говоря уже о фрагментах, если только вы не собираетесь просто позабавиться.

Однажды — как повествует история, проливающая свет на эту человеческую тенденцию, — жил один нищий попрошайка. Подошел он как-то к богатому человеку и попросил денег на чашечку кофе. Магнат протянул ему крупную купюру и сказал: «Этого тебе хватит на двадцать чашечек кофе». И каждый из них пошел своей дорогой.

На следующий день богатый человек снова увидел нищего и поинтересовался, как его дела.

«Да пошел ты со своими двадцатью чашечками, — возмущенно воскликнул попрошайка, — я всю ночь не мог из-за них сомкнуть глаз!» Не очень-то легко декларировать, что людям необходима соответствующая подготовка, когда нас (как это часто случается на Западе) обвиняют в высокомерной снисходительности вместо того, чтобы увидеть в наших словах просто констатацию факта...

Склонность к бездумному применению суфийских идей и упражнений стала едва ли не повальным увлечением во многих странах, и некоторые нежелательные результаты этого явления теперь уже вполне очевидны. Нет никакого реального вреда в том, чтобы копировать суфийские методы, одеваться в причудливые восточные одежды и даже воображать, что определенные речитативы, символы и прыжки приведут к высшим состояниям сознания, при условии, конечно, что общество достаточно открыто, чтобы вместе с этим позволить публикацию подлинных фактов. А подлинные факты таковы: всякий, кто думает, что можно достичь высшего сознания с помощью прыжков, цирковых трюков или выполнения упражнений, воспринимаемых не как инструменты, но как какие-то магические процедуры, или даже тот, кто полагает, будто одно только прослушивание, то есть потребление суфийских текстов, приведет его к высшему сознанию, — такой человек (будь то мужчина или женщина) настолько очевидно вовлечен в некую игру, что разумные люди, как суфии, так и другие, должны, по крайней мере, убедиться в безобидности его увлечения. Когда же подобный мечтатель начинает верить, что вовлечен в деятельность космического значения, то это уже становится подлинным абсурдом, если не трагедией.

Одна знаменитая суфийская история ясно обозначает два уровня религии: один — связанный с соблюдением обрядов и социальных норм, другой — с высшим психологическим смыслом. Это «Сказка о Моисее и пастухе»⁴⁵, написанная великим суфием XIII века Руми.

ОБРЯДЫ ИЛИ ЗНАНИЕ

Моисей повстречал как-то пастуха. Тот громко восхвалял Бога и говорил, что хотел бы служить Ему, чинить Его сандалии, причесывать Ему волосы, стирать Его одежду, приносить молоко и так далее в том же духе.

Моисей, придя в ярость от глупости и фамильярности, проявленной этим простым человеком, подошел к нему и обвинил в богохульстве и бессмысленных речах. Пастух смиренно принял упреки Моисея и ушел в пустыню.

После этого, как повествует сказка, на Моисея снизошло вдохновение, и голос свыше сказал, что он отделил этого человека от его представления о Боге, ибо для каждой стадии человеческого развития есть свои собственные относительные концептуальные рамки, что метафорические выражения не имеют значения и что главное — это реальность. Моисей тут же побежал в пустыню, нашел пастуха и сказал ему, что его представления о религии *одобренны* Богом и нет никакой беды, если человек, согласно своему уровню и состоянию,

⁴⁵ Руми. «Маснави», книга II.

воображает тем или иным образом то, что обычно лежит за пределами его собственного образного восприятия.

История, разумеется, иллюстрирует следующее: удовлетворение, получаемое человеком благодаря качеству его понимания, вполне законно, и не имеет смысла нарушать в ком-то ментальное равновесие, если что-то более высокое не способно по определенным причинам заменить это состояние.

У сказки, однако, есть продолжение. Пастух возвратился к Моисею и сказал, что пережил такой шок, когда тот указал ему на его поверхностное восприятие, что ему открылись более высокие истины. «Я достиг такого состояния, — сказал пастух, — которое выше любых метафор и образов... чем возвышеннее стремление, тем больше возрастает способность человека превзойти обычный уровень своих представлений».

Таким образом, эта история показывает, по крайней мере, три этапа развития суфийской психологической системы.

Когда суфий знает, во что человек *на самом деле* верит и чего *на самом деле* хочет, он может сказать, будет ли данному человеку полезно суфийское знание и в какую форму необходимо облечь попытку передать это знание. Должен ли в таком случае будущий ученик сперва научиться тому, как учиться? А когда человек, намеревающийся стать суфием, понимает свою реальную ситуацию, он сумеет почувствовать две вещи: *во-первых*, действительно ли он желает достичь суфийского понимания, и, *во-вторых*, теперь он сможет ощущать, а не воображать суфийский поток — «призыв», как его называют, вытесненный из человеческой осознанности грубыми амбициями и занятиями. Многие формы признанной в обществе социально-психологической активности, относящиеся, как воображают люди, к высшим видам человеческой деятельности, на самом деле представляют собой различные формы самоудовлетворения, обеспечиваемого грубыми, но вполне законными человеческими стремлениями.

Суфийская литература, в особенности те фрагменты, которые я для этой специфической цели отобрал и опубликовал в десятке изданных мною книг, предназначена, по крайней мере частично, для того, чтобы показать человеку его реальное состояние⁴⁶. Откровенность этих материалов — ведь, в конце концов, они представляют собой учебники, сборники инструментальных пособий, а не развлекательную литературу, — побудила людей, чьи умы отличаются недостатком чувствительности и слабой наблюдательностью, вообразить, будто посредством своего вздорного поведения суфии хотят спастись от навязчивости наиболее пугливых претендентов в ученики. В результате подобных оценок людям не удастся понять важность некоторых инструкций, вроде той, что выражена в словах великого поэта Хакима Джами (умершего в 1492 году):

Бегузар аз лаф-и-акл, ки хаст
Акл инджа аккала, уа фазл фузул

(«Перестань хвастаться интеллектом и ученостью, ибо интеллект в этой области хрупок, а ученость оказывается глупостью»). Джами говорит, конечно, о том, что принимается за интеллект и мудрость поверхностными людьми.

Предлагая то, что можно было бы назвать сегодня психологическим упражнением, великий поэт Хафиз из Ширазы (XIV век) постоянно подчеркивает следующее: поглощенность тем или иным создает барьеры в области развития высшего сознания. Человека как бы окружают экраны, загораживающие от него его собственные возможности. Ограниченное мышление, каким бы ценным оно ни было для ограниченных целей, «скрывает» от нас наш человеческий потенциал.

Хафиз говорит:

⁴⁶ См. мои книги *Tales of Dervishes* («Сказки дервишей») и *Magic Monastery* («Волшебный монастырь»)

Ту кхуд хиджаб и кхуди Хафиз
Аз мийян бар-кхез!

«Ты сам являешься для себя завесой, о Хафиз, восстань же из самого себя!» Эта завеса, разумеется, может быть составлена из тех самых исследовательских концепций, которые применяются псевдосуфиями при изучении суфийского феномена. Вот почему так важно, что люди на Западе, подобно своим восточным собратьям, начинают подвергать сомнению собственные ограничивающие предположения.

Разумеется, как в этом, так и в других обществах вполне возможно обнаружить индивидуумов, которые уже понимают, что существуют иные уровни восприятия, знания и понимания *за пределами* уровня существования, удовлетворяющего их в настоящее время, и все же предпочитают оставаться в том ментальном, физическом и культурном контексте, который обеспечивает их потребности в стимулах. Однако значительно более многочисленны и крикливы те, кто не знает своего истинного состояния. Часто бывает, что именно они менее всего способны освободиться из плена своих предположений, хотя воображают себя искателями Истины...

Именно таким человеком в рассказанной нами истории был пастух, пока не повстречался с Моисеем. Если вы уверены, что вашего «пастуха» шок, подобный полученному от Моисея, разбудит, а не разрушит, тогда вы и будете иметь право говорить людям, что им *необходимо* высшее сознание. Но не исключено, что вам придется помочь им понять следующее: если они не обладают достаточной гибкостью, чтобы «*быть в мире, но не от мира*», то в их нынешнем состоянии адекватной интеграции с обществом им менее всего необходимо высшее сознание. Настоящий поиск таит в себе гораздо больше риска и значительно больше преимуществ, чем представляют подобные люди.

Говоря кратко, этим и отличается миссионер от суфия. Первый пытается обратить людей в свою веру, второй способен учить только тех, кто в самом деле желает учиться. Но до того, как учение может начаться, обе стороны, участвующие в учебном процессе (в последнем, но не в первом случае), должны хорошо осознавать, что ситуация именно *такова*. Инструктор должен быть способен диагностировать стадию своего ученика, а ученик должен достичь такой стадии, на которой будет в состоянии принять диагноз, поставленный учителем.

Если и есть какое-то определение истинного суфия, его можно сформулировать так: в суфии должна присутствовать способность отличать развлечение от инструкций, балаган от учебной ситуации, дидактику от действия, учение об осознанности от терапии. Те, кто только подражают духовным учителям или ученикам, а таких сегодня тысячи, и далеко ходить не надо, верят, что побуждать людей к поклонению и служить для них источником душевного комфорта — и есть духовная, а не эмоциональная или социальная деятельность. Но обман остается обманом, сколько бы людей ни верило, что он — истина...

Итак, сущностное качество суфия — это его способность различать истину и ложь. Не во всех вещах, но только в сущностных. Суфии отличают учение от поиска комфорта по той же причине, по которой они не смешивают любые две вещи, способные работать более эффективно, когда на них концентрируются по отдельности, а не как на частях некоего произвольно предполагаемого целого. Напротив, суфий осознает, что именно благодаря своей способности видеть явления в их истинном свете, различая как негативный, так и позитивный эффект, он может поддерживать суфийскую деятельность в условиях почти враждебного окружения — говоря физическими терминами. Это не делает суфия менее духовным или человеческим, чем другие люди, зарекомендовавшие себя подобным образом, и доказательством (если вообще нужно это доказывать) служит тот факт, что на Востоке суфии неоспоримо признаются последователями всех вероучений как величайшие святые и служители человечества.

УПРОЩЕНИЕ

Я убедился на собственном опыте, что, когда подлинные суфийские определения сформулированы и поняты, ученику намного легче даются суфийское развитие и суфийский путь. Однако для того чтобы появилось значительное число людей, готовых заняться этим высшим видом подлинного суфийского учения, нам, видимо, придется дожидаться времени, когда достаточное количество психологов и других исследователей будут больше хотеть высшего сознания, чем эмоциональной определенности или славы, приносимой элегантными монографиями. Тогда и станет широко распространенным и доступным этот вид знания.

В качестве упражнения в практической психологии стоит заметить, что люди, желающие получить суфийские идеи в упрощенном виде, как снова и снова показывает опыт, *не* улучшают своего понимания в результате такого упрощения. А вот если подобных людей сперва обучают суфийским упражнениям и повышают их способность к концентрации, они перестают нуждаться в каком бы то ни было интеллектуальном анализе, при котором тонкие неуловимые идеи расщепляются на упрощенные гротескные сегменты или мельчайшие частицы, — что делается ради их относительного понимания. Вы можете заметить, в особенности если вы доктор, что не всегда разумно предлагать пациенту самому прописывать себе лекарства. Также, прежде чем предположить, что вы слишком тихо говорите, как утверждает ваш слушатель, удостоверьтесь, не надо ли ему прочистить уши. Человек должен постоянно напоминать себе, что цель обучения — дать ученику то, в чем он на самом деле нуждается...

Следующая история, и возможно, вы ее слышали, весьма лаконично описывает искажения и провалы в коммуникации, которыми страдают многие попытки упростить некоторые идеи.

Некий суфий имел обыкновение изъясняться совершенно бессвязным образом — так, во всяком случае, казалось его слушателям. Он говорил в подобной манере, потому что его собственный учитель научил его именно такой тактике, а также потому, что старался донести свои идеи до одного стандартно мыслящего ученого. Но этот ученый никак не мог понять ни слов, ни действий суфия, ни что бы вообще все это значило. Он то и дело просил суфия говорить по существу, яснее описывать свой опыт, с большей точностью формулировать воспринимаемые им истины и так далее.

Наш мягкосердечный мистик (с несвойственной его профессии уступчивостью, хотя в данном случае этого требует сюжетное развитие истории) снова и снова пытался удовлетворить требования ученого. Наконец его мысли выстроились, приняв форму самого что ни на есть организованного вербального рассуждения, и он их записал. Это длинное и пылкое, но в то же время грамматически корректное выражение его глубочайших переживаний вместе с коротким описанием метода, с помощью которого ему удалось достичь подобной ясности, было послано ученому.

На следующий день манускрипт возвратился к отправителю с таким комментарием ученого:

«Должен признать, что ваша способность выражать свои мысли значительно улучшилась, но добились вы только того, что показали совершенную несостоятельность вашей логики». Ученый не был готов увидеть, что суфий продемонстрировал ему, чем может закончиться попытка переработать инструментальный материал в логическую структуру.

Суфии настаивают, что учитель, учение и обучаемые должны находиться в гармонии и в сонастроенности, иначе наиболее вероятным результатом будет формирование культа — или другие низкопробные кристаллизации. Последователи культов, как на Востоке, так и на Западе, просто замалчивают информацию, хотя имеют доступ к классическим и

авторитетным суфийским текстам, предупреждающим о такой опасности.

Психология в действии, практикуемая на суфийском пути, требует того, чтобы определенные упражнения, как, например, концентрация и рассеивание внимания, уравнивали друг друга.

КОГДА, ГДЕ И С КЕМ

Помимо необходимости подготовить ученика к мистическому опыту, принимающему формы, еще даже не замеченные на Западе, существует еще один важный фактор: как, когда, где и с кем может осуществляться необходимая деятельность, связанная с развитием индивидуума. Сознание должно быть настроено в соответствии с учетом возможностей. Именно это отличает реальное, традиционное суфийское учение от тех его версий, в которых упражнения предписываются ученикам наобум. Следующая индийская история подчеркивает необходимость правильной соразмерности — как в психологии, так и в питании.

Человек пришел в ресторан и заказал рис с карри. Прошло довольно много времени, а заказанного блюда ненесли. Будучи очень голодным, он спросил, чем вызвана задержка. «Видите ли, сэр, — ответили ему, — карри уже готов, а рис еще нет».

«Ну что же, — сказал он, — пока принесите мне карри, а рис я съем после».

Принесли карри, и человек съел его весь до того, как подали рис, поскольку и в самом деле был очень голоден. Затем он понял, что пресный вареный рис невозможно есть без приправы, и попросил еще карри. Пока блюдо готовили, клиент покончил с рисом, и ему пришлось заказать новую порцию, чтобы заедать слишком острый соус. Таким образом, когда ему наконец подали блюдо, в котором оба ингредиента, что называется, уравнивали друг друга, беднягу чуть не стошнило от одного их вида.

Здесь можно вволю пофантазировать о том, что рис соответствует левому полушарию мозга, а карри — правому, но я привел эту историю, чтобы напомнить вам, что некоторые называют суфийский путь «слишком структурированным», а другие — «недостаточно последовательным». И еще я хотел бы подчеркнуть, что рис и карри дополняют друг друга, и *этот* принцип является центральным в суфийской работе.

Неспособность замечать действие данного принципа для суфия эквивалентна поведению человека, обвиняющего хирурга в непоследовательности из-за того, что доктор какие-то части тела отрезает, другие пришивает...

Отчасти оттого, что суфийские учителя особым образом применяли свои техники, что называется, «по ощущению», а не по принципу рабской приверженности письменному пособию, а также из-за неполной и несостоятельной информации, накопленной культурами, в которых приходилось жить суфийскому деятелю, образ суфия обрастал множеством запутанных легенд. Эти факторы, наряду с деятельностью многочисленных имитаторов и самозванных «суфиев», с самых ранних времен зарегистрированной суфийской истории затуманивали для широких масс представление о суфизме. Но суфии пережили это. Более того, они даже этим пользовались, противопоставляя примитивное и чувственное мышление или деятельность реальному суфизму, что я и делаю сейчас...

Существует множество иных факторов — одни, как указывает суфийское знание, являются препятствиями в изучении, а другие явно способствуют ему. Тот факт, что часть суфийского учения выражена в поэзии, в обучающих историях или воплощена в фактических учебных ситуациях или их описаниях, не делает обучение более легким для тех, кому не известно, что подобный способ подачи материала предназначен донести до человека определенную динамику, а не просто обеспечить захватывающим чтивом. Например, учебные истории, если мы хотим на более высоком уровне воспользоваться тем, что в них содержится, должны изучаться в режиме взаимодействия как составной части всестороннего учебного курса, при постоянном наблюдении за прогрессом

учащегося и его поощрении.

В течение последних десяти лет мы опубликовали несколько сотен рассказов, обеспечив им широкое хождение под видом развлекательной литературы. Это также дало нам возможность установить контакт с теми, кто сумел оценить внутренние измерения подобных историй, не нуждаясь в дополнительной работе с ними. Попытки оппортунистов вкратить наши истории в различные существующие системы и эзотерические теории вызвали у людей желание узнать, как на самом деле *следует* применять суфийскую литературу, что дало нам возможность подготовиться к следующей стадии в этом психологическом предприятии. Истории не могут быть просто адаптированы и встроены в произвольные рамки. Мы сознательно удерживались от их преждевременной интерпретации, чтобы не допустить пиратского использования наших материалов некомпетентными людьми или теми, кто еще похлеще некомпетентных.

ТЕМЫ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Суфийская *система*, если вообще в данном случае применимо это слово, постоянно проявляется в соответствующих местным культурам формах. Она рассматривается не как результат исследования, но как следствие применения опыта к специфическим условиям. Суфийский опыт для суфия является космическим и, следовательно, сверхчувственным: человечество обладает способностью воспринять Реальность, лежащую за пределами обычного физического мира. Получив подобный опыт, суфий способен разработать средства для возвращения к нему, а будучи учителем (что совсем не обязательно), может помочь и другим в продвижении по этому пути.

В суфийской литературе тема поиска, или *путешествия*, — обычная условность, всплывающая в таких метафорах, как «караван душ», «возлюбленная» или «искатель Истины». В учебных ситуациях суфийской школы учащийся выходит за пределы этих материалов, оставляя их позади и перерастая значимость символизма, который вначале помогает, но затем, при слишком долгой концентрации на нем, препятствует прогрессу. Таким образом, суфийская система весьма сходна с ситуацией, когда маршируешь по размеченной дорожке, чтобы научиться ходить по прямой, затем выбираешь более сложную разметку и так далее, пока не достигнешь своей цели.

Вышеупомянутый опыт — это не только опыт самореализации, но и опыт, делающий суфия способным понять, какие элементы в этой земной обители относительной истины могут содействовать достижению просветления. Тем самым Реальное возвращается в мир и выражается в приблизительных, но эффективных терминах. Согласно суфиям, Совершенное существует в других измерениях, за пределами нашего, но его локальные формы — приблизительные подобию, ведущие к нему, — проявляются повсеместно. Этим и объясняются некоторые высказывания, бытующие среди суфиев, например: «Обычная любовь — временный эквивалент реальной любви», или: «Творение указывает на Творца». Такой же позицией руководствуется ученый и другой исследователь, когда, идя от обратного, начинает с известного или видимого и затем приходит к более ранним стадиям формирования объекта или даже, если может, к его истокам.

Присущее человеку и столь часто проявляющееся в нем глубокое стремление найти источник всего существующего объясняется, конечно же, тем, что «все возвращается к своему началу»⁴⁷.

* * *

Несколько столетий тому назад Джалаледдин Руми написал поэму, где говорится об

⁴⁷ *Куллу шайин йарджиу ала аслихи* — так звучит по-арабски этот девиз.

эволюции и развитию человека, в результате которых человеческое существо может возвратиться к своему началу. Эволюцией он называет, если можно так выразиться, «путь обратно»; человек на этом пути выталкивает свое сознание вперед, *исключая* ограничивающие факторы, и *включает* другие, приближающие его к месту предназначения, которое находится, как говорят, «за пределами звезд».

ВЫШЕ НЕБЕС...

We are above the skies and *more* than angels...
Although we have descended here, let us speed back: what place is this?
Every form you see has its archetype in the placeless...
From that instant when you came down into the world as it is "of being"
Placed before you to get out was a ladder.
First you were mineral, afterwards vegetable
What you then became was animal, although this is hidden from you.
From that you became humankind, with knowledge, intellect and belief;
After this Earth, from then your place is the sky...⁴⁸

Этот отрывок привел в восторг тех, кто интересуется летающими тарелками, и вы можете оценить позицию этих людей, исходя из моих предыдущих замечаний о скороспелых и поверхностных кристаллизациях различных систем...

Таким образом, суфийская психология может функционировать лишь при наличии осознанности единства всего Творения, единства Творения со всем Сущим и всего Сущего с Вечным.

Нет необходимости, да и причин, отрицать, что слова и действия суфиев всегда намекали на существование космического плана, частью которого является человечество. Человеческие общества рассматриваются суфиями как составляющие этого плана, религии — как инструменты его реализации, а все виды знания признаются имеющими к нему более или менее непосредственное отношение. Роль суфия (так называют реализованного мужчину или женщину, а не обыкновенного искателя Истины, ибо не существует суфия, который все еще учится, как не бывает доктора — студента медицинского вуза) видится в том, чтобы служить, не больше и не меньше, инструментом воплощения плана — но сознательным инструментом, не таким, как доброжелатели, герои, ревностные последователи или оптимисты, и даже целеустремленные монахи.

ВЫСШИЕ КОНЦЕПЦИИ

Роль суфия зачастую определяется в весьма драматических терминах: суфий — это

⁴⁸ Избранные стихи из поэтического сборника *Джалаледдина Руми: "Divani Shamsi Tabriz"*. Персидский текст издан Р.А.Никольсоном (Cambridge University Press, 1952. Перевод на английский Идриса Шаха).

Мы выше небес и превосходим ангелов...

Сюда мы опустились, но давайте поспешим назад,

Разве это место для нас?

Каждая форма, которую ты видишь, имеет свой архетип там, вне всякого места...

Как только ты опустился в этот мир («бытия»),

Тебе подали лестницу, чтобы мог ты из него выбраться,

Вначале ты был минералом, затем растением,

Потом ты стал животным, хотя это и скрыто от тебя.

Теперь ты человеческое существо, у тебя есть знание, разум и вера;

После этой Земли Небеса станут твоим местом...

человек, свободный как от страха потерь, так и от жажды приобретения; только такая личность, как утверждают, может осуществлять функции, выходящие за пределы возможностей обычного человека, попавшего в ловушку кнута и пряника повседневной жизни. Он или она, будучи суфием, имеет более широкий выбор возможностей — хотя часто в иных областях, — чем другие люди.

У торгующих одними только наградами и наказаниями, или у людей, верящих, что удел человека — невежество, и даже у некоторых из тех, кто полагает, будто человек славен только своими надеждами и страхами, подобный образ мысли, вполне естественно, вызывает крайнее отторжение. Таких людей и такие состояния ума суфии считают стенами, разделяющими человека, каким он является сейчас, от того, кем он потенциально может стать, тогда как сами эти люди воображают (надо сказать, вопреки свидетельствам), что суфийская деятельность мотивируется мечтами о могуществе или жаждой власти. В качестве аргумента они ссылаются на цитируемые ниже стихи, автор которых задевает ординарные человеческие устремления и намекает на высшую функцию человечества, даже и в мечтах невообразимую:

В кельях и обителях, в монастырях и синагогах

Одни боятся ада, другие мечтают о рае.

Но тот, кто воистину знает тайны своего Бога,

Не посеял таких семян в своем сердце.

(Омар Хайям)

Этих слов оказалось вполне достаточно, чтобы вызвать цепную реакцию обвинений суфиев в антирелигиозности со стороны поверхностных людей.

В небольшом отрывке, притом отнюдь не единственном на подобную тему, Руми делает весьма необычные для своего времени, то есть для XIII века, заявления:

- Человечество вышло из моря.
- Мир, которому принадлежит человечество, — выше небес.
- Спустившись на Землю, человек должен попытаться возвратиться назад.
- Человек не должен попусту тратить время на то, что, в сущности, является театральным представлением.

• Никогда не прерывается звук, или тон, или зов, призывающий человека вернуться назад.

Каждое из этих утверждений заслуживает внимания, каждое имеет свое применение, но все они относятся к технической, а не описательной литературе...

Суфий должен быть способен мыслить в режиме чередования относительного и Абсолютного, подобия и Реальности.

Следовательно, основной момент суфийского мышления состоит в том, что существует Абсолют, по отношению к которому обычно воспринимаемые вещи должны считаться локальными конкретизациями. Вот почему привязанность к второстепенным вещам, когда человек не в состоянии от них отрешиться, подавляет потенциал к восприятию Абсолюта. Этот принцип кратко выражен в суфийском афоризме: *Аль муджазу канарат аль хакика*, «Относительное — это русло, ведущее к Истине».

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Одна из интересных возможностей, открывшихся перед нами благодаря недавнему успеху в познании полушарной специализации мозга, состоит в том, что эта новая научная концепция дает нам современный язык, с помощью которого можно выразить некоторые понятия. До недавнего времени идея уравнивания предположительно противоположных друг другу интеллектуальной и эмоциональной деятельности вполне

отвечала нашим потребностям, и мы все еще можем использовать эти метафоры для некоторых целей. Но когда мы осознали, что многие интеллектуальные виды деятельности, несомненно, *связаны* с эмоциями, а эмоциональная активность находится под влиянием интеллекта, прежний язык («эмоции» — «интеллект») стал менее актуальным. Теория двух полушарий мозга полезна как гипотеза, опираясь на которую человек может пойти дальше, вступив в сферу взаимодействия специфичного и абстрактного.

Несомненно, мы можем приписать некоторым суфийским процедурам функцию стимулирования холистического, так же как и линейно-последовательного способа мышления. В качестве примера рассмотрим «специализированную» поэзию и ее использование у суфиев.

Если проигнорировать на какой-то момент ощущение культурного «шока», которое мы можем испытать от якобы антирелигиозных чувств, выраженных в приведенных ниже стихах великого святого Джалаледдина Руми, мы сможем увидеть, как необычное использование вербально-аналитической части мозга чуть ли не понуждает к действию формирующее образы холистическое полушарие. В приводимом поэтическом отрывке (который на персидском языке обладает великолепными художественными достоинствами) этот эффект достигается в результате того, что звук, символ и чувства искусно соединены в единое целое:

How is this to be handled, O Moslems?

For I do not know myself.

Neither Christian, nor Jew am I, not Fire-Worshipper nor Moslem. Neither Easterner nor Westerner, not of the land or of the sea... Not of this world nor of the next, neither of Heaven or of Hell... my place is placeless, my aim is without aim... There is no body, there is no soul; for I am *from* the Soul of Souls...⁴⁹

Хотя это стихотворение выражено в достаточно линейных терминах, трудно себе представить что-то более нелинейное по своему воздействию.

ЭЛЕМЕНТ ШОКА

Руми здесь подчеркивает, что внешние формулировки, какими бы ценными они ни были в определенном смысле, не являются сущностью Истины. Используя элемент «шока» (в крайне структурированном и благочестивом обществе, нечасто встречающемся в наши дни), он выступает против обычных человеческих зависимостей, призывая человека выйти за пределы предполагаемых сущностных императивов, принятых в обществе норм, за границы неисследованной общепринятой мудрости и вещей, за которые люди пытаются уцепиться в убеждении, что все это представляет собой нечто окончательное или его приемлемые суррогаты.

Именно такой эффект создается посланием, когда оно проявляется в действии и в контексте суфийской ситуации. Но для формальных мыслителей или буквалистов, а из них состоит большая часть человечества, эффект этих строк ограничивается тем, что

⁴⁹ Джалаледдин Руми. "Divan of Shams-I-Tabriz". Персидский текст из сборника оригиналов на персидском Р.А.Никольсона, перевод на английский Идриса Шаха.

Как мне быть, о мусульмане,
Ведь я не знаю себя.

Не христианин я и не еврей, не огнепоклонник и не мусульманин. Ни с Востока, ни с Запада; ни от суши, ни от моря... ни от этого мира, ни от другого, ни от Небес, ни от Ада... мое место не имеет места, моя цель вне цели... Не осталось ни тела, ни души, ибо я исхожу от Души Душ...

подобные люди начинают воображать, будто автор и сам не знает, о чем говорит, будто он — вероотступник или просто рифмоплет, не озабоченный смыслом. С другой стороны, если люди упиваются этим отрывком только для того, чтобы шокировать себя или других, суфийский психологический эффект, предназначенный подобной литературе, начисто исчезает, какой бы остроумной или прогрессивной люди ее ни считали.

Иногда, когда мне хочется посмеяться, я беру тот или иной сборник академических статей, в которых какой-нибудь автор то и дело пытается разгадать, «на какой стадии своего духовного развития Руми прошел через отрицание религии».

И все же цитаты, подобные приведенному стиху, — а также его схоластические или дилетантские отголоски — составляют не более чем фрагмент огромного диапазона суфийских идей и, следовательно, являются учебным сырьем, используемым в подлинной суфийской атмосфере.

Огромное количество пены, то тут, то там образовавшейся на поверхности суфийского учения в течение последнего тысячелетия или около того, уже само по себе исказило восприятие деятельности, высказываний, да и личности суфийских мастеров. Ситуация эта зашла настолько далеко, что, как я уже отмечал ранее, поразительная жажда всякого рода эксцентричности и экстравагантные заблуждения самозванных толкователей суфийской мысли и практики послужили распространению пустопорожних, подражательных организаций, захлестнувших целые районы Востока и оказывающих сильное влияние на массовое сознание, — в результате даже самые искренние люди, не имеющие, однако, доступа к подлинным фактам, считают их истинно суфийскими. К счастью, это почти всегда принимает лишь локальные формы, и потому когда люди — а таких найдется немного — будут готовы взять на себя труд изучить суфийскую литературу в целом, они легко увидят, что эти, по общему признанию, впечатляющие, но весьма обманчивые группировки неспособны вместить тех, кого мы называем суфиями, и не в состоянии в суфийской манере проводить изучение классической литературы и жизнеспособных школ или проецируемой ими в современных условиях деятельности.

СУФИИ-ИМИТАТОРЫ

Основная причина существования, так сказать, «суфийских» балаганов, конечно же, более заметных, нежели подлинные школы, состоит в том, что, помимо публичного спроса на всякие зрелищные мероприятия, большинство настоящих суфиев фактически избегают, насколько возможно, показухи, разговоров о тайнах и какой бы то ни было вычурности. Кроме того, они совершенно не интересуются скучной полуокультурной дидактикой, характерной для многих современных авторов, пишущих о суфизме.

«Учитель, — как сказал один из выдающихся представителей суфизма, — это тот, кто отказывается от церемониального и религиозного спектакля, от социальной видимости и концентрируется на *реальном* развитии»⁵⁰.

Так как суфий использует все законные средства, чтобы самым эффективным образом и с пользой донести свой опыт и учение до людей, способных воспринять их, он будет почти невидим для тех, кто ожидает, что его работа должна происходить в очень заметной форме. Древняя суфийская поговорка гласит: «То, что самозванный мистик стремится найти лишь в своих медитациях, для суфия становится очевидным на каждом углу и в любом закоулке»⁵¹.

Прибавьте к этому, пусть даже незначительную, деталь традиционного поведения суфиев, состоящую в том, что «некоторые из них хорошо одеваются, едят изысканную

⁵⁰ Шах Ибрагим Газур-и-Илахи. «Иршадат».

⁵¹ Шах Ибрагим Газур-и-Илахи. «Иршадат».

пищу, чтобы всем этим оттолкнуть от себя верхоглядов, судящих о вещах необдуманно и поверхностно»⁵², о чем свидетельствует не менее достоверное предание, и вы поймете, почему говорится, что суфий спрятан гораздо глубже всего остального на Земле. Если вы судите по внешности, то суфий захочет от вас избавиться, для чего ему доступен весь арсенал средств этого мира...

Это также объясняет, почему суфийское понимание и сегодня продолжает оставаться таким же действенным, как всегда. Наш собственный опыт делает бессмысленными часто задаваемые вопросы неизменно многочисленных ограниченных мыслителей, интересующихся, куда подевались суфийские гиганты и почему они не рождаются сегодня. Вопрос этот имеет смысл лишь в том случае, если вы предполагаете, что суфии обязательно должны быть возвышающимися до небес личностями или чем-то вроде чудаков и что суфизм должен порождать именно таких людей, а не тех, кто служит человечеству, — занимаются они этим открыто или нет, наклеивают ли на них ярлык суфия или нет.

Не существует, по-видимому, более сильного доказательства выборочного, «избирательного» изучения суфийских материалов или возведенного в институт тупоумия, чем факт, что люди, поклоняющиеся личностям и жаждущие их появления, всегда игнорировали слова некоторых из величайших личностей: «Не смотри на мою внешность, а бери то, что лежит на моей ладони» (Руми), и еще: «Функция учителя не в том, чтобы выглядеть важным и совершать чудеса: он должен обладать лишь тем, что необходимо для его учеников» (Газали). Испытывая перед учителем благоговение, вы точно так же ничему не сможете научиться, как и пренебрегая им. Выражаясь современным языком, суфии настаивают на различии между шоуменом и наставником, между эмоционалистом и свершителем, достигающим своих целей. Под «свершителем» мы, конечно, имеем в виду эффективную личность, а не человека, преуспевшего в модных сегодня профессиях.

Способность суфиев действовать, не трубя об этом по всему свету, разумеется, имеет свою ценность для определенных периодов времени и мест, где репрессивные системы ограничивают свободу слова или самовыражения, а такая ситуация существует в некоторых странах и по сей день. Что же касается открытых сообществ, требующих своей доли в просвещении исключительно через упрощенные формулы, то и они являются по-своему репрессивными в изучении вещей, которые выходят за пределы одобренных культурой целей.

Далее, если культура находится в определенной периодически повторяющейся *фазе*, когда она охотно принимает и поощряет в основном деятельность тех, кто фактически развлекает людей и стимулирует их эмоции или линейный интеллект (связано ли это теоретически с национальной ориентацией на религию либо на психологию или нет), то и в такой период неброская, четко сформулированная деятельность и процедуры суфиев привлекают к себе сравнительно мало интереса. В такие периоды суфийское делание осуществляется в частном порядке, и распространяющиеся по оккультистским каналам слухи вас на него не выведут.

Только недавно в некоторых странах создались достаточно стабильные условия для того, чтобы суфийские концепции могли быть услышаны напрямую довольно большим количеством рациональных людей, которых не обескуражили ссылки суфиев на идеи, чаще всего считавшиеся немодными. Весьма многим западным мыслителям действительно хватило наблюдательности — и великодушия — заявить, что современный интерес к суфиям во многом коренится, как сказал один из этих мыслителей, «в жадности, а не в стремлении к знанию».

Здесь мы касаемся факта, имеющего отношение к структуре. Для того чтобы увидеть,

⁵² Там же.

как эта структура связана с вопросами современности, я предлагаю окинуть беглым взглядом некоторые исторические, литературные, межкультурные и другие развивающиеся аспекты суфийского учения. После этого мы вернемся к иным аспектам суфийского интереса к человеческой психологии, с которыми можно обращаться в более последовательной манере.

ИСТОРИЯ И СУФИИ

Рассмотрение суфизма очень часто начинается со следующих вопросов и попыток дать ответ на них:

«Как возник суфизм и что является его основой?» Согласно историческим документам, происхождение суфизма относят к трем источникам, представляющим, по утверждению многих суфиев, три сущностно разные манифестации одного и того же сверхфизического, космического и божественного импульса. Вот эти источники:

1. Суфизм был известен всем народам под многими именами от начала времен;
2. Суфизм как внутренний компонент всеобщей религии был передан Пророком Мухаммедом своему ученику и зятю Али, а также другим людям.
3. Суфизм продолжал свое существование бок о бок с пророческой передачей, проявившись, например, в независимом свидетельстве исторического персонажа Увайса Эль Карни, современника Пророка, который, однако, никогда не встречал его¹.

Как бы то ни было, Аль-Худжвири в первом персидском трактате о суфиях и их идеях отметил, что у суфизма, по природе своей вечного и возвышенного, нет истории, какая, скажем, есть у всего остального. Что он хочет подчеркнуть подобным утверждением, так это то, что прошлое суфиев не имеет значения по сравнению с их вечным существованием и функцией. То, что многим кажется «историей суфиев», на самом деле — остатки неизбежно кратковременных процедур и различных видов деятельности.

Таким образом, суфийский феномен не так-то легко считать продуктом культуры, хотя мусульманские суфии всегда подчеркивали, что суфийская интуиция вполне совместима с исламом и в то же время составляет внутреннее измерение всех других неповрежденных религий. Это убеждение, как с некоторым изумлением отмечают многие люди, широко принималось последователями нескольких религий, глубоко погруженными в изучение суфизма: иудеями, индуистами и христианами.

Согласно общераспространенному знанию, суфийское учение и практика в основном развивались и передавались в исламском мире, и все публично практиковавшие суфийские учителя жили среди мусульманской паствы. Однако огромное количество свидетельств подтверждает, что сами суфии признавали существование суфиев далеко за пределами традиционной исламской структуры. Ситуация фактически еще больше усложняется тем фактом, что одних суфиев считали наивысшими образцами исламской теологии (как, например, Аль-Газали, умершего в 1111 году), а других — вероотступниками и богохульниками (как это было с Ибн Араби Испанцем, умершим в 1240 году). Подобные противоречивые оценки воспринимаются сегодня не иначе как отражение предубеждений самих наблюдателей.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ РЕЛИГИЯ

Проблема предубеждений была решена ретроспективно, когда люди поняли, что все подлинно духовные устремления человека могут рассматриваться как имеющие единый источник и что различны только проявления, навязанные культурными и местными условиями. Например, великие религии рассматриваются с этой точки зрения как частичные проявления континуума восприятия человеческих нужд, достигшего своей

кульминации в исламе, последней мировой религии, которая появилась в VII веке христианского летоисчисления.

Как исламской идеологии, так и христианскому мышлению нетрудно, конечно, допустить идею существования вечной религии, хотя немногие, похоже, способны принимать это во внимание с какой-либо пользой для себя. Коран, например, ссылается на верующих *еврейского* вероисповедания, существовавшего до ислама, как на «мусульман», а святой Августин говорил, что христианство существовало во времена, предшествовавшие историческому Иисусу.

БУКВАЛИСТЫ И ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЕ

Психологическая проблема, возникшая в средние века в отношениях между суфиями и мусульманскими теологами-буквалистами, очень напоминала существовавшую и в христианстве проблему предполагаемого конфликта религиозной веры с мистическим восприятием. Если вера и соблюдение Священного Закона — высшие религиозные добродетели, то зачем нужен непосредственный контакт с Вечным и возможен ли он вообще? Если цель подобного контакта — превзойти узаконенную полноту духовного завета Веры, то разве такая концепция не граничит с опасной элитарностью? Если в погоне за этой целью один человек становится в религиозном смысле выше другого, то где же тогда равенство всех верующих? А как насчет церковной иерархии? Так как в прошлые времена религиозные заслуги и «добродетель» человека оценивались только по его видимому *поведению*, то не правы ли были те, кто утверждали, что возможность достижения более «реального» познания Бога (познания, отличного от узаконенного, ритуального и социального служения земному выражению Божества) устанавливает альтернативную иерархию заслуг, частично невидимую, и уж конечно, не поддающуюся никакому контролю?

Все эти вопросы обсуждались в средние века как христианскими, так и исламскими теологами. В христианском мире к мистицизму в основном относились гораздо жестче; отчасти это было связано с тем, что церковь представляла собой более централизованную организацию, а отчасти с тем, что, по мнению большинства теологов того времени, Библия, в отличие от Корана, не допускала и возможности, что не подтвержденные существующей религиозной догмой высказывания независимых индивидуумов могут иметь мистический смысл.

Мнение о суфиях следовало бы составлять на основе того огромного материала, который даже называют «фактическим источником современных психологических исследований и публикаций». Как мы уже отмечали, суфии заявляли, что верования людей могут создаваться в результате внушения и часто именно таким образом и создаются. Они также настоятельно указывали, что лицемерие невозможно проконтролировать с помощью социального законодательства, каким бы благочестивым ни был источник самих законов, и заявляли, что порок этот можно преодолеть только в процессе самопознания. Суфии приводили отрывки из Корана, подтверждающие реальную возможность индивидуального познания Бесконечного. Но подобные заявления и культурный вклад далеко не исчерпывают всего суфийского наследия, о чем свидетельствует огромная библиография по суфизму. Даже западные ученые были просто заморожены этим феноменом — в течение последних двухсот лет на западных языках в среднем каждые четырнадцать дней публиковалась одна работа, посвященная суфизму. Поэтому изучение суфийских идей, пусть и не всегда сопровождавшееся глубоким пониманием, не является чем-то новым даже для Запада.

У суфиев, однако, ушло около пятисот лет, прежде чем их учения завоевали себе признание в исламе. Произошло это примерно восемьсот лет назад.

МНОГОСТОРОННОСТЬ СУФИЗМА

В течение всего этого периода суфиев иногда канонизировали как святых, а иногда казнили в судебном порядке; то упрекали в легкомыслии, то — в чрезмерно строгом образе жизни. Кроме того, им приписывали все характеристики, заполняющие диапазон между этими двумя крайностями. Но на протяжении всего упомянутого периода и впоследствии репутацию суфиев в значительной степени укрепляло непрерывное появление суфийской классической литературы на нескольких основных восточных языках, а также то, что из суфийской среды постоянно выходили удивительно сильные, многогранные, притягательные и талантливые личности. Все это, согласно самим суфиям, а также в глазах многих сторонних наблюдателей, являлось внешним воплощением их внутреннего развития. Именно в сверхфизическом восприятии видели источник суфийской способности формулировать скрытые законы психологии и факты физической науки, обходясь без того, что считается сегодня неотъемлемой частью научного исследования, то есть научной аппаратуры, и именно таким образом объясняются другие обескураживающие познания суфиев, о которых я упоминал ранее.

Параллельно с вышеописанными событиями произошел и ряд других. Ученые прошлого, как и их современные коллеги, вполне адекватно продемонстрировали, что суфийская мысль была воспринята практически всеми культурами, составлявшими в те времена основную часть известного мира. И в самом деле, нет другой зарегистрированной в истории системы мистической мысли, которая сумела привлечь и сделать своими последователями одновременно благочестивых и вольнодумных мыслителей иудейского, христианского и индуистского вероисповедания, эффективно преодолевая барьеры непонимания между людьми и идеологическое противоборство, которое на протяжении всего этого периода ничем не уступало антагонизму, характерному для человечества во все времена.

Суфийские идеи, кроме того, настолько проникли в религиозные, светские и научные произведения и исследовательские труды авторов Среднего Востока, Центральной Азии и Европы, что подобный феномен не имеет прецедента в истории. Некоторые суфийские учителя привлекали толпы последователей, не обязательно исповедовавших ислам. Все это отражено в достоверных, хотя иногда и сбивающих с толку исторических документах.

Разумеется, в те времена не существовало нынешнего разделения на академические дисциплины и специальности. Поэтому вплоть до конца средних веков суфии от китайских пределов и Малайзии до Туркестана и Индии, от Турции до Аравии, от Африки до Испании продолжали свои исследования и обучение во многих, как их сегодня называют, специализированных областях науки. Их работа и публикации касались религии, литературы, поэзии, астрономии, физики, общественных явлений и психологических исследований. Таков был диапазон этих «непрактичных диссидентов не от мира сего», как назвал их один запутавшийся и других запутывающий историк.

ПОДХОД К ЗНАНИЮ

И все же суфийский подход к знанию разительно отличается от позиции европейского «человека Ренессанса», преуспевавшего во всем, что его могло заинтересовать. Считается, что выбор суфием мирских занятий как раньше, так и теперь определяется осознанием *ценности* этой деятельности для человеческой расы, в соответствии с его восприятием космического замысла.

Выбор изучения и деятельности для него диктуется *суфийским* пониманием, а не произвольным интересом к тому или другому. Суфии не подогревают в себе интерес к чему-то, чтобы затем заняться поиском фактов. Они раскрывают последовательные слои Реальности посредством их понимания. «Опыт без понимания — все равно что вода,

лишенная влажности».

Суфий сформулировал бы это в таких выражениях современного, почти разговорного языка: «Знание Абсолютной истины трансформирует человека. Именно это и ставит все остальное на свои места». Суфий может учить — если такова его функция (многие исторические суфии не принимали учеников) — благодаря своей сознательности, которая делает его способным: (а) знать себя; (б) знать своих учеников; (в) знать, как обучать. Обыкновенное желание учить считается недугом, коренящимся в амбиции, развивающейся в человеке раньше, чем созревает его понимание.

ЖЕЛАНИЕ УЧИТЬ ЛИШАЕТ СПОСОБНОСТИ

Один выдающийся суфий сказал: «У меня было желание учить. Поэтому я решил никого не учить, пока не стану достаточно зрелым, чтобы делать это правильно, чтобы желание не влияло на мою способность и не препятствовало выполнению долга перед учениками. Когда желание учить оставило меня, я стал учителем». Ученые, руководствующиеся чувством профессионального призвания, приверженцы эмоциональных ценностей и другие им подобные встречают эту вполне здравую позицию с изумлением и даже недоверием.

Таким образом, умение суфия оценить своего ученика благодаря собственной способности дает ему возможность разработать курс обучения. Если суфий не является учителем, то он выполняет в обществе другие функции, соответственно определяемые, но это уже совсем другая тема.

НАСТРОЕННОСТЬ

Суфийская психология подразумевает, что суфий должен привести себя в созвучие с индивидуальным и коллективным человечеством, а также в эквивалентное созвучие с конечной Реальностью, а это значит достижение гармонии, возможной только после прохождения «практикантом» соответствующей тренировки. Однако ни практика такого рода, ни тренировка не имеют ничего общего с тем, что обычно понимается под этими словами в других известных нам областях.

Следовательно, суфизм целенаправлен, и цель его — это прежде всего *понимание*. Для того чтобы понимать, человек должен пройти курс подлинного суфийского обучения, а не только ознакомиться с его внешними аспектами, которые, скорее всего, уже не актуальны и были заменены.

Суфий должен узнать себя прежде, чем он сможет понимать других, и сделать это в том смысле и на том уровне, на котором, согласно его убеждению, действует суфийская психология.

Имея дело с мышлением западного образца, мы должны включить в используемые нами процедуры нижеследующие принципы, как это всегда делается, когда новые идеи вводятся в *любую* культуру.

В представляемом материале должно содержаться нечто достаточно знакомое для учащихся, чтобы им было на чем основываться. Используя принципы суфийской психологии, мы можем создать такую основу, вводя, например, концепцию гибкости; идею о том, что в погоне за *чрезмерными* эмоциями человек становится самоупоенным потребителем и тормозит свое развитие, что часто он принимает развлечение за изучение и т.п. — такие идеи даются с тем, чтобы аудитория могла задуматься. Эти положения выполняют как информативную функцию, так и расширяют мышление учащегося. Одна из причин необходимости поддерживать постоянные отношения с учащимся состоит, конечно, в том, что некоторые из них не упустят случая зацепиться за один или несколько

«новых принципов», воображая, что теперь у них есть волшебный ключ от любого замка. Мир переполнен людьми, которые мыслят именно так и даже основали свои собственные школы, пристегнутые к таким принципам, как, скажем, «чрезмерная приверженность к эмоциям — это плохо», «количество лучше качества» — или наоборот. Подражательство и преждевременная деятельность — зуд применить что-то на практике — отнюдь не ограничиваются одними только «грузовыми» культурами в Новой Гвинее.

Поэтому «антропология, как и благотворительность, должна начинаться у себя дома». Вам, возможно, приходилось заниматься антропологией где-нибудь в чужих краях, где «грузовые» культуры слишком очевидны, чтобы их не заметить, но вы можете с пользой применить эту науку в любой стране, и прежде всего для понимания тех особенностей человеческого мышления, которыми люди обычно пренебрегают.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Но даже когда человек исследует упущенные из виду аспекты человеческого мышления, за его работой необходимо тщательно наблюдать, потому что культура может создавать в нем пристрастие к ошибочным интерпретациям, или вместо плодотворного изучения его занятия могут вылиться в самоупоенную деятельность, или, возможно, над ним возьмет верх его древнее примитивное начало.

Несколько недель назад я посетил одну общину и услышал весьма впечатляющую, очень громкую молитву, которую нараспев выкрикивал одетый в соответствующую одежду проситель. Этот человек впоследствии пытался убедить меня, что он — «суфий». Я спросил его, почему он молился: «Боже, сохрани Джо, Билла, Мака, Люси и Санчеза, а также собаку Тикертак...» — сопровождая свою мольбу спазматическими «искренними» жестами, то и дело воздымая руки, притом с выражением такого отчаяния на лице, что я даже испугался за его здоровье.

«Видите ли, недавно со слов моего учителя мне *как бы* стало понятно, что я *как бы* слишком эгоистичен. В то же время я очень *беспокоюсь*, что со мной может что-то случиться. Поэтому я решил отныне молиться не о себе, потому что это эгоистично, но о каждом члене нашей общины, включая собаку. Если Бог позаботится о них, Он также должен будет позаботиться и обо *мне*, ведь я *живу* среди них; *никакого* вреда не случится со мной, пока я буду держаться поближе к остальным...» Конечно, я уверен, что человек этот не очень-то типичен...

После того как учащийся овладеет тем, что ему знакомо в содержании учебных материалов, и содержащееся в материалах окажет свое воздействие на его ум, мы должны будем убедиться, что теперь он способен видеть себя и других, а также некоторые свои традиционные ценности, в новом свете или в дополнительном измерении, то есть в некотором *техническом* аспекте. Предположим, вы понимаете ценность терпения, самоотречения или служения в сентиментальном смысле. Но если вы сумеете *также* увидеть в подобных вещах нечто наделяющее человека способностью учиться, — вам удастся ухватить идею дополнительной *динамики*, которая содержится в подобных практиках, и понять, что это отличается от их предположительно магических или демонстративно сентиментальных функций.

По мере участия в этих и других процессах вы наверняка привлечете к себе людей, составляющих весь спектр человеческих типов. Так как ментальное равновесие некоторых зависит от веры в истинность определенных понятий, те, кто решат, что вы их отрицаете, будут находиться в оппозиции к вам. Те же, чье ментальное равновесие или социальная интеграция зависят от веры в истинность каких-то других идей и кто полагает, что вы укрепляете их веру, — определенно полюбят вас. Но симпатии и антипатии не имеют никакого отношения к суфийской деятельности.

Во всем этом проявляется бессознательное желание людей манипулировать —

привычка, которая очень сильна в умах, во всех других отношениях весьма заурядных, и привычка эта будет сохраняться до тех пор, пока они не начнут понимать, что суфийская деятельность — не вопрос выигрыша или проигрыша, или легкого выигрыша без усилий, или опять-таки выигрыша в результате наобум осуществляемых усилий. Недавно в совершенно ином контексте (и здесь надо отметить, что человек отдавал себе полный отчет в своих действиях) я услышал об умышленном манипулировании ситуацией, наподобие того, что мы наблюдаем в поведении суфийских претендентов. Итак, один человек рассказал мне, что хотел снять квартиру в Риме в период, когда это очень трудно сделать из-за огромного наплыва паломников.

Он дал в газету объявление с таким текстом: «Я — грешник и ненавижу своих ближних, но мне срочно нужна квартира в Риме на такой-то срок».

Объявления его друзей, также подыскивавших себе квартиры, остались без отклика, он же получил огромное количество предложений от богобоязненных итальянцев, желавших обратить его в веру или помочь ему в борьбе с грехами, по-видимому, чтобы самим заработать заслугу перед Господом... Это можно считать социальной или психологической манипуляцией, даже чем-то вроде религиозного акта, но в суфизме подобному поведению нет места.

Разобравшись с этой проблемой, перейдем к следующему положению: поскольку, как мы говорим, наши мысли и действия в суфизме *никоим образом* не требуют от нас жертвовать нашим нынешним характером — ибо суфизм, скорее, имеет отношение к некоторому умению или другой дополнительной способности, которые, будучи проявленными, сами укажут нам, какие черты нашего характера могли бы измениться (если, конечно, в этом будет реальная необходимость), мы имеем право заявлять, что скорее участвуем в образовании, чем в терапии, что мы работаем в сфере высшей психологии, а не в индустрии развлечений, занимаемся развитием понимания, а не культивированием веры.

Здесь я хочу обратить ваше внимание на смесь утверждений, демонстраций, фактов и практик, составляющих видимую часть суфийской деятельности. Суфии являются сущим проклятием для формальных мыслителей, так как без колебаний прервут, если посчитают это необходимым, последовательный ход мыслей, который можно было бы направить в русло логического построения. Они раздражают ученых, утверждая, что суфийская литература и предполагаемые догмы на самом деле служат *инструментальным* материалом, а не просто текстами, из которых необходимо извлечь некий логический смысл, размышляя над ними в режиме линейного мышления или выуживая из *каждого* литературного произведения какое-то значение в надежде, что оно применимо к любому человеку в любое время. Они бросают вызов слишком чувствительным натурам, настойчиво утверждая, что есть предел потреблению эмоциональных стимулов, но не отрицают при этом, что слишком малое количество подобных стимулов неблагоприятно скажется на структуре ума, тела и общины. Общеизвестно, что слащавая сентиментальность препятствует пониманию высших вещей.

Вот почему любое представление суфийских принципов, практики и суфийской мысли и даже их возможное применение для решения каждодневных проблем должно осуществляться как часть целого. Это целое и есть бытие суфия, и потому отдельные концепции и формулы (столь интересующие людей, пытающихся строить обобщающие теории) для нас вторичны, являясь производными от чего-то иного — в конечном итоге гораздо более полезного. И здесь надо отметить, что речь идет не просто о чем-то более полезном, а о том, что в конце концов избавляет нас от самой необходимости строить обобщающие теории, потому что мы начинаем получать ответы в результате холистического восприятия, экстраполируя их из единого (хотя и постепенно разворачивающегося) простого опыта. С этой точки зрения изучение, например, работы человеческого ума посредством анализа отдельных фактов, которые собираются и сличаются, — слишком *трудоемкий* способ познания.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ МЕТОДЫ

Иллюстрацией сказанному послужит такая история. Не останавливайте меня, если вы ее уже слышали, потому что, думаю, это тот случай, когда повторение не повредит.

Давайте вместе войдем в отдаленную и — разумеется — таинственную и почти недосыгаемую цитадель, в которой суфий разговаривает с учеником.

Ученик только что спросил учителя, чем отличаются различные подходы к обретению знания, ибо хотел бы воспользоваться имеющимися у него возможностями для того, чтобы исследовать некоторые из этих подходов, лежащие в настоящий момент вне пределов его досягаемости.

Мудрец говорит: «Да, *есть*, конечно, *две* возможности достичь высшего знания, постигнуть и преодолеть препятствия к пониманию — выполнить человеческий долг. Это *естественный* метод и *сверхъестественный*».

«В чем состоит естественный метод?» — спрашивает ученик.

«Применить *естественный* метод — значит руководствоваться суфийским принципом: заниматься изучением посредством собственных методов изучения, которые традиционны только в том смысле, что диктуются самим источником...»

«А сверхъестественный?»

«О, сверхъестественный — это если бы с помощью академических и научных методов (как они используются на Западе) можно было достичь каких-то результатов...»

Но, будучи восточной психологией, суфийская практика иногда необычна и трудна для тех, кого воспитали мыслить по принципу «или... или».

Джалаледдин Руми прекрасно формулирует эту позицию, заявляя, что «вещи, кажущиеся противоположными, на самом деле могут действовать совместно». Думаю, здесь мы видим яркий пример восточного мышления, когда *предполагаемое* противоборство может фактически действовать в направлении, противоположном своему номинальному значению.

Этот принцип был облечен в форму, понятную людям, и выражен на Востоке в виде сказки, чтобы показать, как мы видим действие социальных и психологических сил, когда эффект определенных событий противоположен запланированному их инициатором, а объективный наблюдатель, благодаря своей проницательности, способен обратить эффект себе на пользу.

ВЗЯТКА

Мулла Насреддин, типичный персонаж многих анекдотов, часто фигурирующий в подобных историях, готовится в этом рассказе к судебному процессу, где он выступает против некоего человека. Он спрашивает своего адвоката: «Как вы думаете, если я пошлю судье сто золотых, поспособствует ли это решению дела в мою пользу?»

Адвокат приходит в ужас. «Если вы только посмеете это сделать, — восклицает он, — судья наверняка признает вас виновным, а может быть, даже арестует за попытку подкупа!»

«Вы уверены?»

«Абсолютно, ведь я *знаю* этого судью», — убежденно отвечает адвокат.

Суд начался, и Мулла выиграл дело.

«Ну вот, видите, справедливость восстановлена, — говорит ему адвокат по окончании суда, — и вы не можете этого отрицать».

«Что да, то да, — отвечает Насреддин, — но золотые тоже поспособствовали...»

«Вы хотите сказать, что послали судье *деньги?!*» — вскричал адвокат.

«Ну разумеется, — сказал Мулла, — но я сделал это от имени моего *оппонента*».

Насреддин, конечно, используется в данном контексте как инструмент демонстрации механизма событий, а вовсе не как пример поведения человека в подобных обстоятельствах. Люди в учебной ситуации интерпретируют инструктирующие суфийские рассказы соответственно своей развивающейся способности распознавать определенные моменты и их эквивалент в человеческих системах мышления и ментальных процессах. Поверхностный мыслитель, возможно, вообразит, что это не более чем история об обмане и мошенничестве. Но суфий скажет: «Вы же не называете мошенницей водяную мельницу, которая обманом заставляет реку вращать себя?» В этом смысле суфий выступает как инженер, а инструментальность обретает первостепенную важность на высших уровнях восприятия.

Человеку очень важно осознавать, что ему надо делать, а также где и когда делать, вместо того чтобы просто позволять установленным нормам и предположениям других людей подталкивать его.

История о «настоящих и искусственных цветах», в одной из ее интерпретаций, показывает, как можно заново обдумать какую-то ситуацию, а также — как ей найти соответствующее место и не воображать, что называемое духовным обязательно таковым является.

ГЛУБОКИЕ И ПОВЕРХНОСТНЫЕ ВОПРОСЫ

Я думаю, эта история очень ясно показывает различие между суфийской и несуфийской психологией, а также обеспечивает нас способом исцеления от грубых предположений, основанных на принципе «либо это, либо то», расчищая таким образом место для *реального* изучения.

Некий человек пришел на лекцию одного мудреца с двумя букетами цветов.

Обратившись к лектору, этот человек сказал: «У меня в руках два букета: один составлен из живых цветов, а другой — из искусственных, его сделали непревзойденные в подделках мастера Китая. Если вы настолько восприимчивы, как полагается мудрецу, то скажите, в каком из букетов живые цветы. Однако вы не должны к ним приближаться, нюхать или касаться их».

Мудрец ответил: «Умный вопрос встречают умным ответом, глупый вопрос — глупым ответом. В данном случае мы имеем дело с вопросом, касающимся цветоводства. Принесите улей с пчелами!»

И когда принесли пчел, они, разумеется, выбрали живые цветы.

Эта история на мгновение раскрывает перед нами сущность суфийского метода изучения через живое участие в ситуации, когда людям показывают, как отличать одно от другого, так что даже *недоброжелательно* настроенные наблюдатели могут подготовить себя к тому, чтобы со временем стать способными понять суфизм. Миллионы миль отделяют подобный вид изучения от того, что мы читаем в томах иных ученых, беспощадно критикуемых суфиями за ограниченный подход к исследованию как таковому. Суфийская позиция в этом вопросе подытожена в следующей фразе: «Обучающийся подходит к учению в надежде, что оно всегда одно и то же. Учитель в своем подходе к обучающемуся надеется, что теперь его ученик способен стать другим».

Поэтому подбор учеников для работы в области суфийской психологии отнюдь не означает, что предпочтительными оказываются люди, обладающие какими-то качествами, которые их контролируют, — скорее, люди, способные проявить определенные качества в важное, в суфийском смысле, время. В суфийской деятельности особенно примечательным является *способ*, посредством которого принимаются во внимание превалирующие условия. Здесь считается, что преодолеть проблемы не более важно, чем использовать их. *Решение проблемы* для суфия — это только одна из нескольких

возможных реакций на нее: так называемые проблемы можно также предотвращать, можно избегать их или использовать.

Именно подобные концепции лежат в основе таких очевидно смущающих заявлений, как:

«Никто и ничто не сможет встать между вами и знанием, если вы соответствуете знанию, но любой человек и любая вещь могут заслонить его от вас, если вы ему не подходите».

Психология и культура Востока и Запада сходятся в убеждении, что человеческие общества, чтобы приобрести, сконцентрировать и передать знания, нуждаются в институтах, через которые подобные намерения могут осуществляться. Некоторые вещи изучаются в школах, другие — в специализированных учебных заведениях, третьи — в университетах, и это наиболее очевидные примеры такой деятельности. В большинстве подобных организаций людей обучают линейному, последовательному мышлению, что вполне себя оправдывает в изучении предметов, требующих именно такого подхода.

В Вавилоне существовали высокопочитаемые институты, которые специализировались на гаданиях по внутренностям животных; на протяжении многих веков в распоряжении выдающихся ученых этих институтов даже находились глиняные модели некоторых типичных внутренностей.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТИТУТОВ

Мимоходом можно отметить, что все подобные институты, в том числе и в современном мире, удивительно часто оказываются малоэффективными, при том что многие люди в течение долгого времени могут и не подозревать об этом. Возможно, увеличивающаяся критика предлагаемого ими обучения и лежит в основе некоторых современных попыток найти иные способы образования. Например, несколько недель тому назад я обратил внимание на слова профессора Брайана Гриффитса, председателя Объединенного математического совета Британского Королевства: *«Никто, конечно, не знает, как вообще кому-то удастся изучить математику. Но в одном вы можете быть уверены: это происходит вопреки, а не благодаря учителю»*⁵³.

Подобно тому, как математикам, вероятно, все еще предстоит усовершенствовать или даже изобрести новые институты для обучения своему предмету, западные люди, интересующиеся работой восточных специалистов в сфере человеческого сознания, в конце концов, я уверен, должны будут обратить внимание на характерные институты, через которые такая работа проводится нами. А как быстро и эффективно они смогут понять суфизм, зависит от их собственной гибкости...

Итак, все вышеперечисленное — или многое из этого — может подтолкнуть некоторых людей к заключению, что не так-то легко в западной атмосфере осуществлять суфийские занятия в их оригинальной форме. Однако должен заявить, что суфийская деятельность не только возможна на Западе, но и все больше и больше распространяется.

Теперь я коснусь основных соображений по поводу сохранения в современных условиях жизнеспособности института, огромная часть которого так или иначе работает на основе западных идей, — будь то на географическом Западе или нет. Но прежде чем сделать это, было бы неплохо вспомнить о механизме спроса и предложения, потому что на его основе функционирует современное общество.

Всегда существует вероятность, что, если забыта основная цель, многие процессы

⁵³ Daily Mail, London, 14 September 1976, p. 12, col. 5.

будут развиваться не так, как задумано. Каким бы ни был спрос, к примеру, на «суфийский хот-дог», маловероятно, что он появится.

Вместо бывшего идеологического предубеждения против новых видов мышления и изучения сегодня мы столкнулись с малозаметным, но распространенным культурным феноменом, действующим в современном обществе, и о нем я хотел бы упомянуть. Возьмем, к примеру, попытки превратить некоторые части индийской философии в психологические и, стало быть, в местных культурных терминах престижные занятия. В ходе подобной деятельности может быть потеряно столько, что от первоначальной жизненности этой философии ничего не останется. В результате мы получим явление, которое д-р Орнштейн назвал «наукой Востока и духовностью Запада», то есть полную противоположность тому, что должно быть на самом деле.

Примером подобной деятельности в удобном нейтральном формате может послужить недавнее газетное сообщение, на которое я обратил внимание, поскольку оно помогает нам запомнить, что происходит, когда одна вещь подчиняет себе другую и в результате даже полностью вытесняет ее.

Итак, как сообщается в статье, бензоколонки в Северной Италии стали продавать вместе с бензином красное вино, и вот теперь, согласно их отчетам, они продают проезжающим автомобилистам *вина* больше, чем бензина⁵⁴. Исход предположить нетрудно: пьяным автомобилистам бензин вряд ли понадобится. Это может послужить аналогией тому, что случится с суфийскими идеями, если их представят бок о бок с другими видами изучения.

Взрыв современного интереса к суфийской традиции ясно отделяет тех, кого привлекает в суфизме нечто странное, от тех, кто желает углубиться в изучение его психологии. Именно это имеет в виду д-р Леонард Левин (в своей недавней статье, опубликованной в ежеквартальном журнале *Philosophical Quarterly*⁵⁵), заявляя, что наше время является одним из тех сравнительно редких периодов, когда суфийское знание изливается в мир, и призывает нас этим воспользоваться. Со своей стороны, я уверен, что это взаимный процесс. Если бы, скажем, западные мыслители и психологи были готовы с определенной степенью объективности исследовать суфийские идеи — чего они не могли сделать раньше по соображениям культурной обусловленности и в результате увлеченности другими приоритетами — они бы еще тысячу лет назад обнаружили литературу, изобилующую удивительно «современными» психологическими идеями. Но хотели ли они сами знать, скажем, об обусловленности тысячу лет назад? Однако после открытий Павлова и после некоторых событий во время Корейской войны, когда обусловленность как психологический феномен попала в поле зрения исследователей, люди стали интересоваться нашей работой... Что останавливало их до этого?

С суфийской точки зрения, отрадно видеть, что определенные предрассудки, доселе державшие людей в своих тисках, сегодня потеряли силу, и нас могут услышать самые разные люди, соответственно подготовленные и желающие взглянуть на предмет наших занятий в контексте структур и проектов, которые *мы* сами считаем необходимыми и адекватными и потому их поддерживаем. Однако все еще остаются области, в которые мыслители западного образца пока не склонны входить.

Позвольте привести историю, которая, я надеюсь, помимо прочих своих измерений, сможет несколько прояснить для вас природу взаимного непонимания между Востоком и Западом, появившегося в результате того, что единственное взаимодействие между этими двумя культурами происходит лишь на основе свойственных им предположений, при отсутствии минимальной информации или развитой способности к восприятию. Я думаю, это довольно смешная история.

⁵⁴ Sunday Telegraph, London («Mandrake»), 19 September, 1976, p. 13, col. 6.

⁵⁵ IPQ, Fordham, New York and Heverlee-Leuven (Belgium), vol XV, No. 3, pp. 353-364.

МИСТИЧЕСКАЯ СВЯТЫНЯ

Наш рассказ, по-видимому, относится к разряду современных апокрифических преданий, и посвящен он мистическому храму, ну скажем, в Японии.

Пилигримы, посещавшие эту святыню, обыкновенно жертвовали несколько йен ее хранителю, монаху, который с утра до вечера сидел там, почти всегда пребывая в состоянии созерцания.

Однажды к храму подошел какой-то западный турист. Решив оказать святыне должное почтение, но не зная, сколько в таких случаях положено жертвовать, он вытащил из кармана несколько тысяч йен и предложил их монаху. Каково же было его удивление, когда монах с улыбкой вернул ему деньги, покачав головой в знак отказа.

«Наверно, я дал слишком мало», — подумал турист и, удвоив сумму, снова сделал свое подношение.

Монах долго смотрел на кучу положенных перед ним банкнот, затем, пожав плечами, достал из ларца какой-то древний свиток и протянул его посетителю, после чего поднялся и зашагал прочь по дороге.

Когда туристу перевели этот таинственный документ, оказалось, что монах передал ему сертификат собственности на весь храм...

Хотя суфийский институт имеет относительную и краткосрочную ценность, будучи предназначен для того, чтобы передавать людям *опыт*, а не становиться все больше и больше объектом поклонения, и хотя для суфия суфийские упражнения и концепции преследуют, в психологическом смысле, двойную цель — быть превзойденными, так же как и использованными, мы тем не менее можем сегодня на адекватном языке разговаривать с западными людьми, потому что чувствуем, что и они *начали* направлять свое внимание на вечную изменчивость и развитие вместо того, чтобы во всех случаях создавать институты, сила и авторитет которых не сопровождаются сущностной и сопутствующей такой монолитности гибкостью.

Благодаря новому умонастроению современных людей, утвердившемуся в них после крушения многих общественных институтов, которые оказались отнюдь не столь долговечными, как предполагали их создатели, и благодаря уверенности современных ученых в том, что за каждой покоренной вершиной вырастает другая, изменилась, как можно наблюдать, психология самих психологов. Если хотите, проверьте этот факт, почитав работы психологов, скажем, за последние 50 лет.

Поэтому сегодня мы имеем право указать на некоторые принципы, ставшие более ценными оттого, что воспринимаются как рабочие гипотезы, а не как догматы веры («идолы», как мы их называем), в результате чего можно наконец говорить с людьми о структурах — ведь многие уже в состоянии увидеть в этом средства к достижению цели, а не саму цель.

VII. ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В СУФИЙСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ

Говоря о возможностях вовлечения в суфийскую деятельность, мы должны очень четко понимать, что они неразрывно связаны с желаниями того, кто вовлекается. Стремясь найти что-то такое, что позволит вам лучше себя чувствовать, или воспринимать себя более значительным, или удовлетворить потребность быть вместе с другими, вы фактически ищете то, что подспудно обещает вам все это. Следовательно, вы не имеете ничего общего с суфиями или с суфийской деятельностью. А также это означает, что вы забыли замечательную американскую поговорку: «Бесплатного ланча *не* бывает».

Именно здесь, на Западе, то один, то другой человек задается вопросом о причинах духовной деградации и хотел бы доказать ошибочность популярной ныне шутки:

«Духовность была рождена на Ближнем Востоке, развилась в Центральной Азии, состарилась в Иране, сошла с ума в Европе и отправилась в Америку умирать».

Что до меня, то я, отнюдь не будучи туристом, придерживаюсь французской поговорки: «Омлет не бывает *почти хорошим*».

А теперь давайте подытожим, как сами суфии видят свою деятельность.

То, что большинство людей называют «суфизмом», традиционно известно на Востоке как «быть суфием», или «суфийя», а что касается «изма», то это типично западная конструкция. Если мы и употребляем слово «суфизм», то только для удобства общения. Точно так же житель Уэльса называет себя *уэли* (Welsh) — хотя на старом английском языке это слово означает «иностранец».

Цель суфийи — дать нам возможность понять, что лежит за границами обычных завес восприятия. Это относят одновременно и к переживанию индивидуумом Реальности, и к осознанию им своего потенциала. Опираясь на способность человека встретиться с чем-то, что находится выше человеческого уровня, данный вид изучения весьма отличается от учебы, навязывающей людям какую-то идеологию или провоцирующей в них привычные реакции. Называя суфийские занятия психологией, мы должны в то же время понимать, что эта деятельность включает в себя области, далеко выходящие за пределы того, что сегодня на Западе понимается под психологией.

ПУТЬ

Система суфийского обучения реализуется посредством объединения групп людей. Ориентированные на центральное направление, группы образуют общину, основанную на принципах и реальностях за пределами стадного инстинкта или удовольствий, получаемых от принадлежности к чему бы то ни было. Это мероприятие называется *Тарика*, Путь. Он характеризуется отнюдь не постоянной деятельностью и вечно повторяющимся учением, но скорее такими, возможно, заумными заявлениями, как: «Пренебрежение со стороны мудреца лучше, чем безраздельное внимание глупца!»

Тарика воплощает действие и бездействие, изучение и обучение в ритмах, собирающих ее в единый фокус и придающих ей устойчивую форму института, по необходимости гибкого и изощренного. Действие ее описывалось как «быть посредством *Баракы*» — тонкого элемента сообщения и обогащения. В выродившемся фольклорном и низкопробном мышлении эта «субстанция» (как ее называют) принимается за что-то вроде магической силы. В псевдонаучном мышлении ее иногда описывают как энергию, обладающую особыми свойствами, как, например, магнетизм. Подобные определения, с точки зрения суфиев, иллюстрируют лишь собственную ограниченность, отнюдь не давая удовлетворительного объяснения этому элементу. На самом деле, Бараку большинство людей «понимают» с помощью своего непонимания, своего искаженного представления о

ее значении.

ЗАПАДНЫЙ ИСКАТЕЛЬ

Здесь было бы уместно вспомнить рассказ об одном человеке; услышав незнакомое слово, он вложил в него собственный смысл и «понял», как ему показалось, ответы на свои вопросы, в которых это слово фигурировало, но совсем не в том значении.

В Кабуле, что в Афганистане, рассказывают историю об иностранном искателе Истины. Как только этот человек сошел с самолета, он спросил на своем языке повстречавшегося ему механика:

«Кто самый великий суфийский учитель?»

Механик, не понимая, о чем тот говорит, ответил: «*Намифахмам*», что означает: «Я вас не понимаю».

Пришелец, конечно же, решил, что тот назвал имя великого человека, который был ему нужен.

Вскоре после этого он увидел на улице толпу, наблюдающую похоронную процессию.

«Кого хоронят?» — спросил он одного из зевак.

«*Намифахмам*», — ответил человек, то есть: «Я вас не понимаю».

«Подумать только, я прибыл сюда слишком поздно!» — воскликнул искатель, после чего настроение его испортилось, и в расстроенных чувствах он возвратился домой.

Теперь этот человек рассказывает всем и каждому о своем великом паломничестве и о его бесславном конце.

ПОНИМАЕТ ЛИ НЕВЕЖДА МУДРЕЦА?

Успех на поприще суфийского делания, по сути, выражается в предпочтении отдавать, а не брать, скорее служить, чем принимать служение. Почти все культуры на словах признают этот принцип как идеал, но там, где его не применяют на деле, отсутствует элемент, способствующий достижению ментальной психологической позиции, которая высвобождает в человеке более высокую сознательность, — в результате люди не учатся. Сжудничать в этой игре невозможно.

Люди, в особенности те, кто алчут что-то получить и рационально объясняют свою жадность как по крайней мере похвальную амбицию, часто считают парадоксом тот факт, что человек всего добивается, когда эта амбиция устранена. Самое простое, что можно сделать в данной ситуации, — подтвердить относительную истинность утверждения, что люди обычно хотят слишком многого, а принятие неамбициозной позиции помогает им восстановить баланс, и тогда у них остается ровно столько амбиций, сколько им нужно, чтобы не превращаться в жадин: это фокусирует их ум, и он начинает правильно работать. Суфийские наставники слишком хорошо осознают скрытую в человеке жадность, а также как и почему ее необходимо ослабить.

Сказано: «Мудрецы понимают невежд, потому что сами некогда были невеждами. Но невежды не понимают ни себя, ни мудрецов, поскольку никогда не были мудрецами». Это касается и соблюдения необходимой и правильной меры в суфийских занятиях.

ДВА ВИДА СУФИЙСКИХ ГРУПП

Среди подлинных суфиев, принадлежащих неповрежденной традиции, существует два вида учебных групп, в которых осуществляется базисная суфийская работа. Вот они:

1) Объединения людей, пытающихся установить, могут ли они сформировать,

поддерживать и привести в стабильное состояние группу, обладающую потенциалом. Данные объединения обычно называются «дервишскими» группами. Среди тестов, которые они должны пройти, следующие: деградирует ли группа во властную структуру или иерархическую организацию; опустится ли их деятельность до простого поиска удовлетворений личного характера (ведь социальное удовлетворение, несомненно, можно найти где угодно), разовьется ли у членов этой группы какая-то другая незрелая потребность? Очень многие из таких групп не достигают успеха из-за того, что их члены в результате неосознаваемого сговора редко способны признать, что легко могут попасть во власть своих субъективных потребностей и что потребности эти могут в них проявляться под самыми изощренными личинами. Многие подобные объединения, встречающиеся на Западе и нередко на Востоке, представляют собой группы именно такого характера; возможно, они и обладают стабильностью, но не имеют никакого отношения к духовной деятельности.

2) Суфийские группы, называемые *тайфас*, либо с самого начала учреждаются учителем, либо формируются им (ею) из числа индивидуумов или членов групп первого типа при условии, что те избежали ловушек для начинающих. Группы *Тайфас* часто выполняют какие-то специализированные или внешние функции, так же как внутренние и развивающие. Это значит, что члены группы могут быть вовлечены в искусство, социальную деятельность, служение другим людям, даже коммерцию, одновременно выполняя соответствующие упражнения и занимаясь изучениями суфийского характера. Помимо прочего, цель подобной внешней деятельности состоит в том, чтобы протестировать участников и выяснить, способны ли они успешно работать как органическое целое, (а) не позволяя своим субъективным соображениям разрушить осуществляемую работу, (б) не допуская того, чтобы их внешняя деятельность была захвачена и «одухотворена» людьми, воображающими, будто, скажем, социальное служение само по себе является чем-то священным, а не минимальной обязанностью человека.

Как в восточном, так и в западном обществах мы нередко встречаемся с объединениями производными от этих групп, в которых тот или иной вид деятельности занял господствующее положение. Группы, фокусирующиеся исключительно на духовных упражнениях, концентрации, созерцании или медитации, тем самым обнаруживают симптомы своей деградации. Упражнения становятся чем-то вроде «коммерции» в группах и способом ее социального самовыражения.

Вторичные материалы, к которым относятся произведения искусства, поэзия, литература и всевозможные ремесленные изделия, традиционно, хотя и не обязательно, происходят из этих групп. Столь уважаемое происхождение подобных творений создает дополнительные трудности, ибо побуждает благонамеренных имитаторов, весьма благочестивых, но, в сущности, поверхностных людей, изучать второстепенное и привязываться к нему, что дает довольно жалкие результаты в плане развития подлинного понимания, хотя, возможно, приносит немало личного удовлетворения.

Когда такое происходит, мы наблюдаем либо «индустрию жадности» в действии, либо психологический феномен использования группы в целях личной психотерапии или для достижения социальной стабильности.

Если вы один из тех, кто хочет и съесть пирог, и сохранить его, то вполне подходите для этой стадии группового объединения.

Как поведал мне на днях один человек, величайший триумф западной культуры состоял в том, что она сумела обратить человеческую жадность в жажду знания, причем в достаточно большом масштабе, чтобы образование и культурный прогресс могли стать ее основными достижениями.

На первый взгляд, его идея может показаться совершенно замечательной. Но если вы хотите в это верить, то должны закрыть глаза на исследования, проделанные столетия тому назад и установившие, что с помощью подобного метода можно узнать весьма

немногое, так что, зайдя в результате такого подхода в тупик, вполне возможно, вам придется спросить исследователей, почему ваша программа не работает...

ЖАДНОСТЬ И СТРЕМЛЕНИЕ

Как трансформировать, скажем, человеческую жадность — в похвальный двигатель прогресса? Совершенно очевидно, что вы можете направить определенное количество энергии в конструктивное русло, когда знаете, с чем имеете дело и как с этим следует обращаться. Легко заметить, что решение проблемы жадности, то и дело применявшееся в культуре, состояло в непрестанном увещании людей: «Не будьте жадными, будьте конструктивными». Можно также заметить, как высоко ценилась в таких обстоятельствах способность скрывать жадность за фасадом конструктивной деятельности.

Вместо того чтобы предполагать, будто жадность — это нормальное состояние человека, надо увидеть в ней аномалию. Нормальность скрыта за ее покровом и стремится быть проявленной.

Все человеческие группы, при отсутствии внимательного отслеживания их деятельности, подвержены «духовной деградации» — их цель затуманивается и исчезает из виду в результате чрезмерного увлечения легковыполнимыми процедурами, вроде молитвенных или дисциплинарных упражнений и других подобных вещей. Люди, как мне иногда кажется, могут бесконечно говорить о том, что «мудрость познается на опыте». В среде суфиев, однако, человек узнает через опыт, как *распознавать* мудрость. Опыт бесполезен без средств, необходимых для его усвоения.

Существование огромного разнообразия эзотерических групп, имеющих весьма непохожие обличия, объясняется, согласно суфийской оценке, всего лишь двумя причинами. Первая состоит в том, что временные обучающие форматы, соответствующие специфическим сообществам, позднее были превращены в священные институты; вторая причина — в результате свехупрощения второстепенные процедуры стали пониматься как основополагающие.

В суфийском понимании не существует противоречий доктринального характера, так как восприятие Истины, по существу, всегда одно и то же, а потому любые расхождения относятся к уровню систем, основанных на идеологии, а не на опытном переживании. Идеологии существуют лишь там, где отсутствует абсолютное знание. Если вы знаете что-либо, вам нет нужды верить или не верить в это...

Идеология связана с автоматизмом; доктрина же, в суфийском смысле, инструментальна. Вполне естественно и в то же время опасно путать заботы текущего момента или даже извечные вопросы с неизменными истинами. Истина — это то, что вы способны узнать, а не то, что вам, по вашему мнению, необходимо узнать. Истина — это то, что есть, а не то, что должно быть. Как говорят суфии, маршируйте сколько угодно, ориентируясь на указательные знаки, — ведь иногда не существует более короткого пути к цели. Но в то же время вы должны помнить, что подобная деятельность — лишь средство к достижению цели. Все указательные знаки и, возможно, даже сама привычка к маршировке, должны быть отброшены, после того как они выполнили свои функции. Суфиями способны стать те, кто в состоянии это понять и жить с этим.

При всем желании я не могу забыть, до какого гротеска иногда доходят «духовные» люди. Мне доводилось наблюдать немало примеров, но хочу привести вам в качестве иллюстрации наиболее показательный.

ЭКВИЛИБРИСТИКА С ЯЙЦОМ

Однажды мне бросил вызов почтенный член одной духовной общины, предложив

удержать яйцо на кончике носа. Как мне сообщили, этот трюк был успешно исполнен бывшим главой их учения, причем не так давно.

Так как мне не удалось повторить фокус, присутствующие посчитали меня духовно неадекватным, хотя должен с радостью отметить, что такого мнения они придерживались недолго. Но моей реабилитации отнюдь не способствовал, чтобы не сказать больше, мой благочестивый оппонент.

Их мнение обо мне изменилось после того, как один диссидент в группе, подобно ребенку в толпе, увидевшему голого короля, сказал:

«Это предложение мне кажется дерзким и рискованным; оно не лишено элегантности, но материалистично по сути; не говоря уже о том, что в случае успешного выполнения подобного трюка человек, как мне кажется, рискует впасть в греховную гордыню».

Беседуя позднее с одним выдающимся, но бывшим лидером этой общины, я спросил его, откуда вообще взялся трюк с яйцом.

«Первоначально его придумали для телевизионной передачи», — ответил он.

* * *

Истинная группа, из категории «органических» объединений, развивается — в сущности, даже возникает — в ответ на потенциальные возможности ситуации.

Разумеется, сколько бы нас ни просили: «Расскажите все как есть», — подобные факты можно передать не всегда и не каждому. Здесь приходится действовать не спеша, потому что многие люди, как правило, не способны проглотить все за один присест, особенно если они пришли к вам, чтобы услышать нечто совсем другое. (В этом состоянии люди могут приобрести что-то, о чем они не знают, посредством методов, которые никогда не работали).

ПРИХОДИТЕ ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА

Однажды, когда я был очень молод, я сидел в обществе одного знаменитого суфийского мастера.

В комнату вошел путешественник, проделавший многомесячный путь, чтобы посетить нашего суфия.

«Я пришел в полной уверенности, что должен просить вас принять меня в ученики», — сказал он.

Суфий ответил ему: «Приходите через три года и не пытайтесь вступить со мной в контакт в течение всего этого времени».

Когда посетитель ушел, я тяжело вздохнул при мысли о том, как долго придется ждать этому человеку и какое тяжелое испытание «предписал» ему учитель.

«Да, я знаю, — сказал мне суфий, — надо было сказать, чтобы он пришел лет через десять, но мне не хотелось, чтобы он считал меня слишком жестоким. *Ему* не будет никакой пользы, если он станет плохо думать обо *мне*».

ЦЕННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ

Так как проявление высших человеческих восприятий и приведение их в устойчивое состояние достаточно сложно в условиях социального и профессионального окружения, которое способствует развитию в людях преувеличенных амбиций, страхов, показухи, привычек и т.п., то сохранность и целостность инструмента становятся особенно значимыми. Поэтому инструмент, *Тарика*, считается «истинным домом», школой и источником стимулов, покровителем ученика на пути суфийского изучения. Как мы уже видели, в разложившихся системах содержащее принимается за содержимое, в результате

чего развивается поклонение организации (традиционно именуемое суфиями «идолопоклонством»).

Степень реализованности индивидуума (и группы) зависит от того, насколько представленное руководящими принципами знание, наряду с мерами по защите индивидуума от крайностей, находится в гармонии с его собственной искренностью и готовностью настроиться на истину — в отличие от предубежденности, или приверженности догме, или жажды немедленного и непосредственного удовлетворения. «Уровень потенциальных возможностей зависит от правильности стремлений человека».

СХОДСТВО СУФИЙСКИХ ПОДХОДОВ С ДРУГИМИ УЧЕБНЫМИ ПОДХОДАМИ

Внимание к вышеприведенным пунктам показывает, что они сходны с требованиями гораздо более привычных учебных ситуаций.

Никакое профессиональное образование, например, невозможно без источника учения, соответственно подготовленных студентов, собранных в подходящем месте и в правильное время, без необходимого минимума информации и соблюдения учащимися определенных правил поведения, в том числе обязанности избегать всего, что отвлекает их внимание или неуместно для их образования. Кроме того, для достижения любой цели необходимы определенные виды усилий. По нашим наблюдениям, как на Востоке, так и на Западе люди привыкли выражать и иногда осуществлять свои стремления через различные организации. Суфийский институт *Тарика* как раз и является таким инструментом. Не будет, однако, преувеличением сказать, что привлекательность «эзотерических» занятий для многих людей связана как раз с *отсутствием* порядка и цели в рудиментарных и других формах «эзотеризма». Суфии, как и все другие люди, вовлеченные в целенаправленные мероприятия, поддерживают свои собственные структуры и организации.

Это одна из причин, по которой суфийская деятельность, как говорится, не имеет «никакой истории». Поскольку в фокусе суфийского внимания история не занимает центрального места, изучение биографий выдающихся личностей, «эзотерический туризм» и «музейное коллекционирование» фактов рассматриваются в лучшем случае как вспомогательная деятельность, не имеющая существенного значения. Актуальность суфизма и его эффективность постоянно возобновляются из источника суфийского учения, через связь с суфийским организмом, а не в результате привязки к статичному знанию доктрины или к застывшему ритуалу. Фальшивое золото, как сказал Руми, производят только потому, что есть настоящее золото, которое хотят подделать.

ДРУГИЕ ГРУППЫ «ВЫСШЕГО СОЗНАНИЯ»

Представители суфийского учения обычно не делают заявлений по таким вопросам, как подлинность или ложность конкретных индивидуумов, культов или школ.

У них, как и у всех, кто принадлежит к подлинной обучающей структуре, есть только одна обязанность: утверждать свои собственные принципы, а также поддерживать целостность и прогресс деятельности, в которую они вовлечены. Это отнюдь не означает, что они должны конкурировать с другими организациями, которые предпочитают строить свою деятельность на иной основе. Исследователи же, если хотят оценить встречающиеся им подобные организации, должны иметь возможность сравнить их с системой обучения в подлинной суфийской традиции — вполне доступной — и руководствоваться здравым смыслом: «Пусть собака с кошкой дерутся, выясняя, кто из них крыса. Суфия больше интересуется истина».

ПРИМЕНЕНИЕ УЧЕНИЙ НАОБУМ

Доступность в широкой печати суфийских и других обучающих материалов привела к двум результатам:

1) Некоторые люди знакомятся с материалом и затем, если хотят участвовать в комплексной программе обучения, обращаются к законным суфийским источникам. В этом, разумеется, и состоит одна из целей публикаций суфийских материалов.

2) Другие люди, а таких, возможно, большинство, хотя их усилия не имеют реальной опоры, пытаются применить эти источники и надеются научиться по ним или учить других, не обладая при этом основополагающим опытом, совершенно необходимым для успешного выполнения обучающих функций. Энтузиазм и амбиции таких людей обгоняют их подготовленность к правильному изучению. Мы отмечаем, что эти последствия существуют, вы же можете наблюдать их проявление повсеместно.

Здесь опять же можно увидеть параллель с более известными областями образования. Пользы от таких любителей, как для них самих, так и для других, столько же, сколько от тех, кто, ничего не зная о врачебном деле, но прочитав несколько книг по медицине, приобретают в аптеке лекарства и начинают заниматься лечением. «Истина ищет всего тебя. Позабойся, чтобы и ты по-настоящему искал ее».

МОДЕЛЬ СУФИЙСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Суфийское предприятие осуществляется согласно следующему образцу:

1. Материалы попадают в обращение из источника знания;
2. Индивидуумы и группы знакомятся с этими материалами;
3. Тех, кто стремится к мгновенному удовлетворению, привлекательным теориям и так далее, — обескураживают;
4. Люди, которым необходимо обстоятельное приобретение знания, допускаются к занятиям;
5. Для индивидуумов и групп организуется деятельность внешнего и внутреннего характера. При организации подобной деятельности исходят из оценки нужд и возможностей;
6. Внешний вид суфийского предприятия может иметь, а может и не иметь видимого сходства с изжитыми и замещенными форматами, независимо от их привлекательности;
7. Индивидуумы и группы приводятся в гармонию посредством программы, в которой они взаимодействуют друг с другом и управляющим элементом, известным в некоторых своих аспектах как «центральное направление». В процессе создаются и поддерживаются условия, необходимые для подлинной суфийской активности, куда также входят обеспечение необходимыми «питательными веществами» и исключение ограничивающих факторов.
8. Людям и собраниям, которые испытывают влечение к объединению на какой-то другой основе, на раннем этапе предоставляется адекватная возможность понять, что их запросы могут быть удовлетворены в другом месте, к взаимному удовольствию сторон. Таким образом, каждый получает возможность следовать пути, соответствующему его или ее действительной цели и способностям.

Как психология, суфизм содержит в своем арсенале методов некую процедуру, которую можно выделить из целого с тем, чтобы понять людей и ситуации, не поддающиеся анализу с помощью ординарных средств.

Обычно, оценивая каких-то людей, отыскивают их ярко выраженные характеристики и выводят «модель поведения» того или иного человека, тем самым вешая на него некий ярлык.

Заслуживает огромного интереса, однако, следующее наблюдение: предположительно

выдающиеся человеческие черты отражают лишь то, что включает в себя личность человека.

Фактически подобные черты отражают определенные результаты заученных образцов поведения.

Много лет назад один суфийский мудрец посоветовал мне обратить внимание на поведение людей, скажем, на такие проявления, как терпимость, безразличие, враждебность и тому подобное, а затем отвлечься от этих характеристик и поискать нечто более ускользающее, не поддающееся столь четким определениям.

Когда я развил в себе навык к такому наблюдению, я был изумлен, открыв в людях совершенно новые, доселе неизвестные мне диапазоны целенаправленных действий, представлявшие собой сигнальные указатели общей поведенческой структуры, и благодаря этому я сумел понять целое — чего не смог бы сделать, выделяя лишь грубые и социально обусловленные модели человеческого поведения.

Конечно, в этом состоит весьма передовой метод реализации принципа: не суди по внешнему, не обобщай на основе недостаточного материала. Превращенный в технику наблюдения, вышеописанный метод становится поистине замечательным инструментом формирования оценки.

Но закончу я фразой, часто повторяемой моим учителем, который позаимствовал ее из обширного и древнего знания суфиев, и слова эти дали мне больше, чем я могу выразить, став для меня ключом, если таковой вообще возможен, к пониманию поразительно богатой мудрости суфийского учения:

«Мастер тот, кто может учить без того, чтобы это всецело называлось учением;
Ученик тот, кто способен учиться, не становясь одержимым учением».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Территория психологической активности в человеческом существе представляет собой, с точки зрения суфия, область вторичного, грубого и обусловленного «я» человека — не того «Я», которое достигает высшего сознания, но «я», действующего на социальном плане. Обычные человеческие усилия направлены на стабилизацию вторичного «я» и на интегрирование его с обществом (будь то религиозным или иным), а эмоциональные переживания, которые доступны этому «я», обычно путают с высшими переживаниями, что в лучшем случае развивает терапевтическую деятельность или формирует новые племена и сообщества (фактически культы), а вовсе не объединения более сознательных людей. Я говорю «в лучшем случае», потому что это лучшее, чего можно достичь, работая на подобном уровне; не говоря уже о том, что такие результаты нежелательны. Люди, нуждающиеся в терапии или в принадлежности к общности, должны прежде всего позаботиться об удовлетворении своих нужд и не путать свою естественную потребность с высшими восприятиями.

Существует суфийское высказывание: «Никто не достигнет Абсолютной Истины прежде, чем тысяча честных людей не назовут его неверным». Этот принцип работает и в мирских делах, и на той территории мира, которая связана с психологией и метафизикой.

Для того чтобы суфийское понимание человеческого ума можно было продемонстрировать и пережить — даже в нашем современном изощренном обществе, — необходимо развенчать какие-то мифы и пренебречь некоторыми табу. Согласно одному из таких мифов, социальная гармония и высшие переживания являются чем-то единым или подобным друг другу, либо предполагается, что одно ведет к другому. Фактически же социальная гармония и ментальное равновесие представляют собой насущную необходимость, подобную потребности в еде и других видах питания, но не более того. Восхваление этих вещей и искажение их подлинного значения свидетельствуют о недостатке знания.

Мы живем в мире, где честность и правильная оценка ситуации часто кажутся безумием или в лучшем случае объектом для шуток.

В нашей области изучения имеющиеся данные и предпосылки должны быть исследованы, чтобы выяснить, является ли сознание, с которым мы знакомы, тем же самым сознанием, которое способно развиться до высшей осознанности. Является ли ментальная уравновешенность или социальный комфорт еще одним словом, обозначающим путь к Небесам, или они имеют отношение к нашему низшему, хотя и необходимому, стадному инстинкту? С какими элементами, если таковые существуют, нам надо работать, чтобы лучше понять способности человеческого разума? Можем ли мы как члены общества, основанного на аналитическом подходе к реальности, на самом деле осмелиться подвергнуть анализу те вещи, которые мы, подобно всем стадным сообществам, считаем непреложными, и задать вопрос: подходят ли для своей задачи желающие учить других или заниматься исследованиями в этой области, способны ли они задавать правильные вопросы и извлекать пользу из ответов? Неужели люди современного мира настолько одержимы модернизмом, что верят, будто могут разобрать на части традиционные системы и собрать их по-новому, придав им большую жизнеспособность?

Я еще даже не начал задавать вопросы, которые задал бы суфий тому, кто захотел бы узнать больше о его учении...

В суфийском понимании применение чего-либо на практике означает использование уже приобретенного знания теми, кто получил это знание. Это не имеет ничего общего с приверженностью многовековым обычаям или даже с раскрытием одного информационного пласта за другим. Суфийское утверждение, что суфий не только уже

прошел этот путь, но и способен, благодаря уникальному методу, снова возвратиться к началу, чтобы пройти его со своим учеником, не подлежит обсуждению. Ибо ученики, даже пытаясь что-то проанализировать, почти по определению проявляют тенденции, которые, как знает суфий, укореняют в них невежество (одержимость, заикленность, склонность к низкопробным развлечениям и так далее), что вовсе не приближает к знанию.

Таким образом, хотя современный интерес к суфийской работе прошлого всячески приветствуется, тем, кто пытается связать прошлое с настоящим, мы можем самым деликатным образом, который только позволителен в сегодняшних условиях, заявить, что данная традиция и методология продолжают, как всегда, оставаться целостными, живыми и вполне благополучными. Суфии всегда готовы безоговорочно разделить то, что имеют, с любым желающим подойти к этому, как показал древний и по-прежнему актуальный опыт, единственно возможным путем: посредством методов, эффективных потому, что их предписывает само высшее знание.

Издательство «Эннеагон»

БЛАГОУХАЮЩИЙ СКОРПИОН
Идрис Шах

Перевод Юлиан Аранов

Редактор — Валентина Пазилова

Корректор — Анна Малкова

Оформление и дизайн обложки — Александра Сухарева

Подписано к печати 06.12.2005 г. Бумага офсетная.

Гарнитура AcademyC. Формат 60 x 90 1/16.

Условн. печ. лист. 18,0. Тираж 3000. Заказ № 2 04 7

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.